



Твои заботы, секретарь

...Это была не куртка, а загляденье просто. Стройотрядовские значки, нашивки — сразу видно, что обладатель ее бывалый участник трудового семестра. И ничего не было странного в том, что студентка щеголяет в ней, да только обстановка не совсем подходящая — «на картошке», среди рабочего дня. «Как на параде, — поморщился Сергей Тибейкин. — Чего это ты вырядилась! Твои регалии!» — «Да нет, — пожалала она плечами. — Так, приятель дал поносить». — «Сними-ка ее лучше, — попросил Сергей. — Все это надо заработать».

Так уж вышло, что день секретаря комитета комсомола Сибирского ордена Трудового Красного Знамени технологического института Сергея Тибейкина начался со стройотрядовских проблем. Сперва нагрянули командиры, а у них известно что — извечные заботы: плакаты, объекты, договора, поставки материалов...

Но это ведь и его заботы. Обязательства института серьезные: в год 25-летия ССО — освоить 3 миллиона рублей капита-



ловлений, перечислить в фонд строительства города Гагарина, в фонд помощи молодежи развивающихся стран, в фонд строительства пионерских и молодежных лагерей 15 тысяч рублей. Эти планы были выполнены.

А день, наполненный делами, торопит. Надо «поймать» в холле института активистов, зайти на факультет общественных профессий, проверить, как успехи у группы оформителей, решить массу мелких и больших проблем, с которыми идут к нему комсомольцы... И еще встретить в комитете девчат из отряда «Эдельвейс». Он этой встрече искренне рад. Отряд сплошь из девочек, а в соревновании они перегнали многие «мужские» отряды. Подарок их — именная каска — теперь останется в комитете комсомола.

Наверное, за это его и уважают — за умение вникнуть в любое дело и не делить свои заботы на главные и второстепенные. Впрочем, что такое уважение шеститысячного студенческого коллектива института? Ответ невольно дал он еще с утра, когда ездил «на картошку»: «Все это надо заработать».



Фото В. Сергеева



- 1 СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ
Итак, сверим часы...
- 2 ПИСЬМА ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛЮДЕЙ
- 4 УЧЕБА — ГЛАВНЫЙ ТРУД СТУДЕНТА
Евгения Аграновская. Это мы не проходили...
- 10 Марина Князева. Современен ли экзамен?
- 12 АКТУАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР
Вячеслав Малыхин. Былая слава или факт настоящего?
- 14 ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ
Чингиз Айтматов: «Верю в человека»
- 20 ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ
Александр Яшин
- 23 ЛИРА-84
Гасан Касумов
- 24 ПАРАЛЛЕЛЬ
- 26 ПРОЗА
Евгений Филенко. Сага о Тимофееве. Фантастическая история
- 37 Хулио Кортасар. Кошмары. Рассказ
- 30 ДЕБЮТ
Игорь Сидорук, Елена Езерская, Шхамбий Куев, Петр Козлов, Тамара Пирогова
- 31 ДИСКОТЕКА
Василий Казаринов. «Вышлите портрет Челентано...»
- 33 ЛИЧНОСТЬ В НАУКЕ И ТЕХНИКЕ
Владимир Губарев. Королев — Шубников
- 40 ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТАТИВ
Савелий Ямщиков. Это и есть творчество
- 43 АЗБУКА ДЛЯ ДВОИХ
Николай Вересов. Почта двадцатичетырехлетних...
- 44 ВСТРЕЧА
Вахтанг Кикабидзе. Мечта — песня
- 46 МОЛОДОЙ ХОЗЯЙКЕ
- 47 СПРАВОЧНОЕ БЮРО
- 47 СПОРТ, СПОРТ, СПОРТ
Сергей Шачин. «Вот пришел мой час...»

Итак, сверим часы...

Итак, сверим часы... Сверим их с главными студенческими часами, отсчитывающими время на башнях первого вуза страны...

Так начиналось редакционное слово к читателю, опубликованное в «Студенческом меридиане», на обложке которого стояло: январь, 1974.

Да, с этого момента «Меридиан» стал выходить как ежемесячный журнал. Но сегодня в выходных данных его значится: «Издается с мая 1924 года». Почему молодой «Меридиан» «постарел» сразу на 50 лет? Потому что восстановлена историческая истина. Благодаря заботе партии и правительства у студенчества Страны Советов и раньше был свой журнал. Назывался он в разное время по-разному: «Красная молодежь», «Красное студенчество», «Советское студенчество», а теперь, уже десять лет, — «Студенческий меридиан».

Скорость и время. Два главных символа жизни. Расшифровать их для себя — задача каждого из нас. С таким напутствием всегда обращался журнал к читателю. Вчитаемся в строки репортажей, взглянемся в лица героев студенческого журнала — не ради повторения произнесенного, прочувствованного, открытого в тот первый год. Ради того, чтобы ощутить вкус времени, стремительность его движения.

Пусть невозможно быстрой журнальной строкой охватить все, что было, вернуть и прокрутить перед мысленным взором кадры хроники студенческой жизни, застывшие на журнальных полосах в злободневности информации и пристальности статей, динамике фоторепортажей и неторопливой вдумчивости очерков — давайте просто вычленим крупницы бытия из россыпи событий, фактов, мнений.

«Студенческий меридиан-74»: «...Началась Всесоюзная олимпиада «Студент и научно-технический прогресс».

Воспримем эту строчку не только как констатацию свершившегося факта. В ней — признак движения времени, постоянного поиска, того состояния вечной неуспокоенности, которое всегда было смыслом комсомольской работы в вузе. Итак, родилась новая форма этой работы.

Вдумаемся. Олимпиада «Студент и научно-технический прогресс». Сейчас, оглядываясь на прожитые десять лет, можно сказать: это было замечательное начинание вузовского комсомола.

Совсем недавно мы проводили в редакции «круглый стол» с победителями Всесоюзного этапа олимпиады. Отложились в памяти слова одного из участников разговора: «Для меня смысл олимпиады в том, что она помогла мне обрести уверенность в себе». Значит, не только накопление знаний. Не только свободное владение учебным материалом. Но еще и воспитание, формирование нравственного стержня личности.

Невозможно в одном материале охватить все, чем жил, над чем работал вузовский комсомол все эти годы. Важно подчеркнуть, что тогда, в 74-м, он искал, внедрял в практику то, чем мы сегодня по праву гордимся. Почти во всех вузах действуют комсомольские штабы «Абитуриент». Традиционными стали республиканские, краевые, областные слеты отличников. Реальные плоды приносит система коллективного поручения группе. НИРС стала активным методом повышения качества подготовки специалистов, ежегодный экономический эффект работы студенческих научно-технических объединений сегодня составляет 35 миллионов рублей. Формируется система сотрудничества комитетов комсомола и кафедр общественных наук. Заряд большой воспитательной силы несет в себе участие студенческой молодежи во Всесоюзной поисковой экспедиции «Летопись Великой Отечественной». Почти во всех вузах страны действуют ФОПы. Миллионы юношей и девушек принимают участие во Всесоюзном агитпоходе студенческой молодежи...

Даже это короткое перечисление дел вузовского комсомола дает возможность почувствовать пульс времени, его неумолимый бег.

«Студенческий меридиан-74»: на цветной вкладке — карта страны. Подпись: «Перед вами карта дислокации студенческих строительных отрядов. Время действия — 1974 год. Место действия — вся страна. Количество бойцов — более полумиллиона».

Точками обозначены объекты: КамАЗ, БАМ, Норильский горно-металлургический комбинат...

Сколько поправок внесло в эту карту время! Дает продукцию КамАЗ, по участкам БАМа идут поезда... На сегодняшней карте отмечены флажками районы новых ударных строек: КАТЭК, Смоленская АЭС, Оскольский электрометаллургический комбинат, Экибастуз...

Но смысл нашего разговора не только в обозначении мест приложения трудового энтузиазма студенчества. В движении студенческих отрядов за эти годы появилось очень много нового. Все больше приближается работа в период трудового семестра к профилю изучаемой в вузе специальности. Численность «профильных» отрядов достигла 160 тысяч человек. Почти в четыре раза вырос студенческий отряд в Нечерноземье, увеличивается вклад ССО в освоение нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири.

Дело чести ССО — активное участие в реализации Продовольственной программы. Около полумиллиона бойцов ежегодно отправляются на село. Участвуют в строительстве, трудятся на ремонте техники, оказывают помощь мелиораторам. Отлично показал себя на уборке 40-тысячный отряд механизаторов.

Увеличивается вклад студентов в животноводство. Шесть тысяч бойцов трудятся в животноводческих отрядах. Об одном из них — отряде «Айболит» — журнал рассказывал недавно на своих страницах.

«Студенческий меридиан-74»: «Ждем интересных, содержательных писем. И они к нам идут. К концу апреля семьдесят четвертого года редакция получила 4145 писем». На обложке прошлого номера вы видели цифру 100 000. Да, почта «Меридиана» перевалила за сотню тысяч.

Но дело, конечно, не в количестве. А в чувстве, с которым читатель пишет в журнал.

Тут есть хорошая примета — очень многие письма начинаются со слов: «Хочу поделиться...»

Читаешь их всегда с волнением. Потому что в отношениях читателя и редакции живет один из главных наших нравственных принципов: человек просит о помощи — помоги; он попал в беду — подай руку; он потерял душевное равновесие — сумей его понять.

Наивно, может быть, как-то по-детски выразила это чувство наша читательница из Таллина Светлана Селезнева: «Дорогая редакция! Вы, конечно, знаете, что у человека бывают минуты, когда «все из рук вон»... В такой момент мне пришлось ваше письмо. Я держала в руках маленький листок и вдруг почувствовала спокойствие. И все встало на свои места...» Что ж, пусть наивно. Но нет для людей, работающих в редакции, большей благодарности, чем такие письма.

Не так давно командировочные дороги привели наших корреспондентов в Самарканд. Командировка как командировка. Разъезды, беседы со студентами, словом, обычная работа. И вдруг — пронзительно яркая встреча с прошлым журнала...

— Вы ведь писали о Славе Микрюкове?! Давно это было... Спасибо. Теперь все хорошо.

Самарканд? Да, адрес одной из командировок 74-го года.

Этот человек был прикован к постели. И знал, что болезнь уже не даст ему подняться. И мучился жестокой душевной мукой: как найти выход, где взять силы, чтобы перемочь превратности судьбы, вырвавшей тебя из стремительного потока жизни, и суметь однажды сказать себе: «Я сам делаю свою жизнь».

Тем потайным, укромным уголком, где можно скрыться от невзгод, были для него стихи.

Журнал опубликовал очерк. Дал подборку стихов Славы.

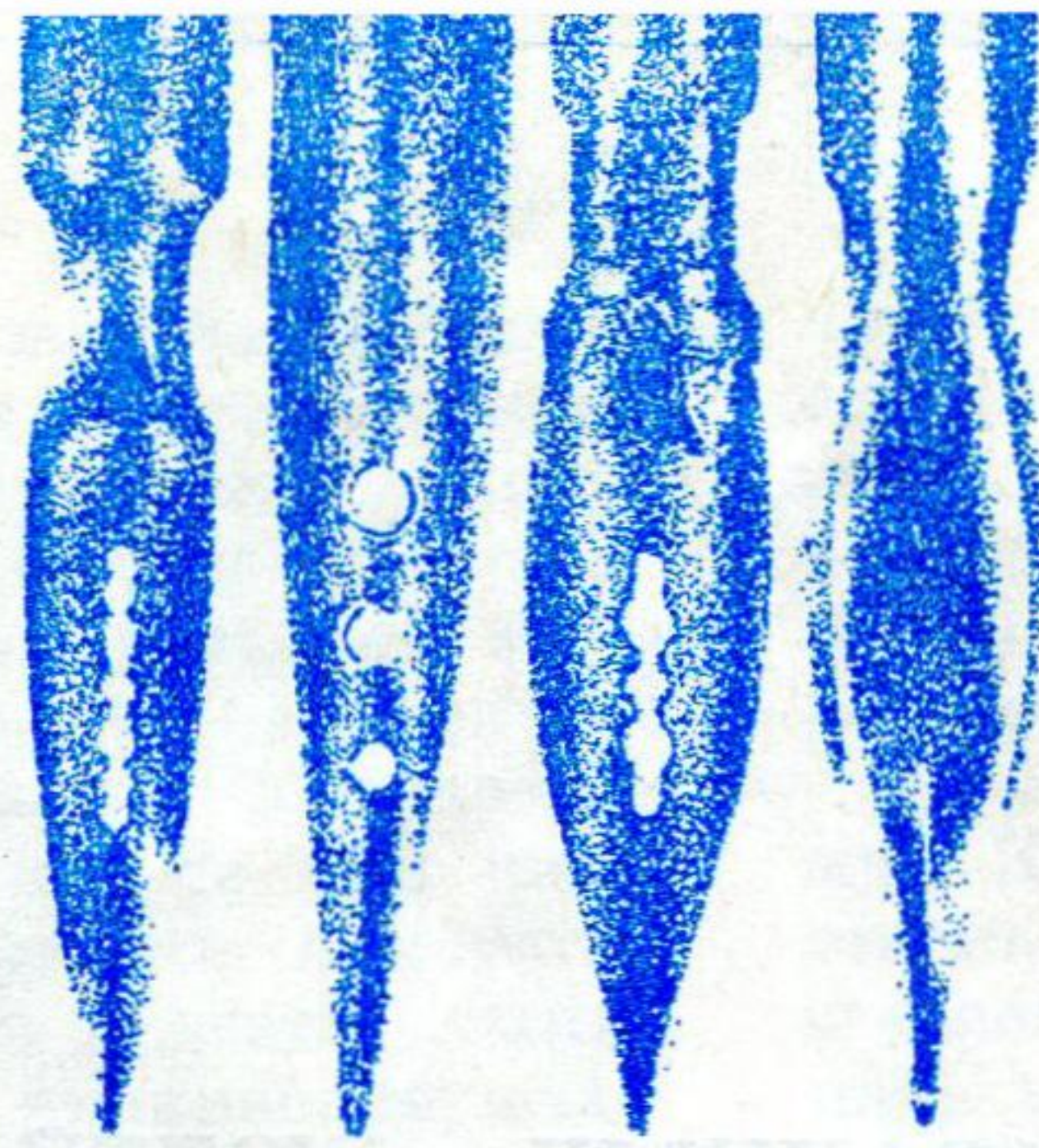
В дом, где, казалось бы, навечно прописалась беда, пришли люди. Читатели журнала. И дом согрелся человеческим теплом.

Он закончил университет. Вышла книжка его стихов. Одна судьба — казалось бы, что может она значить в движении времени?

Давайте в нашем взгляде на немасштабность факта не потеряем способности видеть глубину его смысла.

Человек нашел себя в жизни. И этим все сказано.

Вот отсчитали главные студенческие часы десять лет — срок немалый, а волнением премьеры по-прежнему живет журнал, как немислима без волнения и вся студенческая жизнь: яркая, интересная, запоминающаяся.



Письма заинтересованных людей

Договорились и... забыли

Наш отряд «Гренада» работал в городе Стрежевом, что в Томской области. Жаль только, что руководство автоколонны не подготовилось к нашему приезду. А самое главное — не был готов объект, ради которого мы приехали. Работы в ПМК оказалось лишь на двадцать человек, а что же делать остальным двадцати трем?! Зачем было заключать договор?..

Мы — штукатуры, плиточники — не первый год ездим в отряд, многое могли бы сделать для города. Но девчата простаивали, либо штукатурили таким некачественным раствором, что он отваливался после первого же дождя. А ведь мы коммунистический отряд — все заработанные деньги перечисляем в Фонд мира, наш заработок будет одним из важнейших показателей работы.

И все-таки командир отряда Марина Крылова и мастер Николай Чепуриенко не впали в уныние. Благодаря им работа наладилась. Нашли другие объекты, дело пошло, и мы наконец почувствовали, что нужны здесь.

Наладилась работа — поднялось и настроение. Агитбригада дала шесть концертов. Главная же забота — сдача объектов — впереди. Не утихала и отрядная жизнь: всем, наверное, запомнятся дни поэзии, недели солидарности с народами борющихся стран, день подарков...

В огромном палаточном городке — районном студенческом отряде «Родина» — 1300 человек, около 30 ССО. Как интересно жить всем вместе! Все больше мы узнавали друг о друге. И как хотелось, чтобы лето длилось дольше, а над нашим городком все так же развевались отрядные флаги.

Пройдет лето. Но «Гренада» будет жить и зимой.

На базе отряда создан КИД, выступает и наша агитбригада. Часто мы еще будем встречаться. И для всех нас, таких разных, имеющих столько увлечений, «Гренада» стала родным домом, нашим общим делом, нашим, пусть скромным, вкладом в борьбу за мир. Ведь сейчас это самое главное! Для этого и существует отряд, и с каждым годом он крепнет, растет.

Ирина Макушина, комиссар коммунистического ССО «Гренада», ТГУ

«Сержанты индустрии»

Год назад я закончила Красноярский монтажный техникум, который стал для меня настоящей alma mater. До сих пор, как только выдается свободная минута, иду туда, зная, что смогу получить добрый совет и ответ на самый каверзный производственный вопрос. Наши преподаватели научили нас многим важным вещам, и прежде всего благодаря им мы по-настоящему полюбили свою профессию. Связь всегда была самой прогрессивной отраслью техники, а мы, монтажники, сталкиваемся с современной. Среднее звено НТР — звено очень важное. Но, к сожалению, в «Студенческом меридиане» мало внимания уделяется «сержантам индустрии».

Многие выпускники техникумов работают бригадиром, мастерами и даже начальниками участков. А где взять девятнадцатилетнему парню или девушке опыт работы с людьми? Вот и учатся на своих ошибках, набивают шишки. В худшем случае теряют всякий интерес к своей работе. Нельзя оставлять без внимания эти проблемы! У нас в стране сотни техникумов (только в Красноярске их более 10), и скольким их выпускникам нужны поддержка и совет...

Т. Анисимова,
г. Красноярск

У самого Черного моря...

Приятно погреться на солнышке и поплескаться в море. Но если так проходит день за днем, то подобное занятие скоро приедается. Не случайно такой отдых и называют пассивным.

Мы пробыли в спортивно-оздоровительном лагере «Горизонт» под Севастополем двадцать дней. Но никто из нас, студентов из Петроза-

водска, Таллина, Ивано-Франковска, Ленинграда, не сказал: «Надоело! Каждый день одно и то же».

Конечно, мы купались, загорали, но были и интересные лекции, кинофильмы, экскурсии по Севастополю, Южному берегу Крыма, Бахчисараю... Но, пожалуй, самым запоминающимся событием нашей лагерной жизни стала спартакиада «Горизонт-83».

Долго кипели страсти на футбольном поле, теннисных кортах, волейбольных площадках, а когда стемнело, всех — и победителей и проигравших — объединила веселая лагерная дискотека.

И еще одна деталь, которая мне показалась важной: чистота и порядок в лагере, на пляже. «Горизонт» на полном самообслуживании. Мы сами убирали участки вокруг домиков, работали по благоустройству лагеря. А в столовой нас встречали неизменно приветливые официантки — студентки СПИ. Для них лето — горячая пора: трудовой семестр.

250 студентов с середины мая до конца сентября отдыхают в «Горизонте».

Лагерь строится. Осваивается сумма в 1,5 миллиона рублей. Через год-два на берегу Черного моря вырастут три трехэтажных корпуса, на 150 человек каждый. «Горизонт» ждет гостей!

*Виктор Ченцов, студент
Петрозаводского
государственного
университета*

Фанаты или болельщики?

То, о чем я хочу написать, может показаться кому-то забавным. Но мне совсем не до юмора. Дело в том, что я болельщица. Да, да, не удивляйтесь. Я поклонница спорта и всегда с большим интересом наблюдаю за перипетиями хоккейного или футбольного матча. Получаю истинное наслаждение от красиво разыгранной комбинации, умело забитого гола. Неплохо разбираюсь в тонкостях игры, хотя ни в коей мере не могу считать себя специалистом. Есть у меня любимая команда — московский «Спартак».

Но я хотела сказать вот о чем. Есть среди любителей спорта и такие, которые своим поведением на трибунах, в общественных местах шокируют остальных. Эти мнимые любители спорта приходят на стадион, как правило, выпивши. В спорте они разбираются плохо, и разве им до этого, когда

единственное удовольствие для них — это поорать погромче, освистать спортсменов приезжей команды. Именно они исписывают стены домов и заборы различными надписями, оскорбляющими достоинство других клубов.

Хотелось, чтобы на страницах журнала состоялся разговор болельщиков об умении вести себя на трибунах стадиона и вне его... Ведь наше поведение в общественном месте говорит еще и о нашей внутренней культуре.

*С уважением Ира М.,
студентка*

Хочу поделиться...

Когда приезжаю домой, а я из Тольятти, люблю ходить в наш Дом книги. И не спеша «путешествую» по книжным полкам.

Обычно начинаю с отдела общественно-политической литературы. Здесь, если быть повнимательнее, можно найти не одну интересную книгу. На этот раз купила «Утопический социализм». Это хрестоматия — краткие биографии и отрывки из произведений писателей и ученых, мечтавших об идеальном обществе. Здесь — знакомые имена Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова. А вот имена тех, чьи труды мне предстоит изучать: Томас Мор, Томмазо Кампанелла, Шарль Фурье. Перелистываю книгу...

«Город Солнца» Кампанеллы. Участь итальянского утописта была тяжела — 27 лет он провел в тюрьме. «В окопах, но все же свободный, один, но все же не одинокий, стена, но спокойно я слушаю своих врагов» — эти слова Кампанеллы звучат как призыв к продолжению борьбы за возвышенные идеалы.

«Золотой век, который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас», — а это слова другого утописта, Анри Сен-Симона. Его труды тоже помещены в хрестоматии, содержащей свыше 500 страниц.

Второй этап моего «путешествия» — зал художественной литературы. Прохожу к прилавку разрозненных подписных изданий, продаваемых свободно, и вижу небольшую книгу с восторженным названием «Триумф жизни». Ее автор — классик английской литературы XIX века П. Шелли, друг Байрона. Стихи Шелли известны, но в этой книге — впервые издаваемые

на русском языке атеистические и философские работы поэта. Здесь же очерк о нем, написанный дочерью Маркса Элеонорой Маркс-Эвелинг и ее мужем.

На стеллаже с поэзией вижу маленькую книжницу в зеленом переплете. Название «Из современной ирландской поэзии». Цвет переплета подчеркивает, что стихи из Ирландской республики: зеленый — национальный цвет этой страны. Мой интерес к Ирландии связан с тем, что у нас, на филфаке МГУ, недавно введено изучение ирландского языка, а в конце прошлого года посол Ирландии в СССР П. Мэрфи передал в дар университету около двух тысяч книг.

В этом же отделе покупаю еще одну книгу — «Перевод — искусство». Ее автор Н. Любимов — переводчик Сервантеса, Боккаччо, Рабле — рассказывает об этом удивительном и трудном виде творчества. Книжка, должно быть, не только интересна, но наверняка будет мне и полезна — поможет проникнуть в таинство слова.

«Путешествие» по книжному магазину закончилось. У входа встречаю подругу. Она смотрит вопросительно на мою пачку книг: «Неужели сумела купить интересные книги? Это ведь так редко случается!» Рассказываю ей об этих, уже моих, книгах, говорю, что они и сейчас стоят на полках магазина и ждут покупателей.

Никогда не уходила из Дома книги без новинок, если не жалела времени на внимательный поиск.

*Елена Подейко,
студентка МГУ*

«Ведь мы вместе...»

Просматриваю «Студенческий меридиан» (№ 8 за 1983 г.)... Александр Иванов — «Дочки-матери». Читаю... Становится больно, обидно до слез. Как могли студенты-родители отказаться от своего ребенка?!

Хочу рассказать о своей семье. Мне 21 год, мужу — 23. У нас двое детей: мальчик и девочка.

Встречались мы с моим Сашей год. Когда он узнал, что будет ребенок, очень обрадовался и этой радостью решил все мои сомнения.

Кем были мы тогда, три года назад? Он — студент Дальрыбвтуза, третьекурник, я работала в строительном управлении и училась во Всесоюзном юридическом институте на втором курсе. Оба жили у родите-

лей, их реакция на известие о будущем ребенке была не лучше, чем у родителей Миши и Маши.

Но вот появился Денис. Сразу стал любимцем бабушек и дедушек. Сколько радости и сколько забот он принес! Мы с мужем продолжали учиться, я даже не взяла академотпуск, хотя было тяжело. Выручали родители. Их любовь и поддержку мы ощутили в полной мере... Потом появилась Женечка.

В прошлом году закончила институт, заканчивается и мой отпуск по уходу за ребенком. Я выхожу на работу дипломированным специалистом. Хочу сказать спасибо родителям, нашему государству: они помогли мне растить детей. Ведь отпуск до полутора лет, пособие в размере 50 рублей до года — ощутимая помощь молодым родителям.

А вам, несостоявшиеся родители, хочется пожелать: не будьте малодушными, не предавайте детей.

*Светлана Истомина,
г. Петропавловск-
Камчатский*

Письмо снято с контроля

В журнал пришло письмо от студентки Уральского педагогического института Р. Хамзиной, в котором она сообщила нам следующее: «...Учусь на 3-м курсе. Была в студенческом сельхозотряде, а в этом году я и мои подруги решили подать заявление в ССО филологического факультета «Данко». Наши заявления приняли, но... вскоре командир сказал, что мы в ССО не поедим. На мой вопрос: «Почему же нам раньше ничего не сказали? А как же наши заявления?» — ответил коротко: «Вы нам нужны были лишь для численности, а ваши заявления так и останутся в комитете комсомола пылиться».

Редакция попросила Уральский областной штаб ССО разобраться с фактами, изложенными в письме Р. Хамзиной и принять необходимые меры. Недавно мы получили ответ от командира областного штаба ССО К. Карабашинова:

«Изложенные факты соответствуют действительности. Руководителям зональных, линейных штабов было указано на то, чтобы подобные случаи при зачислении в ЛССО не повторялись. Командир отряда «Данко» тов. Каиржанов Б. за нарушение Устава ВССО был строго предупрежден».

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Студенческий меридиан

Издается с мая 1924 года
1984, № 1, 1—48

Ежемесячный
общественно-политический
и литературно-
художественный
журнал ЦК ВЛКСМ
и Министерства высшего
и среднего специального
образования СССР

Главный редактор
Владимир Попов

Редколлегия:
Генрих Волков,
Феликс Волков,
Ирина Голованова,
Владимир Грошев,
Николай Егоров,
Алексей Елисеев,
Александр Жуганов,
Валентин Ильченко,
Егор Исаев,
Василий Казаринсв.,
Анатолий Карпов,
Виталий Крикуненко
(ответственный секретарь),
Эдуард Макаревич,
Юрий Ростовцев
(заместитель главного редактора),
Сергей Суятинов,
Игорь Цыбульский,
Вячеслав Шостаковский.

На первой странице обложки:
фотоэтиюд Сергея Панина.

Главный художник
А. Сперанский
Художественный редактор
К. Кухтин
Технический редактор
Ю. Шабьничо

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Наш адрес: 125015, Москва, Ново-
дмитровская ул., д. 5а, редакция журнала
«Студенческий меридиан».

Рукописи не возвращаются. При перепе-
чатке ссылка на «Студенческий мериди-
ан» обязательна. Телефон для справок:
285-80-71.

Сдано в набор 30.09.83. Подп. в печ. 13.12.83.
A05353. Формат 60×90¹/₈. Печать высокая.
Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж
560 000 экз. Цена 30 коп. Заказ 1670.

Типография ордена Трудового Красного
Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Моло-
дая гвардия», 103030, Москва, К-30, Су-
щевская ул., 21.



Учеба — главный труд студента

Завершилась Всесоюзная олимпиада «Студент и научно-технический прогресс». В ней участвовали более 3 миллионов человек. По итогам третьего тура жюри определило 40 студентов-лауреатов. Они одержали трудную победу в соревновании на лучшее знание математики, физики, химии, биологии, русского и иностранных языков, литературы, истории, в конкурсах по специальности. Это лучшие, талантливые студенты, которые создают в вузовских коллективах атмосферу состязательности, увлеченности, напряженного учебного и научного труда.

Об одном из победителей олимпиады по специальности «педагогика» — студентке Рязанского педагогического института Татьяне Бубновой — наш рассказ.

Это мы не проходили...

Говорят, у детских врачей есть правило: перед встречей с ребенком согрей руки. Хорошее правило, правда? Ведь для маленького пациента очень важно, чтобы в кабинете врача все было теплым: и руки доктора, и трубка, которой он прикасается к телу, и клеенка больничной кушетки, и даже воздух врачебного кабинета.

Тепло умеряет страх, успокаивает. Правда, со временем безотчетная боязнь «незнакомое — холодное» отступает. Но всегда человек с удивительной пронизательностью будет различать вокруг себя людей холодных и наделенных особым душевным теплом.

Быть может, учителю, так же, как

и врачу, стоит почаще вспоминать о тепле рук своих?..

Об этом педагогическом умении мы и попытаемся поразмышлять сегодня с очень молодым, еще только начинающим педагогом.

Знакомьтесь — Татьяна Бубнова, пятикурсница Рязанского пединститута.

* * *

Июнь. Жара. Госэкзамены.

— Таня, как дела? — окликают ее то и дело.

Таня вскидывает ладошку вверх — пять пальцев над головой. Одновременно и приветствие и ответ: все в порядке. Вчера пятерку по английскому получила.

В институтском дворике маленький людской водоворот. Перебирают книжки, конспекты, шпаргалки, зубрят, объясняют что-то друг другу. Сессия.

— Пошли в парк, — вздыхает Таня, — здесь не поговорить...

Разговор начинается Таня.

— Недавно ездила в Сторожилово. Это районный центр в 60 километрах от Рязани. Меня туда распределили в сельское ПТУ. Взглянуть не терпелось, ну я и поехала.

Захожу в вестибюль — краской пахнет, ремонт. Двери класса настежь. Смотрю, там рабочие что-то делают. Заглянула, а мне: «Иди отсюда, девочка, не мешай. Приемная комиссия — по коридору налево». Это они подумали, что пришла документ в ПТУ подавать. Я так расстроилась. Ну неужели у меня вид совсем не внушительный?..

Как непохожа эта Таня на ту, о которой говорили в институте: решительная, волевая, уверенная в себе (но не от самоуверенности, когда за внешней бравадой скрывается пустота, а от знаний, которые есть). Я и ожидала увидеть ту — решительную, волевою и уверенную. Но теперь, по правде сказать, рада, что познакомилась с другой — задумчивой, чуть растерянной, немного уставшей, нерешительной... Такая Таня мне по-человечески ближе.

Ее жизнь складывалась так же, наверное, как у десятков ее сверстников. Полстранички тетрадного листа — и вся автобиография.

Дружный дом — брат с сестрой, в меру требовательные папа и мама: школа, где весь класс — друзья («я даже слишком общительная»), увлечения — музыка и спорт, и, наконец, вуз. Относительно того, кем быть, особых мучений она не испытывала. Сложилось давно и как-то само собой — быть учителем. Но окончательно и бесповоротно Таня выбрала своим предметом историю в восьмом классе... физико-математической школы, где училась и которую с отличием закончила.

Таня опередила мои вопросы неожиданным признанием:

— Видно, я человек не слишком целеустремленный... Уж слишком ровненько все складывалось. И гут хорошо, и там неплохо. А вот как-то рывка, взлета не случилось. Попробую поточнее объяснить... Вообще-то я гуманитарий. И по душе, и по уму. Но так сложилось, что училась в физматшколе. Не могу сказать, чтобы точные науки совсем уж в га-

гость были, но... Но времени хотелось больше отдавать любимым: истории, литературе, языку. В школах, к сожалению, укоренилась гонка за высокими отметками и требование «знать все». Вот и я в эту гонку включилась. Зачем? Не знаю... И ведь понимала — разбрасываюсь, скачу по верхам, пора остановиться, глубже своим, «кровным» заняться. И лишь на вступительных экзаменах в пединститут вдруг ощутила, сколько у меня пробелов. Как много не хватает для того, чтобы претендовать не только на похвалу школьного учителя, но и на серьезное отношение к себе самой как к будущему историку...

По правде сказать, Танины слова поставили меня в тупик. Гордость школы, надежда факультета — и вдруг такие речи.

— А между прочим, я нетипичная отличница, — рассмеялась она.

И это было, в общем, правдой. Я бы скорее назвала ее максималисткой. А максимализм по душе не всем. Отсюда и конфликтные ситуации, и разногласия с преподавателями, и споры с ребятами. Но свое мнение Таня привыкла отстаивать до конца.

Как-то их, тогда студентов-младшекурсников, впервые допустили в «святая святых»: разрешили присутствовать на уроках в лучшей школе города. Тане «досталась» литература. В тот день в школе работала комиссия — представители роно, горно... Вместе с ними в одном классе и оказалась Татьяна.

После урока гости обменивались впечатлениями:

— Чудесно! Слышно, как муха пролетит...

И вдруг с задней парты раздался голос:

— А по-моему, тишина на рыбалке хорша. А в классе тишина не всегда от внимания. Иной раз и оттого, что ребята поглощены подготовкой к следующему уроку или, заметив посторонних, не хотят доставить неприятности учителю. Меня вот что удивило: как быстро и дружно ушли они после звонка. Никто ни о чем не спросил.

Улыбка сползла с лица учительницы, и она довольно резко ответила:

— Значит, всем все понятно.

— А может быть, все проскользнуло мимо? Скажите, вы знаете, чем интересуются ваши ученики?

— Конечно.

— Откуда?

— Я задаю им вопросы.

— А они вам?..

Уже позже, в институте, куратор пыталась наставлять Таню: нельзя быть такой ершистой, иногда и промолчать не грех... Дружеской беседы тогда, естественно, не вышло. А в Танином дневнике появилась первая запись: «Почему ребята на уроках задают все меньше вопросов учителю? Вопросы стали привилегией педагогов. Откройте методические пособия. Все они сходятся в одном: спрашивать, спрашивать, спрашивать учеников. Но грош цена нашей работе, если ученик за целый день не задал ни одного вопроса. Зель вопрос — это стремление встать на одну ступеньку выше в познании мира. И это начало мышления. Ведь суть, наверное, не в том, что «вырастешь — узнаешь», а в том, что «узнаю — вырасту».

О педпрактике для нее в то время, конечно, речи не было — рановато. Но Татьяна с первого курса сама проявляла «инициативу» — приходила в школы, знакомилась с ребятами, возилась с ними после уроков, подолгу беседовала с преподавателями. Размышляла. И в дневнике появлялись новые записи:

«Классная руководительница седьмого «Б» смотрит на вещи просто. Пионерский актив должен прежде всего помогать ей поддерживать дисциплину на уроке.

— Петров, скажи, кто растоптал мел?

— Иванов, как ты оцениваешь поступок Сидорова?

И бедный Петров, и несчастный Иванов выкручиваются, и мямлят, и ссылаются на то, что они ничего не видели и ничего не знают. Они не хотят оплошать в глазах Марь Ивановны. Но вместе с тем чувствуют на затылке взгляды всего класса — выжидательные, насмешливые, а то и откровенно презрительные. Ну как гуг быть?..»

«Простая человеческая тактичность сможет окрылить, исцелить, спасти от беды точно так же, как бестактность — больно ударить, ранить. Не есть ли что-то особо характеризующее «такт педагогический» по сравнению с обычной человеческой тактичностью? Пожалуй, есть. Наш профессиональный такт воспитателей — это особое чутье на переживания, внутренние трудности ребят, умение поддерживать с ними правильные отношения, находить верный тон, уважать их достоинство».

Пожалуй, с этих записей, с этих наблюдений все началось. Они легли в основу научной работы Татьяны Бубновой. Хотя в то время об исследовательской деятельности она как-то не задумывалась. Просто была интересно.

Формулировки пришли потом, когда накопленный и изученный материал стал уже «проситься» на бумагу.

Сейчас, уже отобранный и отредактированный, напечатанный на плотных белых листах, он заключен в коричневую кожаную папку и носит вполне академичное название: «Роль классного руководителя в воспитании у учащихся ответственного отношения к учебе».

«Блестящая работа! — таков отзыв заведующей кафедры педагогики, доцента Л. К. Гребенкиной. — Все пять лет учебы — глубокое изучение своей темы. Я еще на первом курсе обратила внимание на эту девочку, выделила ее реферат из пятидесяти остальных. Обычно первокурсники (да и не только они) грешат поверхностностью изложения. А тут — научный стиль, склонность к анализу, размышлениям и обобщениям на основе личного, пусть маленького, но опыта. Да и в дальнейшем, будь то лабораторные занятия, семинары или коллоквиумы, Татьяна ни разу не отступила от правила — связывать теорию с практикой, с жизнью. Ну а жизнь, как известно, с чужих слов не узнаешь. Самой, только самой надо все познать и сделать. И когда обращалась за советом, когда делилась собственными наблюдениями, я чувствовала в ней скорее коллегу, чем робкую ученицу».

Опыт — дело наживное. К такой

формулировке мы привыкли и воспринимаем ее почти как аксиому. Но есть сфера человеческой деятельности, где рецептами «на все случаи жизни» не обойдешься. Это — педагогика.

В разных вузах мне приходилось наблюдать, как во время практики на кафедре педагогики наведывались студенты с просьбами: «мне что-нибудь о героизме», «а мне разработку о счастье». ...Это значило, что по программе они должны были в школе провести какое-то плановое мероприятие. Многие предпочитали «беседы». Ведь разработки-то есть! В отпечатанный на машинке текст требовалось только вписать имена с фамилиями — и дело сделано! «На руках» — диспут о счастье, о любви и дружбе, о мужестве и т. д. Вероятно, такие «разработки», по мнению преподавателей, оказывали добрую помощь студентам. На самом же деле ничего, кроме вреда, не приносили...

В Рязанском пединституте я увидела иную картину. Студентов здесь учат работать творчески. У преподавателей имеются целые «режиссерские» планы, где все расписано и просчитано — не только содержание курса, но и технология учебного процесса, в том числе и самостоятельная работа студента. И это не мелочная опека, а разумное соединение аудиторной и внеаудиторной работы, обучение будущих учителей культуре умственного труда. Здесь, практически на всех факультетах в ходу так называемые «деловые» педагогические игры. В их основе — конкретные ситуации, взятые из жизни: «трудный» подросток, неблагополучная семья... Все это очень сложные и серьезные сюжеты. Чтобы играть в «педагогическую игру», надо прежде всего знать свои собственные сильные и слабые стороны. Поэтому студенты осваивают методы самоизучения и самопознания; пишут сочинения, темы которых заставляют задуматься, решают педагогические задачи. Польза двойная. Во-первых, результаты такой работы позволяют преподавателям присматриваться к своим питомцам, оценивать их возможности и склонности. Во-вторых, сами студенты учатся анализу через призму избранной профессии.

Поэтому вовсе не случайными представляются мне успехи студентов из РГПИ на различного рода олимпиадах, научно-практических и теоретических конференциях.

Всесоюзная олимпиада «Студент и научно-технический прогресс» по специальности «педагогика» подтвердила это. Ее победительницей стала Татьяна Бубнова.

Их принял Ростовский — один из лучших в Союзе — педагогический институт. На его базе проходили все туры олимпиады.

Восемнадцать команд — сильнейшие из сильнейших, представители всех республик и всех «педагогических школ». Конкуренция серьезная.

— И как, Таня, не струсила?

— Да я бы наверняка струсила — времени не хватало, — ответила она. — Заняты были с утра до ночи. Информации масса, только успевай перерабатывать. Новые знакомства, новые впечатления. Ну и, конечно, подготовка к конкурсам. Ведь заранее о них мы ничего не знали, готовых решений

не имели, так что ориентироваться приходилось на месте...

Тем не менее конкурсные задания не застали ее врасплох. Рецензия научной статьи? За пять лет учебы Таня написала и опубликовала не одну подобную работу. Анализ урока? И уроки ей приходилось анализировать. Пока все «рифмы» она обходила относительно спокойно. Но ближе к финишу в командах заметно возросло общее напряжение и усилилось нервное возбуждение. Напоследок им были «обещаны» такие педагогические задачи, решение которых не найдешь ни в каком учебнике.

Трудная ситуация... Не пройдя испытания практикой, не сориентируешься в конкурсной обстановке. Но у Тани уже был опыт. Имелись на счету и трудный урок, и трудный ученик. И слезы. И радость. И огорчения, и удача.

...В той школе ей, практикантке, предложили целый месяц классного руководства вместо заболевшего учителя. И она согласилась. Еще бы — такая удача! Тане где-то в мечтах уже грезилась жаркие диспуты, доверительные беседы и дружеские культпоходы. А 9-й «Б» встретил ее шумом и гамом за... закрытой дверью. Чем-то они там внутри эту дверь приперли — стулом, что ли, — и зайти было невозможно. Как на грех, в коридоре появилась директриса, всегда очень сосредоточенная и не улыбкающая. С удивлением двинулась к Тане: «Деточка, что вы здесь делаете? Почему не на уроке?..»

Когда они наконец проникли в класс, ребята, присмирившие, сидели на своих местах.

— Ну? — грозно обвела директор взглядом все лица. — Что смотрите как ни в чем не бывало?! Нахулиганили — придется отвечать.

Ребята молчали.

— Назовите сейчас же того, кто затеял все это безобразия...

— Да мы все вместе, — крикнул кто-то с задней парты.

Разговор в том же духе продолжался еще долго и безрезультатно. Никто ни в чем не сознался. Директриса, пообещав вызвать родителей и разобрататься во всем лично, величаво удалилась из класса.

Когда Таня, растерянная и поникшая, выходила из школы, ее окликнула девочка из 9-го «Б». Совсем недавно она вместе с остальными твердила: «не помню», «не видела», «не знаю». А сейчас, потянув Таню за рукав, таинственно зашептала: «Я знаю, кто это сделал, но боялась вам говорить. Знаете, какие у нас ребята, с ними лучше не связываться!»

В тоне девочки и в том, как она заглядывала в глаза, было что-то не совсем приятное.

Таня колебалась. Как быть? Что сказать? Увы, в институте этого не проходили. Наконец выдохнула: «Я тебя не видела и не слышала».

Зачинщик нашелся потом сам. Пришел просить прощения. Ее предупредили: «Вы с ним поосторожней, он такой, отпетый...»

— А меня, — рассказывает Таня, — больше всего злило не то, что Сашка черт знает что вытворял в школе, а то, что меня, человека, поклявшегося начисто отказаться от нотаций, превращал в зануду. Я ловила

себя на том, что мне, оказывается, нечего сказать, кроме: «почему опоздал на урок?», «опять не выучил параграф?», «почему сбежал с классного часа?». А ведь, наверное, как пришел он первый раз в школу, так ему и зарядили все эти «почему»... Да потому, что он сразу же был другим, не таким, как многие, — более непоседливым, менее организованным. Ну и, разумеется, мешал товарищам, тянул класс назад. Его стали отчитывать. А его все больше заносило, и он продолжал с каким-то самодовольным постоянством опаздывать, сбегать и не учить уроков. Тогда включили его в списки «трудных». Интересно, а что вообще подразумевается под этим словом?.. Трудный... Для меня, например, он был скорее непонятным.

Как-то после очередной Сашкиной «пары» по английскому, Таня сказала: «Останься после уроков, позанимаемся».

— Да что вы, Татьяна Германовна, — забасил Сашка, — ничего не получится, я же неспособный.

После уроков они сидели в классе за одной партой, и Таня пыталась выяснить, что же знает из курса английского ее ученик.

— Ничего! — радостно сообщил Сашка.

— И все-таки давай попробуем. Напиши: Мэри дала Питеру красный карандаш. Питер взял у Мэри зеленый карандаш. Ну, написал?

— Не-а! — честно признался Сашка. — Я уже забыл, кто у кого какой карандаш взял.

— Знаешь, — неожиданно для себя сказала Таня, — я тоже... Давай-ка лучше сделаем по-другому: поменяем ролями. Ты будешь учитель, я — ученик. Согласен?

— Согласен! — крикнул Сашка. И вдруг заверещал резким фальцетом, явно кого-то передразнивая. — Бубнова, как вы сидите на уроке! О чем думаете! Где ваши руки! Почему тетради нет! Опять забыли? Два!

— Постой, постой, — ошарашенно воскликнула Таня. — Двойка-то за что?

— Как?! Разговорчики? — грозно вымолвил «учитель». — Из класса — вон!..

Между прочим, именно с того дня у них с «отпетым» Сашкой завязались дружеские отношения. И его первая «твердая» тройка была для нее как высший балл за самый трудный предмет...

...На конкурсе она нашла наилучший выход из трудной педагогической ситуации, что было по достоинству оценено жюри.

— Как ты думаешь, — спросила меня Таня, — почему многие ребята выискивают любые причины, чтобы только не пойти в школу? — И сама же ответила: — Пугают не уроки, а десятки всевозможных «нельзя». Бегать нельзя. Кричать нельзя. К подоконнику прикасаться нельзя — вывалишься. В подвал нельзя — там грязно. В физкультурный зал тоже нельзя — проветривается. И ведь запрещая, учителя знают, что запреты все равно будут нарушены: бегать на переменах будут, и визжать, и хохотать. И в подвал обязательно полезут, вымажутся там, и в физкультурный зал проникнут. Да иначе они перестали бы быть детьми! Так зачем тратить

столько сил и нервов на то, чтобы уследить, как бы Иванов или Сидоров чего-нибудь не учудили! Но нет: хватают бедного за руку, ставят рядом с собой на переменке — постой, помось. А потом ждут от злого мальчишки ясности мышления, выдержки и спокойствия. Мелочи школьной жизни? По-моему, в воспитании мелочей нет. Ведь в школе даются первые уроки взаимоотношения с людьми.

Наказание — дело серьезное. И если оно формально, то наносит огромный нравственный вред. Потому что воспитывает безнаказанность и привычку лгать...

Да и вообще, кому нужны эти «строгие меры»? В школе должна царить атмосфера доброжелательности, доброты и радости.

Именно такой представляет себе Таня Бубнова школу будущего. Школой доброты и радости. Об этом говорила она, отвечая на вопрос одного из конкурсов олимпиады.

Простите, спросили ее, а как же поступать учителю в «крайних случаях»? Думаю, ответила она, не надо вызывать страх наказания. Можно просто заставить ребят улыбнуться. Над самими собой. Юмор предполагает приязнь, а не раздражение или озлобление. Шутка способна «бить наповал» сильнее злого и необдуманного слова.

* * *

За что не любят учителей? А любят за что?

Помню, что первым вопросом, который мы задавали друг другу о новой преподавательнице физики, был такой: «Добрая?»

Сразу этого понять не могли, поэтому первым делом пропускали учительницу через целую систему выработанных практикой школьной жизни тестов. Мы были не злыми детьми — обыкновенными. Просто очень хотелось узнать, что за человек перед нами, а в острых ситуациях это узнается быстрее.

Сколько таких ситуаций должен пройти учитель, чтобы заслужить о себе какое-то мнение. И как потом это мнение живуче. Не прощают ни одного промаха. Безжалостны к любой ошибке... Под добротой понимается отнюдь не мягкость или слабость. Скорее, в понятие «добрый» вкладывается такой смысл: справедливый, честный, бескомпромиссный. Если учитель обладает такими качествами, он будет пользоваться авторитетом.

* * *

...В городском парке, где мы сидим с Таней, оживленно. Соседнюю скамейку оседлала компания с гитарой. Парни лет по четырнадцать.

— Девушка, а девушка, — обращается один к Тане, — присоединяйтесь, споем.

— Ну вот, — грустно смотрит она на меня. — По возрасту — мои ученики, а почтения никакого.

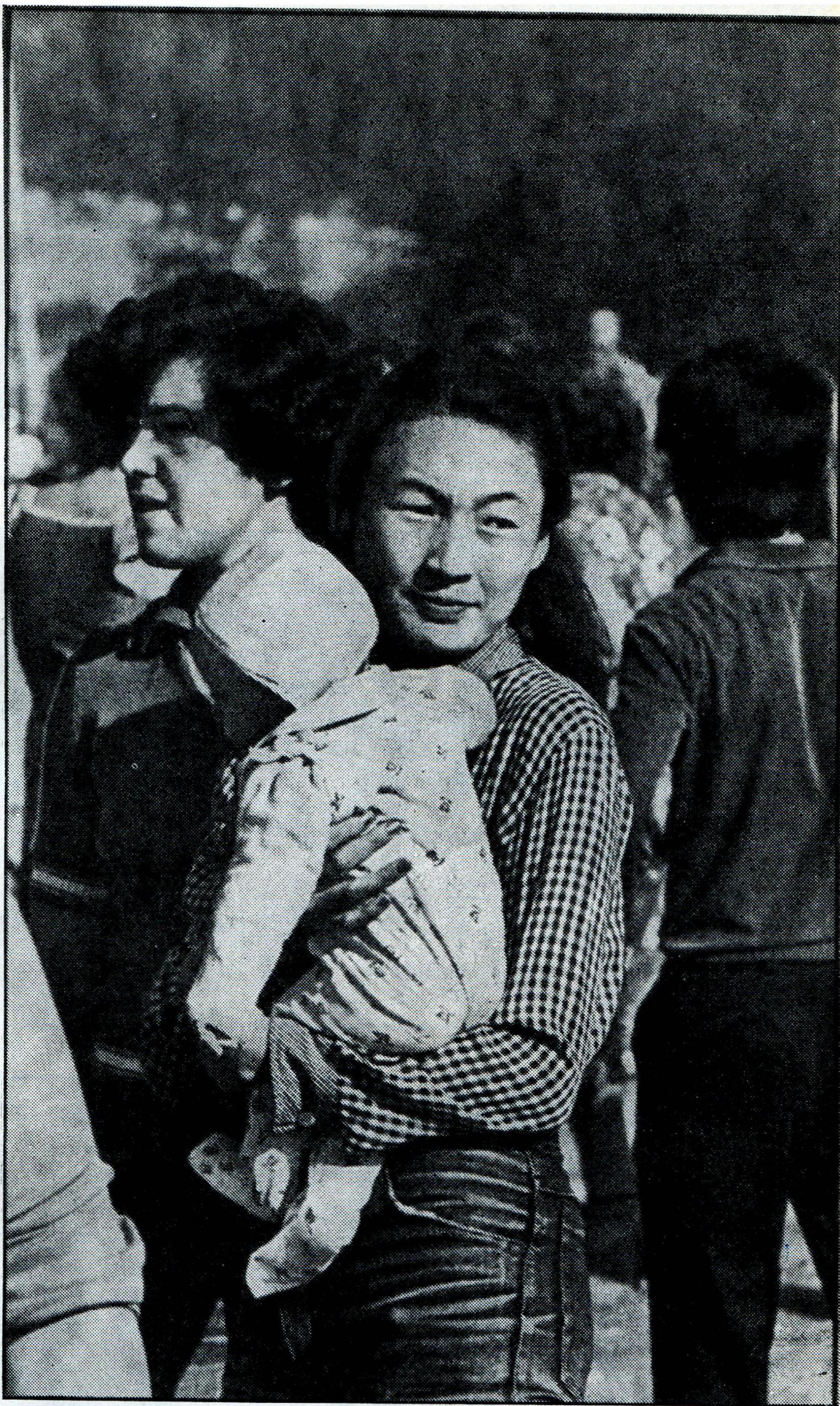
— Так то ж на лавочке, в парке, — говорю я. — Можно в крайнем случае встать и уйти. А если в классе такой возьмет и предложит спеть? Что будешь делать?

Она думает минуту и признается:

— Наверное, все же спою...

Евгения Аграновская,
г. Рязань

Фото В. Лупандина



На земле Сибирской

Точка на карте: Нерюнгри

Наш фоторепортаж о городе молодых. О будничной жизни города. Но это только на первый взгляд. Там, где молодость, не может быть будней.

«Вот говорят, мол, из-за денег вы сюда приехали, — рассуждает Валерий

Бойцов. — Да не из-за денег. Поработать. И мир посмотреть».

дие псковской земли. Он один из первых предложил собирать библиотеку по библиотекам. Не просто книги, имеющие отношение к Пскову от XI до XX века, а библиотеку Яхонтовых, библиотеку Ганнибалов, библиотеку Пушкиных... Надо было видеть его радость, когда в результате долгих переговоров вернулись из Германии увезенные во время войны книги. Он смог привлечь археологов, искусствоведов и студентов художественных вузов, которые помогли сколачивать шкафы, красить стены и потолки в его древлехранилище. Мы с однокурсником делали витражи в окнах, выходивших из подвала на улицу. Настал час, и я наяву увидел покрашенные в терракотовый благородный цвет стены, зеленые занавеси, шкафы с торжественными рядами книг, слепки с бюстов Платона и Аристотеля, привезенные студентами из Ленинграда.

Он всегда говорил: «Если вы хотите в самом хорошем смысле слова прославиться, то приезжайте в Псков. Здесь непочатый край работы». Многие из работавших в древлехранилище Творогова впоследствии написали интересные статьи и книги, сделали открытия на материалах, собранных этим удивительным человеком.

Он сам был сродни псковским художникам, зодчим и миниатюристами. В нем жил дух неукротимого псковского жизнелюбия, проявлявшийся в любви и внимании ко всему живому и нуждающемуся в помощи. Леонид Алексеевич каждый день кормил голубей, и не было в Пскове бездомной собаки, которой он не уделит бы внимания. Возился с ними, выхаживал и любил всех одинаково.

Псковских мастеров нельзя обвинить в замкнутой келейности. Вот сотни лет назад монах грамотно и без ошибок переписывает книгу и вдруг на полях записывает: «Ой, ой, свербит полезть в баню мыться», или: «За тыном пьют, а мне не дают». Пскович! Сам Леонид Алексеевич в обеденный перерыв азартно и по-молодому вместе с помощниками играл в мяч на волей-

больной площадке. Я встречался со знаменитыми кузнецами, которых называли просто Петром и Кириллом. Со старым сторожем Спасо-Мирожского монастыря, рассказывавшим нам, двадцатилетним, о Грабаре и Анисимове, которых видел в таком же, как и наш, возрасте: «Грабарь был малец не очень веселый, а вот Анисимов был малец более веселый». При нем известные ученые раскрывали иконы и вместе с Юкиным делали первые пробные расчистки на фресках XII века в Мирожском монастыре.

Если вы смотрите суздальскую икону в Суздале, а псковскую в Пскове, где вокруг стоят храмы, в которых они раньше находились, легче понять, как они выросли на этой земле. А люди, живущие там, расскажут или просто своим обликом помогут соединить все в единую систему. Тогда понимаешь, что икона была создана для этого храма, для этого города, для этих людей, и поэтому она жива.

Исследовательская и выставочная деятельность неоднократно приводила меня в Вологду. В этом городе судьба свела с Н. И. Федышиным, человеком удивительной скромности и доброжелательности, восстановившим большинство памятников, входящих в экспозицию вологодского музея.

Любовь к вологодским древностям и к сложному, кропотливому поиску памятников живописи Федышин унаследовал от своих родителей — замечательных музейных работников. Нужно беззаветно любить старину и ценить свою профессию, чтобы преодолевать трудности, выпадающие на долю экспедиций, которые обследуют различные уголки России, отыскивая следы драгоценных сокровищ изобразительного искусства.

У Николая Ивановича, как и у многих провинциальных музейных работников, тяга не только к восстановлению памятников, но и к изучению их истории. Он ревниво и рачительно от-

носится к каждой вещи, связанной с историей родного города.

Как-то мы встретились с ним в Устюжне, маленьком городке Вологодской области, и Николай Иванович вдруг открылся мне как удивительно веселый, жизнерадостный человек. Прекрасный певун, танцор. Значит, недаром так ладно спорилась у него работа. Возвратить к жизни многогранное искусство, созданное разнообразно одаренными людьми, под силу лишь родственному им по духу человеку.

Растет династия музейных работников — вместе с ним работает его сын. Нужно подражать людям, чья жизнь освящена ярким светом высокой цели. Имя Николая Ивановича Федышина имеет полное право быть вписанным самыми крупными буквами в книгу служителей на алтаре русской культуры.

Рядом с ним в музее долгие годы трудилась заведующая древнерусским отделом Ирина Александровна Пятницкая. Настоящая русская красавица. Федышин и Пятницкая сделали музей крупнейшим центром по изучению древнерусской живописи с великолепной экспозицией, которой могут позавидовать Третьяковская галерея и Русский музей.

Мы приехали на обсуждение экспозиции тогда, когда музей получил для ее размещения на территории Вологодского кремля несколько сот метров в отреставрированных архитектурных памятниках. Сотрудники музея вместе с вологодскими художниками и дизайнерами разработали и подготовили в течение года экспозицию. Любовно был представлен каждый памятник: будь то древнерусское шитье, вологодские кружева или вологодская икона. Собралась огромная аудитория заинтересованных, спорящих людей. Вот из таких праздников и складывается наша реставрационная работа.

(Продолжение следует)

Коллаж.
Н. И. Федышин
и Л. А. Творогов.



Найти верный ответ

Галя Павленко поначалу растерялась. Вопрос одного из членов комиссии на общественно-политической аттестации застал ее врасплох. И вдруг вспомнилось одно из последних заседаний клуба «Прометей» — ведь там речь шла как раз о том, чем интересуется комиссия. Вспомнила и успокоилась. А потом стала четко и ясно излагать свои мысли...

На отчетно-выборном комсомольском собрании Россошанского медицинского училища Воронежской области один из первых председателей политического клуба «Прометей», Лидия Ковалева, высказала такую мысль: «То, чем занимается наш клуб, — это конкретное, действительное воспитание наших ребят. Сейчас мы и представить себе не можем, что когда-то могли обходиться без «Прометей». И это действительно так. Яркие, интересные занятия в политклубе занимают важное место в идейно-политической работе комсомольской организации».

В училище проведен опрос членов клуба. Вот лишь несколько мнений. «Прометей» помогает поднять общественную активность группы, повышается интерес к истории партии, творческому наследию классиков марксизма-ленинизма, расширяет кругозор.

Яркие впечатления оставили у ребят встречи в клубе с ветераном Ленинского комсомола А. Кремсом, Героем Социалистического Труда, бригадиром спецхоза «Россошанское» М. Воронцовой. Неформальная обстановка, откровенность, с которой гости клуба говорят о своей жизни, работе, актуальность тематики, четкая политическая направленность занятий — все это помогает воспитать в комсомольцах активность жизненной позиции. И конечно же, как Галине Павленко на том памятном для нее Ленинском зачете, выработать умение находить верные ответы на сложные, животрепещущие вопросы современности.

Юрий Кулешов



Марина Князева

Современен ли экзамен?

В вузах экзамены. Учащается пульс студенческой жизни.

Многое нужно посмотреть, повторить, еще раз осмыслить...

В сессию и после — целая гамма переживаний. Для кого-то привычно чувство глубокого удовлетворения — в зачетке пятерки и четверки. Кто-то жалеет об упущенных возможностях — всего лишь тройка за знания...

И снова мысль обращается к экзаменам. Насколько их атмосфера, форма, содержание позволяют глубоко и объективно оценить знания, умение мыслить. Об этом в порядке дискуссии и размышляет в своей статье молодой преподаватель из МГУ Марина Князева.

Кое-что о психологии троечника

Принимаю экзамен. Мало прошло времени с тех дней, когда сама трепетала по ту сторону стола. Так мало, что вполне сострадающим взглядом вижу, сколько ошибок в подготовке. Сколько узкого, бескрылого школярства у одного, общих пышных слов — у другого, путаницы — у третьего.

Но всегда ли вузовский экзамен способен дать верную оценку знаниям и возможностям человека, позволяет студенту проявить свою индивидуальность? Не воспитывает ли он некоторые черты профессиональной вялости, которые получили название «психология троечника», хотя, кстати, носитель ее может выйти из стен вуза с красным дипломом. Суть-то ведь не в оценке. Корень «психологии троечника» — в отсутствии болевого соприкосновения с предметом, с профессией, с делом своим. На мой взгляд, экзамен в том виде, как он есть сейчас, оправдывает себя, пока дело касается «среднего» студента, ориентированного на более или менее пассивное усвоение знаний.

По мнению члена-корреспондента АПН СССР А. А. Талызиной, современный вуз весьма активно учит... сдавать экзамены! Возникает целое отдельное дело жизни, своего рода «наука» — экзаменосдавание. Освоить за короткое время и воспроизвести по некоторой форме массу информации. Получить оценку, встать, уйти — и забыть. Чтобы срочно «штурмануть» новое. Такой экзамен нередко воспитывает человека пассивного — и в то же время умеющего лавировать, ловкача, халтурщика, способного приспособить свои познания к пристрастиям или чудачествам педагога.

Есть ли в сегодняшнем вузе достаточные критерии для того, чтобы определить, сколько и как человек знает? Именно не пересказывает, а знает, то есть может применить при необходимости? Известно, что будущего специалиста нужно учить не только знать, а и делать. И с учетом этого, наверное, спрашивать на экзамене.

Педагоги знают, что на первых двух курсах студенты горят жадной профессиональной активностью, а вот на третьем-четвертом зачастую становят-

ся пассивными, равнодушными. Поэтому так важен поиск таких форм учебы, которые бы максимально активизировали, ускоряли бы познавательный процесс, делали бы более эффективной работу мысли, памяти. Для этого, на мой взгляд, нужно искать богатые эмоциями формы вузовского обучения, расшевеливающие, растормаживающие студентов, заставляющие их и переживать, и фантазировать, и напрягаться, и вступать в соревнование друг с другом.

Думается мне, что наш рядовой и будничнейший экзамен должен стать разнообразнее по формам и шире по задачам. Стать неожиданным и эмоциональным. Сочетать обзор знаний и испытание умений. Приобрести черты более гарантированной объективности.

Вопросов сколько и каких?

Возьмем структуру экзаменационного билета. В нем, как правило, два-три вопроса. А почему не четыре или не один, коли все равно прибегаем к серии дополнительных? А вдруг это именно те два, которые студент не понял, не доучил?

Конечно, многие педагоги воспринимают билет лишь как прелюдию к широкому разговору о своем предмете, но в таком случае ответ будет всего лишь импровизацией, а дар импровизатора редок, и часто неумение мгновенно собраться с мыслью принимается преподавателями как незнание.

Мне думается, можно увеличить количество вопросов в билете. Но зато и спрашивать не одного, а сразу двух-трех человек. Такие эксперименты в МГУ уже проводились. Экзамен проходит живее, и повышается уровень компетентности ответов.

Расширить прокрустово ложе нынешнего экзамена поможет и право «свободного парения». Пусть студент имеет возможность полностью выявить свое максимальное знание предмета, подготовив на выбор тему из числа предложенных преподавателем (мыслится, что эта тема одна из актуальных и глубоких в современном знании). 3—4 минуты краткого, реферативного изложения — будь то библиографический отчет или фантастические мечтания на базе изученного, — они помогут проявить творческое лицо студента, ощутить его ориен-

тировку в предмете и способность выйти за рамки, predetermined учебником. Кроме того, введение такого «свободного» вопроса, который студент готовит заранее (их также можно раздать в начале, а не в конце обучения), поможет прочнее связать сессионную страду с повседневной работой во время семестра.

Предвижу возражение: пощадите педагогов! Насколько такой нестандартизованный экзамен удлинит время ответа! Насколько усложнит саму процедуру!

Думаю, что и на этот упрек есть достаточно весомые аргументы. В среднем ответ не удлинится, просто время будет использоваться по-другому, более содержательно. Сейчас педагог тратит на опрос одного студента от 10 до 60 минут. Но сколько из них уходит на «непроизводительные затраты»? На усилия успокоить нервы отвечающего, на просьбы сосредоточиться, подумать еще раз. Нередко, замечая подавленное, стрессовое состояние студента, педагог делает перерыв в ответе, дает время отдохнуть, успокоиться. А добавьте к этому время пересдач... Думаю, что более гибкая, расширенная форма экзамена окажется по-своему экономичней. Сократит она и сам мучительный труд приема экзаменов, во время которого больше всего педагог устает от однообразия клишированных ответов. «Свободный» дополнительный вопрос сделает экзамен отчасти познавательным и для преподавателя. Ведь разговор с компетентным собеседником часто не только не утомляет, но и дает силы для дальнейшего труда.

Коллективный экзамен

Перспективную форму экзамена — коллективного испытания — подсказывает нам популярная передача «Что, где, когда». В ней есть все: каверзные вопросы, позволяющие прощупать не только эрудицию человека, но и умение пользоваться знаниями и даже возмещать их недостаток — смекалку, инициативную мысль, которая подчас на работе важнее информированности. Важна и другая сторона игры-экзамена: командный принцип. Молодые люди ищут ответ на вопрос все вместе. Происходит это на глазах судей-экзаменаторов, открыто, так что видны мера и форма участия каждого. Наверное, и мы, телезрители, довольно точно могли бы решить, кто из членов команд достоин «отл», а кто едва тянет на «уд». И так по каждому вопросу.

Командность в то же время уводит человека от неуютности быть один на один с вопросом, прикрывает и растормаживает его. О «Клубе знатоков» однажды было сказано, что он подобен мозговому штурму. Лучшие условия для такого штурма именно в коллективе, где каждый «подогревает» другого, все заинтересованы в успехе, и слабый тянется за сильным, а вялый оживает. Происходит раскрепощение психики, а значит — и ума.

«Командный» экзамен помог бы и в решении другой нелегкой вузовской проблемы — он объединял бы группу. Ведь на нем держаться поодиночке попросту невыгодно. Здесь отчетливее и быстрее проявятся и достоинства и слабости людей, но главное — есть общая цель, острая, волнующая.



Час испытания

Кажется, только вчера закончились последние школьные экзамены, на улице впервые просто зима, а не каникулы, но надо снова садиться за учебники и готовиться — никто не может дать гарантии, что все это не зря и твой труд будет вознагражден.

Московский ордена Знак Почета государственный историко-архивный институт расположился в самом центре столицы. Привычно шумит веселая и беспокойная улица 25 Октября. Но открываются тяжелые двери, и вы попадаете в атмосферу напряженной тишины и сдержанного беспокойства. Идут экзамены... Мы все их боимся, даже самые бесстрашные, и с легкой дрожью считаем дни, приближающие их час. Час экзамена. А потом весело смеемся, вспоминаем вопросы, проявляя чудеса запоздалого ума, и жалеем, что все так быстро кончилось. Но не надо огорчаться — впереди еще много экзаменов. Только вот таких, как эти первые, больше не будет. А жаль.

Да, страсть, желанную, необходимую, помог бы он разжечь в вузовских аудиториях. И страсть соревнования между группами, и, наконец, естественную и высокую страсть познания.

И, наконец, главное — в отличие от сугубо искусственной формы нынешнего экзамена ради экзамена — коллективная его форма естественна. Она вырастает из жизни. В жизни, в профессии нет всезнающего педагога и лавирующего зубрилы. В профессии есть задача и есть коллектив специалистов, стремящихся к ее решению. Зависимых друг от друга. Один другого заменяющих. Спорящих. Симпатизирующих друг другу или испытывающих острую взаимную неприязнь. Дело — это и коллектив, и отношения, и умение справиться со своей функцией, и представление о проблеме в целом, и суверенность своего участка. Ничему этому наш сегодняшний экзамен учить не умеет.

Безусловно, свою яркую добрую волю коллективный экзамен сыграет в том случае, если будет тонко организован. Здесь придется вести постоянную борьбу с «отслаиванием» пассива и «всплыванием» актива. О том, как заставить коллективный экзамен работать на нашу цель, предстоит еще думать. Ясно также, что этот экзамен может состояться, только если вопросы, предложенные командам знатоков, не прозвучат штампованно, трафаретно, отработано. И это уже вопрос творческого подхода вузовской педагогики...

Выездной экзамен

Беда почти всех наших экзаменов в их большой изолированности от профессиональной действительности. О за-

воде — на словах, о домне — тоже. А что, если перенести все это в «боевую обстановку»? Договориться с соответствующим предприятием, учреждением — и перенести экзамен прямо туда. Там, на месте, предлагается справиться с задачей производственного значения. Эксперты — не только преподаватели, но и студенты, и сотрудники этого предприятия.

Открытый экзамен

Эта форма предполагает, что лектор и студент как бы меняются местами. Происходит отчасти перераспределение ролей: теперь говоривший — молчит, бессловесный — глаголет.

Вспомним знаменитые выпускные экзамены лицейцев, типичные для учебных заведений начала прошлого века. Вовсе не случайно свели они двух великих гениев разных эпох русской поэзии: Державина и Пушкина. Ведь экзамен был парадом, торжеством, он происходил не с глазу на глаз студента и лектора в обычной аудитории, под привычным управлением педагога, а публично, принародно, в огромном актовом зале, при множественном стечении заинтересованных лиц — друзей, родных, знакомых, деятелей культуры и просвещения, студентов — сверстников выпускников прежних лет... Это был парад самостоятельно добытой и усвоенной культуры... Это были первые опыты проявления профессионализма в своем деле. Человек вступал в полосу интенсивного соприкосновения с предметом.

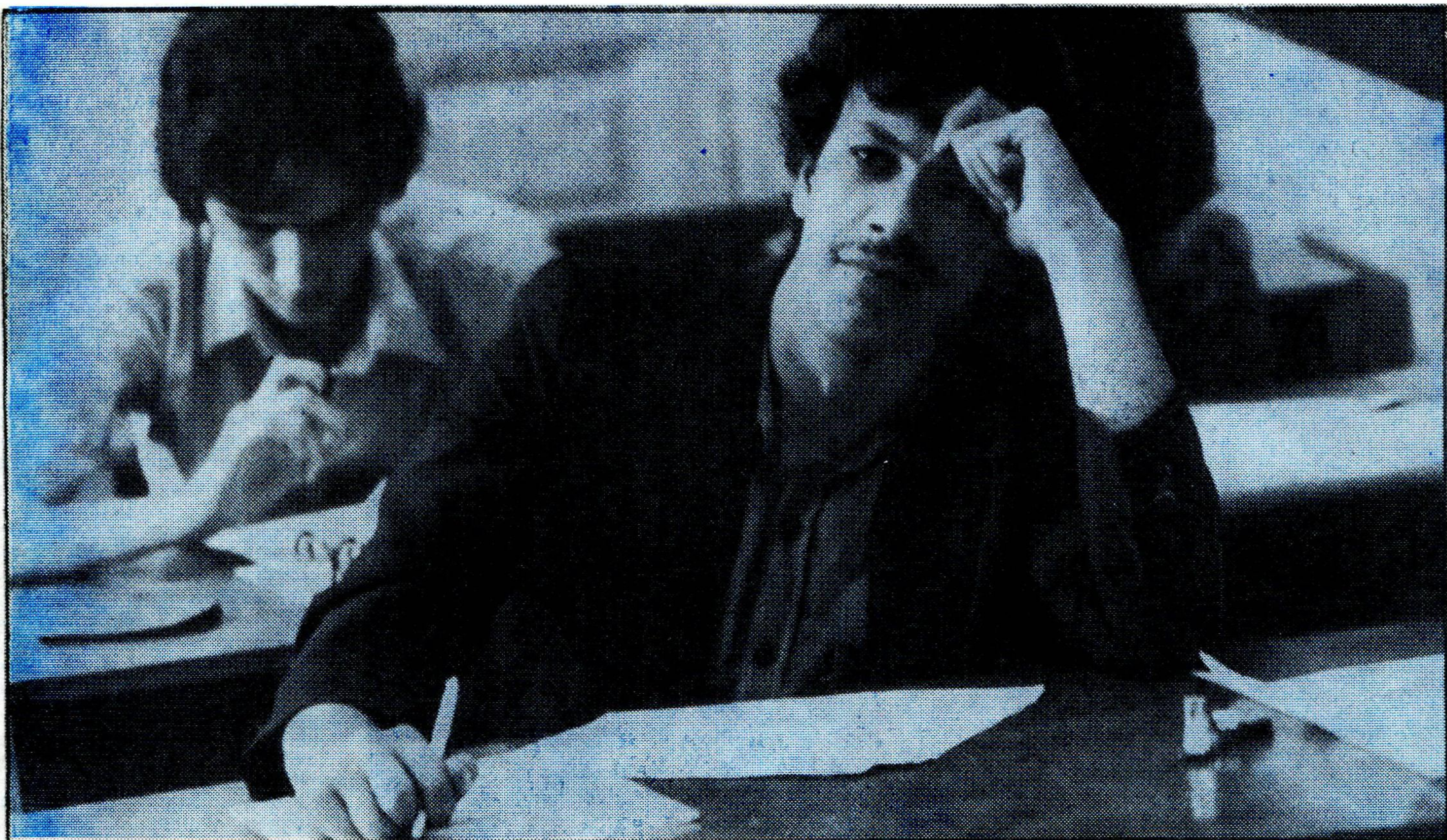
А в этом, по-моему, и состоит главный внутренний смысл экзамена. Яркие переживания, стрессовые перегрузки сессии оправдываются именно этим. «В конце концов, — сказала в

беседе со мной одна из университетских педагогов, — процедура типа экзаменационной играет важную роль в человеческой жизни. Она приносит умение мобилизоваться в тяжелой ситуации. А их в нашей жизни возникает огромное множество...»

Конечно, старая форма показательного экзамена ушла не беспричинно. Представим себе огромные торжества в тысячах вузов нашей страны — сколько сил и времени взяли бы они на себя! Но один-два таких актовых экзамена, на мой взгляд, ввести в современное обучение и можно и необходимо. Скажем, в зале — показательный экзамен первокурсников для абитуриентов, старшекурсников, педагогов, друзей, родителей. Или просто — вход на экзамен свободный.

Не стал бы такой экзамен катализатором тяги к знаниям, ответственности за учебу? Не помог бы он раскрыть лекторские задатки? Не прибавил бы волнения в процессе обучения, на угасание которого так сетуют ныне вузовские педагоги?

Экзамен — это зона наиболее полного контакта с предметом, некая, пусть условная, высшая точка в учебных отношениях с ним. Не случайно многие студенты после экзамена рассказывают, что при ответе испытали нечто вроде вдохновения, свободного парения идей, более относительно данной дисциплины не повторившегося. Ясность и подъем духа — счастливый ореол экзамена. В них-то и проявляется не очевидная, подспудная, но самая важная миссия экзамена, который призван не столько контролировать знание, на мой взгляд, сколько создавать вот эту драгоценную интенсивность соприкосновения с ним.



Актуальный разговор

Порой приходится слышать разговоры о том, что «студент пошел не тот, роняет вековой авторитет человека учащегося».

В самом деле?

Давайте внимательнее присмотримся к главному качеству, лежащему в основе истинного авторитета. Это качество — труд. Труд и авторитет неразделимы. Тем более для студента. Ведь студент в дословном переводе означает «усердно работающий», «занимающийся». Не случайна знакомая по книжным образам, фильмам, воспоминаниям старших картинка: глубокая ночь, молодой человек один на один с книгой, конспектами, учебниками. Он же — читающий на ходу, в перерыве между занятиями...

Как выглядит картинка современная?

Былая слава или факт настоящего?

Сколько часов в сутках?

История началась с замечания преподавателя студентке, которая в очередной раз не выполнила задание и, что называется, допекла. «У нас не одна ваша наука, — бойко ответила она. — Все столько задают, что успеть никак нельзя». Я попросил рассказать, чем же она занималась прошедшую неделю.

Занималась она многим. Впрочем, в субботу, «как и полагается», ничем. В воскресенье отсыпалась. В понедельник ходила на день рождения. Потом два дня подружку замуж выдавала. — Просто так получилось.

Может, и вправду получилось. Чтобы исключить случайность в оценке,

решено было провести социологический эксперимент: проанализировать бюджет времени одной из студенческих групп III курса в течение недели. И вот результаты.

Средний студент группы спал на предсессионной неделе примерно 8 часов в сутки; ел 8 часов; смотрел телевизор, ходил в кино и театр, читал книги, газеты и т. д., — на что уходило в общей сложности 30 часов. При этом посещал кружок...

Работе уделял 51 час: 30 — в аудитории, 21 час — дома. Прогулов я насчитал по 7 часов на человека. Другими словами, за неделю каждый студент минимум один день прогулял. И это перед сессией.

Общественная работа: занимаются

ею всего лишь 18 процентов группы, тратя по 1—2 часа в день. Спорт и художественная самодеятельность — 20 минут в день на одного студента. Хозяйственные работы около получаса. Дорога — в среднем 40 минут в день.

В целом получилось, что средний студент на учебу, сон, спорт, еду, туалет, литературу, газету, театр и т. д. тратит 19 часов в сутки. Где же потерялись 5 часов?

В анкете были «хитрые» графы, которые и «съели» 5 часов. Графа «телевизор», «безделье», «прогулки», «размышления и мечты». И то, что эти часы составляют свыше 20 процентов суток, позволяет утверждать: нынешний студент уже разучился усердно отдаваться наукам. Если учесть и нерациональное использование занятого времени, можно сказать: основания для утверждения о падении старательности студента есть.

Пять лет «в полоску»

Принято считать, что в институт поступают самые способные, лучшие школьники. Но откуда тогда все наши беды с хроническими двоечниками и троечниками? Почти девяносто процентов студентов той группы, о которой идет речь, имеют в аттестате зрелости средний балл выше четырех. А вот картина успеваемости за два года: 80% студентов имеет средний балл меньше четырех, выше четырех с половиной (я уже не говорю о пяти) нет ни у одного студента.

Двоек в группе сравнительно немного. За все сессии получено всего 20 «неудов». Решающая роль в общей серой, низкой успеваемости принадлежит именно тройке — этому самоуспокоителю студентов, этой тихой стипендиальной обители.

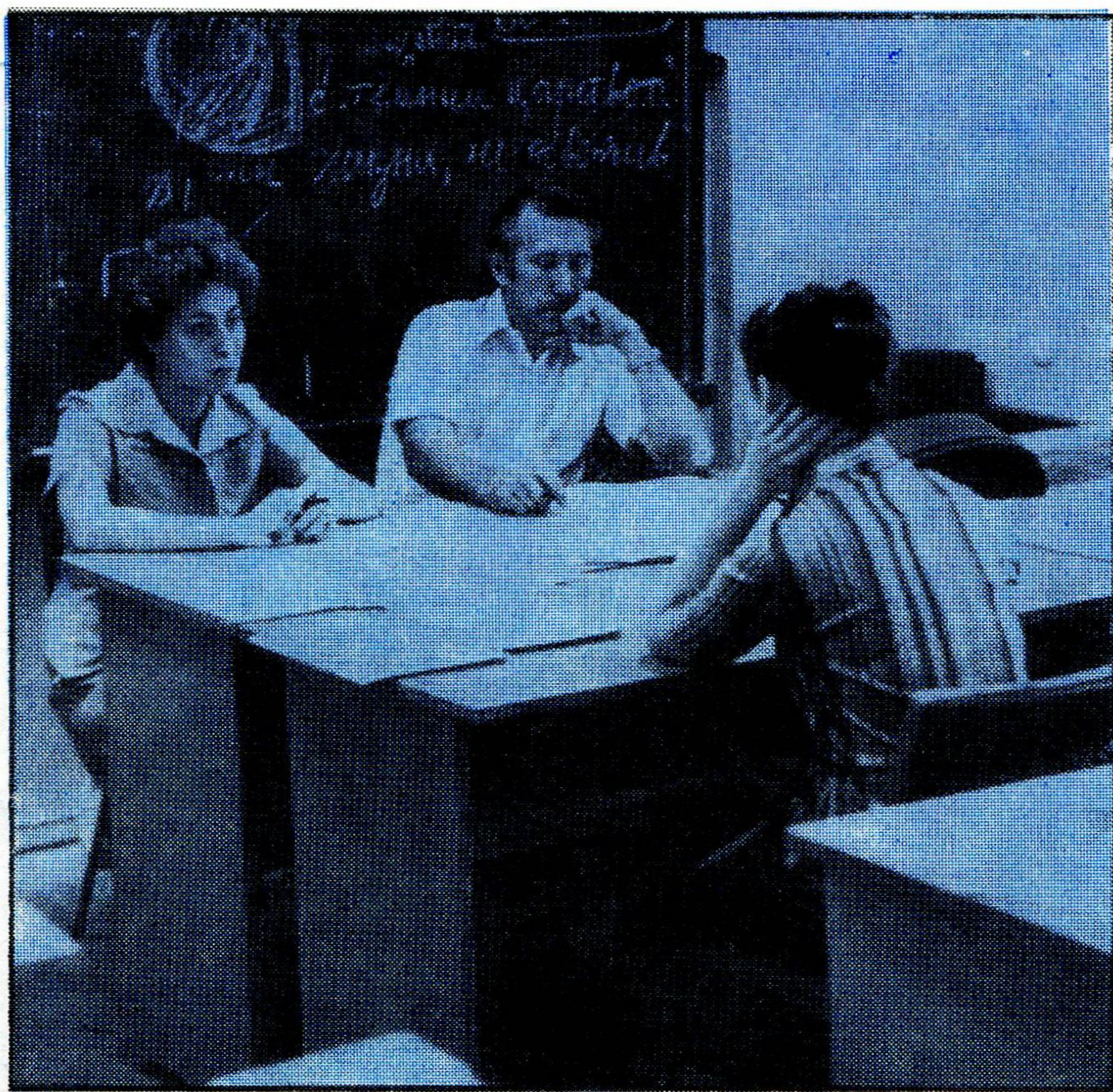


Фото В. Луандаина

Чтобы не утомлять читателя цифрами, отмечу последнюю любопытную деталь. На вопрос: «Были ли пятерки за четыре сессии?» — 60 процентов отвечают: «Нет». Стало быть, только меньше половины группы радовалось своему полному успеху.

Большинству студентов избранная специальность не нравится, и они бы хотели ее переменить на профессию врача, педагога, юриста, гримера, модельера. Хотя «нелюбовь» существенно сказывается на успеваемости, было интересно узнать о том, как студенты относятся к своим обязанностям, об их умении отдаться пусть даже и не очень любимому делу (кстати, может быть, и дело нелюбимо потому, что полностью ему не отдаются). Поэтому я попросил ответить на вопрос: «Объясните причины низкой успеваемости?» Среди ответов в основном: «Неусидчивость», «Не везет», «Нервное душевное состояние», «Трудно даются технические науки», «Недостаточно знаний», «В школе занятия систематические, а в институте — от сессии до сессии», «Надо много заниматься». А один ответ процитирую полностью: «Балл понизился к последней сессии. Знаете, находит иногда на человека полоса, когда ему ничего не нужно, ко всему равнодушен. Вот такая полоса и была во время экзаменов в последнюю сессию».

Разумеется, я охотно верю в стрессы, душевные срывы, подъем, вообще — жизнь «в полоску». Но полоска длиной в пять лет, кажется, слишком велика и накладна.

Одна тетрадь по всем предметам

Падение успеваемости — не секрет. Я имею в виду не затушеванную пере-

сдачами картину и представленную в официально подаваемых в вышестоящие организации ведомостях и таблицах. Речь о сдаче экзаменов по «первому предъявлению».

С позиций исторических авторитетов (многие великие плохо учились) даже может показаться забавным факт выдачи диплома выпускникам, имеющим общий средний балл ниже тройки. Не верите? А я знаю такого студента. Получил он за время обучения двадцать семь двоек, пересдал, не выгнали. Вот и результат — сознательно выпущен в производство инженер с отрицательным коэффициентом воздействия. Он будет производство не расширять, а разрушать. Разрушать с дипломом в руках.

Студент двойки получает, потом пересдает, мы в официальных ведомостях даем окончательный результат, и все довольны: в итоге успеваемость почти сто процентов. А по первому предъявлению в нашем институте за сессию только чуть больше половины студентов имели положительные оценки. Каждый второй — с двойкой.

Студенты уже начинают искать, кому из преподавателей сдать полегче. Ищет выход психология со сформированной привычкой к лени, к понижению целей...

Вот, например, отрывок услышанного разговора... Расстроенный первокурсник горячо объясняет «коллеге» на два года старше, почему получил на экзамене не четыре, а только три. А «коллега» «умудренно» отвечает: «Ба, тебе тройки мало? Ты что, учиться сюда пришел?» Конечно, отрывок разговора не доказательство. Но такие разговоры слышишь часто. Даже модно похвалиться полученной двойкой, с эдаким юмором: «Учиться без

двоек неинтересно. Без двоек студент не студент».

Мы порой забываем простую истину: главная черта любого вуза — многообразие изучаемого.

Пренебрегая этим, можно получить результат: одна тетрадь по всем предметам. Сам видел. На обложке фломастером написано: «По всем предметам». Внутри — обрывки формул, записей, крестиков-ноликов.

Мне кажется, в падении активности труда студентов виновато и то обстоятельство, что многие из них сейчас подрабатывают. Казалось бы, парадокс. Но заглянем в список основных «студенческих» профессий: вахтер, сторож, кочегар, грузчик и т. п. Видно, что зарабатываемые деньги не плод работы по основной специальности, это не труд студента-репетитора, оттачивающего знания в активном их применении уже в годы студенчества. Отсутствие заинтересованности в профессионально-активной выраженности получаемых знаний ведет к их инфляции уже в годы обучения в вузе.

Отсюда и появляются пресловутые «тетради по всем предметам».

«Кофе» — среднего рода?

В деканате показали мне объяснительную записку пятикурсницы: «Сегодня я в автобусе сказала женщине: «Пошла вон». Я не хотела этого говорить. У меня это вырвалось совершенно случайно, потому что у меня было плохое настроение и я опаздывала».

Все. Ни принятого в таких случаях письменного сожаления о случившемся, ни заверений, ни извинений.

Так, может быть, случившаяся в автобусе история — досадный срыв, на который имеет право любой человек? Попробуем проверить и решимся на «автобусный эксперимент»...

В нашем городе вузовский центр расположен ближе к окраине. Поэтому в утреннем пассажиропотоке доля студентов, спешащих к первой «паре», велика.

В течение нескольких дней я садился по утрам в автобусы и наблюдал, слушал, присматривался. Убеждаться в том, что молодые люди сейчас почти не уступают место пожилым и женщинам, было даже как-то неловко в силу очевидности, ставшей и для фелетонистов избитой и скучной темой. Так что уже с первой остановки места в автобусе заняты студентами. Раскрытые конспекты, книги, учебники в руках? Ничуть не бывало! Хотя дорога долгая, учить никто не думает. Но и сидеть, рисуя круги на оконном стекле, скучно. И студенты разговаривают, делятся мыслями, обсуждают. Столько я наслушался этих разговоров, что, пожалуй, рискну классифицировать их по темам. Студенты-юноши: женщины, выпивка, тряпки. Студентки-девушки: то же, но в обратной последовательности. Тряпки, мужчины, увеселения.

И если в такую гамму разговоров врываются неожиданные помехи: «Передайте на размен. Пробейте талончик», тут-то и можно услышать: «Останьте, в самом деле. Я кассиром не занимался». А уж чуть придавят в тесноте «пикового» автобуса, тут каких «идиом» можно наслушаться...

Театр начинается с вешалки, а студент с дороги в свой храм знаний. Он

добирается туда, уже роняя крупинки векового авторитета. Поскольку о том, что так едут и так разговаривают студенты, знают в автобусе все, не только я.

Мне становится стыдно. И я выхожу из автобуса...

Попал я в институт в перерыв между парами. На лестничных площадках клубы дыма, шум разговоров, толкотня...

Перекуривая автобусные переживания, по-прежнему прислушиваюсь к разговорам уже в самой глубинке студенческих кулуаров. Если вы думаете, что разговоры идут о делах учебных, — студентом вы были давно. Не говорят и о музыке, книгах, стихах. Даже об очередной серии бесконечной телевизионной саги, прошедшем хоккейном матче и то молчат. Круг обсуждаемых вопросов по-прежнему «автобусный». Правда, студенты заглядывают в «сонники», «чи-хальники», «гороскопы», пытаются определить судьбу, характер жениха. Да, вот в том, дальнем углу, двое беседуют... о проблемах студенческого клуба.

Дескать, хорошо бы иметь свой вокально-инструментальный ансамбль, да не такой, что уже есть: маразм — не ансамбль, а путевый. Играет он по вечерам, а ты попиваешь горячее кофе, слушаешь музыку, наслаждаешься, отдыхаешь».

Обрадовался я: есть еще порох в пороховницах и у современного студента. Но только чувство гордости за него охватило, как он взял и лихо швырнул окурок на вымытый вчера поздно вечером старушкой уборщицей кафельный пол.

«Зачем же тебе какой-то клуб, — охватило раздражение, — да еще с черным кофе, коли ты уверен, что слово «кофе» среднего рода?»

Об этом — об элементарной грамотности — и писать как-то неловко. Но приходится. Дебри почерка, стиля и ошибок орфографии, через которые продираешься, проверяя студенческие конспекты... «Багатство», «Предесловие», «Участствовал», «Справка прелается», «Из-под тишка» — примеры из конспектов.

Такое положение в области знания русского языка связано с тем, что студент мало читает художественной литературы, мало что знает, кроме своей специальности. «Любимая опера» — «Лебединое озеро»; «Любимый композитор» — «Чакровский, Мегуля»; «Палонез Адинского»; «Леонарда Довиньче», «Шарь Фурье» — всех «перлов» не перечесать. Однако то, что круг неспециальных знаний студента уменьшается, печально не только в плане формирования широкой культуры.

Поговорим непосредственно о научных знаниях. Вначале не о тех, специальных, которые отличают выпускника одного вуза от другого, а об общих, являющихся основой высокой узкопрофессиональной подготовки.

Возьмем, например, математику. Практически во всех неспециализированных вузах ее основное содержание составляет дифференциальное и интегральное исчисления, причем в том виде, в котором оно сформировалось при своем зарождении. Споры нет — знание фундаментальных понятий, безусловно, необходимо. Главное в другом. Чтобы уметь решать сегодня за-

дачи, недостаточно того объема, который исторически сформировался как классический.

Почти нет в преподавании математики изложения теории вероятностей и математической статистики, матричного исчисления. Тем более нет теории игр, математического программирования, призванных решать варианты, оптимизационные задачи: те, которые ставят сейчас производство, экономика, жизнь.

Я знаю многих людей, занимающихся научной работой, эмпирически вышедших на постановку таких задач, но оставляющих их решение только потому, что в вузе эти люди получили классическое, традиционное математическое образование. Хотя и здесь много проблем. Как оценить факт, что 94 из 100 опрошенных студентов из разных технических вузов не смогли вспомнить, чему равен $S \frac{dx}{x}$? Они написали, что он равен x^{-2} .

Еще один раздел вузовской подготовки — экономическое образование. Оно ограничивается стандартным курсом политической экономии, рассчитанным на 100—140 часов, и одним семестром курса экономики соответствующей отрасли общественного производства. Не случайно поэтому полупренебрежительное внимание пятикурсников к экономическим разделам дипломных проектов.

Учитывая, что пробелы экономической культуры множатся на почти полное отсутствие каких-либо курсов по организаторской работе, легко понять мучительную порой адаптацию выпускников на производстве и недоверчивое к ним отношение старых, просто квалифицированных и опытных рабочих. В этом смысле обесценивается репутация профессии инженера: процесс явно негативный.

Что же в итоге? Выходит, авторитет студента в значительной степени уже действительно былая слава.

И все же я люблю своих студентов. Настырные и заботливые, бойкие и медлительные, способные сразу всё и на «пять». Они успевают туда и делают это. Знают где что и кому как. Они откровенны, они и смелы. Выучат, сдадут, сделают. Прочитают, просмотрят, вычислят и сбегают. По дороге влюбятся, опомнятся, помогут родителям, подтянут друг друга, спасут «тонущего».

Так было, так есть, так будет. Не так не может быть. Человечество тысячелетиями мечтало стать грамотным. За идеи широкого народного просвещения боролись самые светлые и великие умы. Образование и мечты о прекрасном будущем сформировались как исторические синонимы. С тех пор студент — гордость общества. С тех пор он — его надежда. На ее крыльях летит мечта высокой образованности, широкой культуры. И я верю, студент не даст мечте упасть. А мы ему в этом поможем.

Вячеслав Малыгин,
кандидат экономических наук,
г. Омск

От редакции: В заметках В. Малыгина взгляд «со стороны» глазами преподавателя. А что думают сами студенты? Включайтесь в разговор.

Лауреаты Ленинской премии

Чингиз Айтматов: «Верю в человека»

В конце 1983 года в издательстве «Молодая гвардия» вышел в свет последний том собрания сочинений Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР Чингиза Айтматова.

В связи с этим событием наш корреспондент Олег Чечин обратился к писателю с просьбой ответить на ряд вопросов журнала.

— Чингиз Торекулович, кажется, Гёте говорил: «Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек!»

— Ну, это хорошо сказано, конечно! Мне бы хотелось быть десять раз человеком, но, к сожалению, не получается.

— Но вы пишете книги сразу на двух языках!

— Да. Это так. Пишу и на русском, и на киргизском.

— Но это, по-видимому, трудно?

— Почему же? Разве может один язык мешать другому? Наоборот, он дополняет, как-то оттеняет мысль!

— Традиционный вопрос, Чингиз Торекулович: как вы стали писателем?

— По-моему, здесь немалую роль сыграло стечение обстоятельств. В моем роду не было писателей. Дед у меня был, правда, говорят, человек музыкальный любил играть на домбре и пел, но ни поэтов, ни писателей, насколько мне известно, у нас не было.

Думаю, что взявшись за перо меня заставил интерес к жизни, этот удивительно яркий, бурный этап истории, который мы с вами сейчас переживаем.

— В последние годы в вашем творчестве появились новые оттенки. Юмор не был характерен для вас. В романе же «И дольше века длится день...» стоит прочесть только страницы, посвященные похождениям влюбленного верблюда Каранара...

— Да. Его злоключения, пожалуй, дают повод посмеяться. Вообще, юмор — прекрасное качество! Мне, к сожалению, далеко не всегда это удается выразить, хотя в жизни я очень люблю посмеяться и послушать веселые и забавные истории. Да ведь недаром говорится, что склонность к юмору — самый точный признак здоровья народа.

— И вместе с тем ваш Каранар вызывает и серьезные размышления. Во всяком случае, после толстовского



Холстомера я не припомню такого глубокого проникновения в психологию, если можно так сказать, животного. И все же при всей комичности ситуации рассказ о приключениях бедняги Каранара — это ведь рассказ о любви...

— Конечно! Любовь — главная суть всякой жизни. Я вообще считаю, что все мои книги — это книги о любви. Любовь нужна нам не только для продолжения рода, но и для поддержания всего лучшего, что есть в жизни. Но для того чтобы человек

оставался добрым, справедливым, разумным, одной любви все-таки мало. Тут надо очень много усилий приложить. Человек до тех пор будет добрым, справедливым и разумным, пока будет бороться за добро, справедливость и разум.

— Ваши главные герои, как правило, великие труженики. И не просто хорошие работники: у них, по вашему собственному выражению, трудолюбивая душа.

— Я думаю, трудолюбие души как раз предполагает вечную борьбу за справедливость. За справедливость человек и человеческое общество должны бороться постоянно. Это такой фактор, который обязывает каждого из нас активнее вторгаться в жизнь. То, что мы понимаем под справедливостью, должно постоянно тревожить нас. Ибо не может быть такого состояния, чтобы справедливость, однажды достигнутая, везде и всюду сразу установилась и началась бы преспокойная жизнь. Достигнув какого-то одного состояния, одного рубежа, и человек, и человеческое общество всегда должны быть устремлены к следующему этапу своего развития.

Мне думается, что понятие справедливости — оно и вечное, с одной стороны, а с другой — всегда развивающееся. Тут, мне кажется, можно массу примеров привести. Справедливость в разные исторические эпохи предполагает подчас разные вещи. Например, просто накормить человека, чтобы не было бедных людей, чтобы не было людей без куска хлеба, — это одно достижение справедливости. Но потом возникают другие требования духа и социальной жизни, когда ставятся более высокие, более сложные задачи, и достижение их требует не меньших трудов, чем решение прежних проблем.

Тут многое зависит от воспитания человека. Можно его научить так, что он будет довольствоваться своим нынешним благополучием. Но можно воспитать и так, что он будет в постоянной борьбе за справедливость, в постоянном беспокойстве духа. И это прекрасное беспокойство, к которому я бы и хотел призвать своих читателей.

— Когда вы пишете, вы думаете о людях, которые будут читать ваши книги? Пытаетесь представить их себе?

— Пожалуй, да. Я ориентируюсь и рассчитываю на человека, умеющего прежде всего самостоятельно думать. Читатель ведь многолик: сколько людей, столько и читателей! Я не могу сказать, что я для всех читателей пишу сразу. Наиболее желанный для меня читатель тот, кто серьезно относится к художественной литературе, кто умеет анализировать книгу, а не просто читает ее из любопытства: а что там дальше? Лучший для меня читатель — человек пытливый, жаждущий познать, найти истину. И даже если это ему не всегда удается, он не устает в своем движении к ней, никогда не устает бороться за правду, в которую он верит. Такой читатель, открывая книгу, надеется, что она принесет ему какие-то новые открытия и поможет осмыслить суть и цель человеческой жизни вообще и нашего времени в частности.

Мне хочется обратиться к современ-

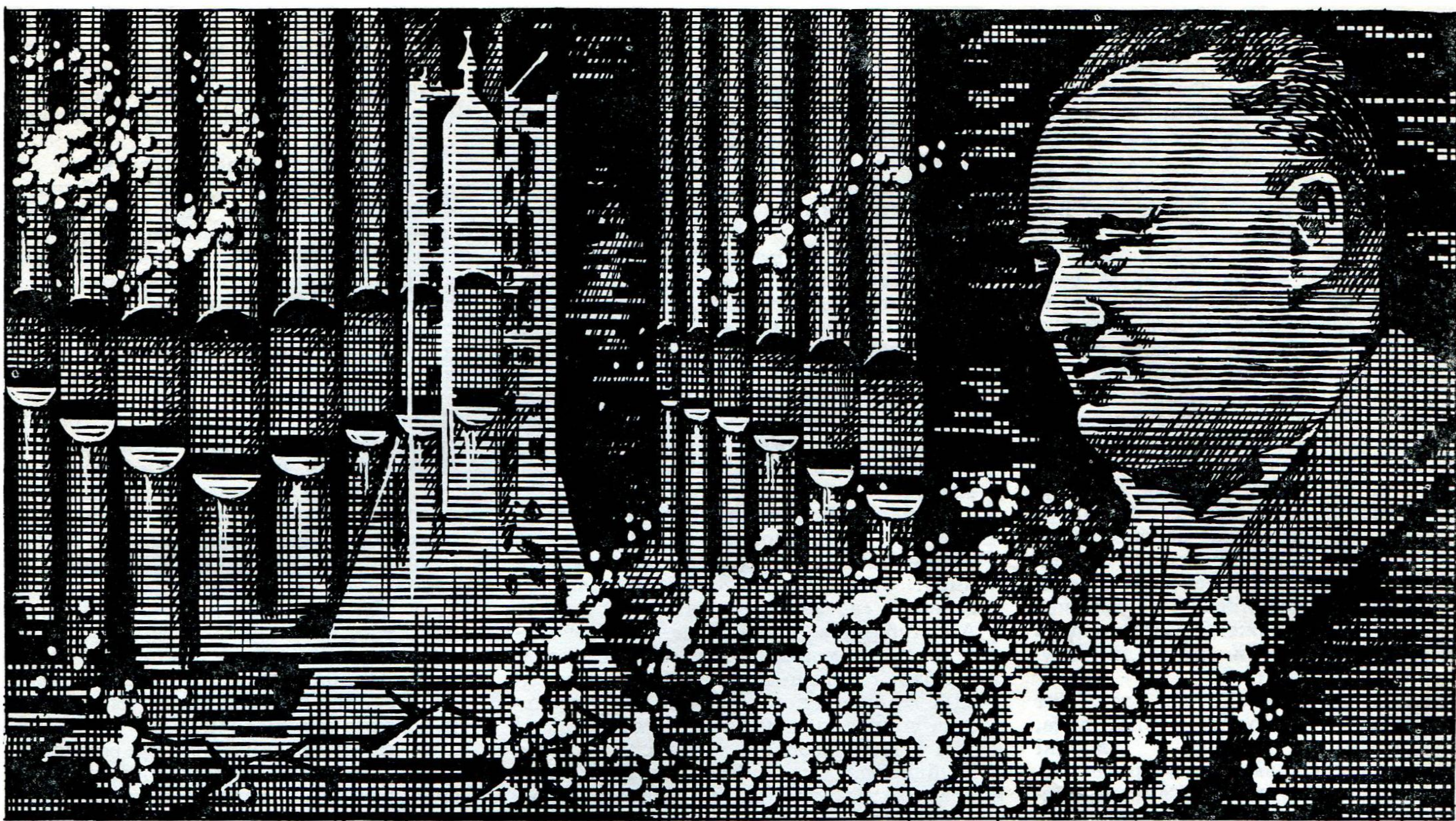


Рис. Ю. Савица

Личность в науке и технике

Владимир Губарев

Королев — Шубников

В 1955 году было принято решение о строительстве космодрома. В казахской степи развернулись события, которые потомки определяют лаконично: подвиг строителей Байконура.

(Продолжение. Начало в № 10, 11 за 1983 г.)

Шубников слушал главного инженера проекта сначала не очень внимательно. Достаточно ему было глянуть на схему, как стало понятно, что люди, стоящие перед ним, невероятные... фантазеры. Да, да, именно фантазеры! Столь огромный объем строительных работ — и всего за два года?! Без подготовительного периода, без материалов, без дорог и коммуникаций, в пустыне...

— Прежде всего нужны вода и дороги, — заметил он.

— Конечно, — согласился главный инженер проекта, — но сейчас речь идет о тех сооружениях, без которых мы работать не можем.

— И именно они — главное! — Сергей Павлович сделал ударение на слове «главное».

...Шубников привык не удивляться. В его жизни было столько приказов, на первый взгляд даже невероятных, что сразу и не вспомнишь. Он умел их выполнять.

На войне он сначала строил оборонительные сооружения — на Дону и под Сталинградом, а потом, когда началось наступление, возводил мосты и прокладывал дороги, чтобы в весеннюю распутицу не увязали на дорогах машины с боеприпасами и шли вперед танки. Наводил переправу через Вис-

лу для танков Рыбалко — обеспечивал их бросок к Берлину.

День Победы для Шубникова стал поворотным: теперь он восстанавливал то, что разрушила война. Мосты в Вене, Братиславе, Берлине. А потом театр и вновь мосты — через Шпрее в Берлине, через Одер в Кюстрине, даже через морские проливы. Широко известная «визитная карточка» его строительного мастерства — мемориальный ансамбль в Трептов-парке в Берлине.

Не скоро после Победы Шубников вернулся на Родину. А там его ждали Донбасс, Азербайджан, Ташкент — везде нужно было строить. И Георгий Максимович ни разу не подвел, не нарушил сроков, выполнял каждое задание. Да, он умел находить выход даже из безвыходных положений, о его смелости, умении рисковать ходили легенды.

Поэтому сейчас пал выбор на него. ...Главный инженер проекта докладывал спокойно, не торопясь. Шубников уже не прерывал его.

— Дороги, связь, стартовое сооружение, подземный командный пункт, монтажно-испытательный корпус, компрессорная, лаборатории, командно-измерительный пункт, кислородный завод, теплоэлектроцентраль и современный город... — Шубникову даже трудно было запомнить: главный ин-

женер проекта перечислял все новые и новые сооружения, и, казалось, им не будет конца.

Пожалуй, именно здесь, в кабинете Королева, Георгий Максимович осмыслил — нет, не трудности, которые им, строителям, предстоит преодолеть, а те грандиозные перспективы, что открываются перед страной с созданием этого необычного сооружения.

— Отсюда мы шагнем в космос, — сказал в заключение Сергей Павлович, и Шубников представил, сколь тяжело ученому и конструктору. Ведь для него заботы строителей — лишь одни из немногих.

Шубников сказал Сергею Павловичу на прощанье:

— Сделаем. Постараемся не задерживать вашу работу ни на один день.

Королев по достоинству оценил слова Шубникова. И не раз показывал, сколь велико его доверие Георгию Максимовичу. А встречаться им приходилось часто. Теперь уже в казахстанских степях.

...Эшелон остановился. Слева и справа лежала степь. Будка смотрителя да несколько покосившихся бараков. А за ними поднималась ввысь до самых облаков черная туча.

Целинная палатка... Воспета ты поэтами и музыкантами, вошла во многие фильмы! Но никто не восславил траншею, которую называли «земляной», а чаще всего «подземным дворцом». А ведь в ней было и теплее и спокойнее, потому что от малейшей неосторожности палатка вспыхивала мгновенно и успевал прораб только крикнуть: «Накрывайся с головой!» И прятали головы под одеяла, а потом осторожно выглядывали из-под них и разглядывали зимние звезды. А лоскуты пламени — все, что оставалось от палаток, — ветер уже нес чад степью.

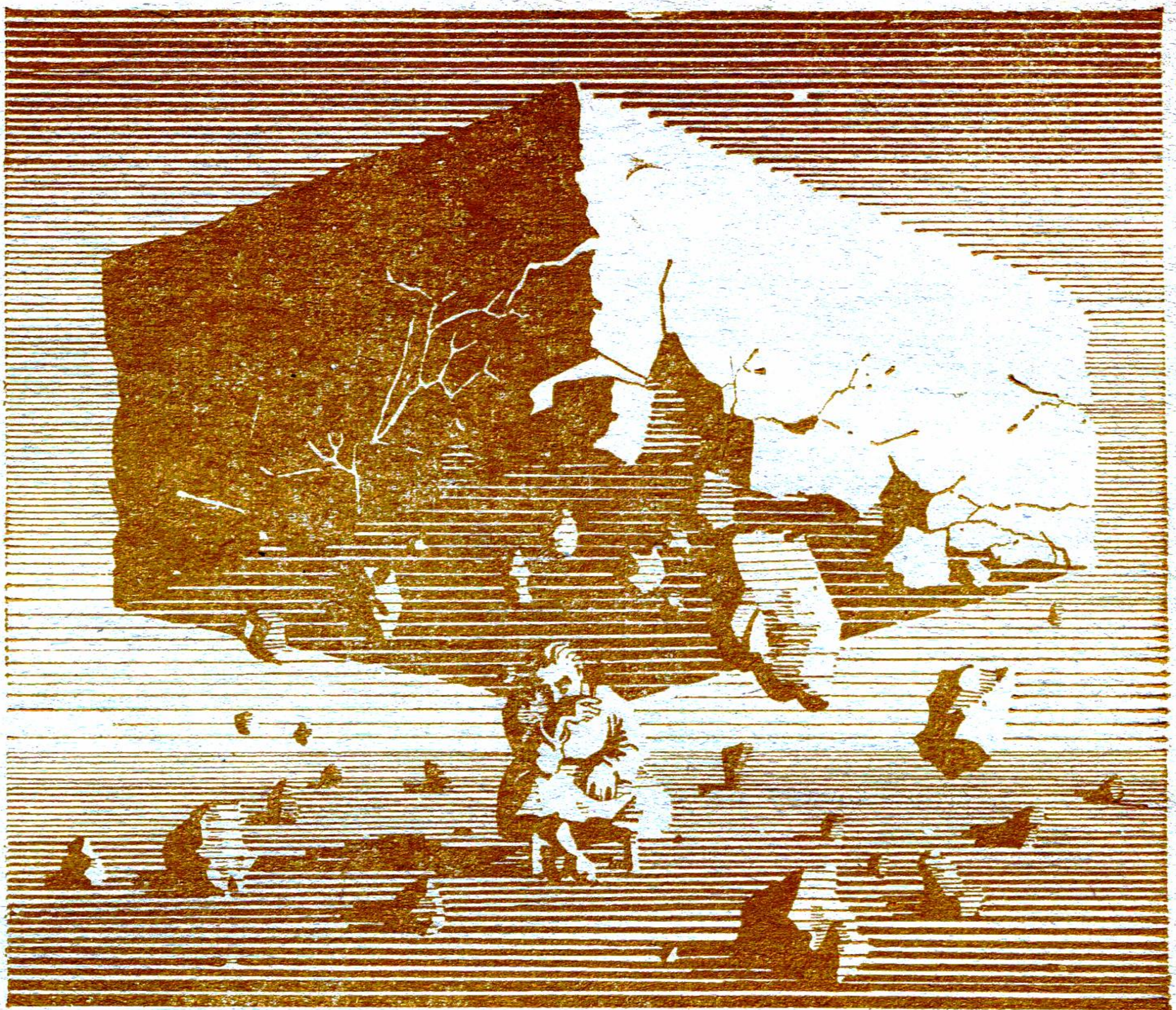
— Не верилось, что в таких неве-

Поздравляем

победителей шахматного конкурса «Студенческого меридиана» 1982/83 учебного года. Ими стали 64 любителя шахмат (чисто шахматное число!):

В. Абрамов (Целиноград), Л. Аксентий (Кишинев), М. Андрухив (Донецк), В. Артемчук (Харьков), Л. Балюк (Ворошиловград), В. Бартош (Минск), Д. Басаев (Калмыцкая АССР), В. Беззубов (Протвино), В. Борздун (Каховка), Н. Белик (Ульяновск), В. Беляев (Курган), И. Булах (Ворошиловград), Ю. и Т. Бутовы (Ставрополь), М. Гаврылив (Пермь), М. Германов (Курганская обл.), Н. Гирфанов (Уфа), И. Гладышев (Красноярск), В. Глазунов (Каменск - Уральский), П. Гутман (Ленинград), А. Дорджиев (Элиста), А. Елесин (Арзамас), Н. Ермаков (Москва), О. Ефросинин (Волгоград), Б. Калинин (Воронежская обл.), И. Кваша (Ростовская обл.), В. Козак (Полтава), В. Колпаков (Сухуми), Л. Корейба (Житомирская обл.), В. Косарев (Полтава), Д. Красиков (Ростов), М. Куперман (Москва), З. Курганов (Чирчик), В. Кушниренко (Казань), Н. Леоненкова (Витебск), Г. Леонов (Курган), А. Лобанов (Ставрополь), А. Лобашов (Горный), В. Лобода (Полтавская обл.), И. Макаров (Харьковская обл.), С. Матлин (Владивосток), П. Мешков (Куйбышев), А. Моисеев (Ленинград), А. Никиточкин (Донецк), С. Остапук (с. Надорожнов), А. Панфилов (Ленинград), И. Парфентьев (Петрозаводск), М. Прокофьев (Ленинград), А. Расулов (Приморский край), В. Рыжков (Караганда), А. Рябов (Куйбышев), А. Ставский (Минск), С. Тасмуратов (Астрахань), Л. Тимошенко (Черкасская обл.), В. Ушаков (Москва), В. Филиппов (Оренбург), Н. Фицак (Ивано-Франковская обл.), В. Хальзов (Ахтырка), М. Чернушко (Уссурийск), Н. Чистяков (Омск), Г. Чумаков (Калинин), М. Шварцман (Казань), А. Шекута (Новосибирск), А. Шмит (Ульяновск), Н. Шурыгин (Норильск).

Все победители награждаются шахматной книгой с автографом чемпиона мира А. Карпова.



Притяжение и несомнтельность. Рис. Ю. Гусевой, студентки МПИ

Почему Лена вне игры?

«Я студентка, учусь на дневном отделении. Учусь хорошо и занятий без уважительных причин не пропускаю. Но есть одно «но». У нас в институте после третьего курса уроки по физвоспитанию факультативные. Значит, посещать необязательно. Но на кафедре думают иначе: всех без исключения заставляют ходить на занятия.

...Я понимаю, что физкультура полезна для здоровья, но старшекурсники и так загружены по учебной программе. Зачем же посещать факультатив «из-под палки»...

Лена С., г. Норильск».

Подобных писем в редакцию поступает немного. Чаще студенты жалуются на то, что после второго курса занятия по физкультуре прекращаются.

Говорят, насильно быть здоровым не заставишь. В нашем рейде-проверке мы попытались выяснить, почему студенты подчас относятся к физкультуре как к второстепенному предмету.

...На заре не буди...

Солнечное воскресное утро. Без четверти восемь. Стою у входа в общежитие КГУ. Цель — узнать, сколько человек выйдут на утреннюю зарядку.

Десять минут — никого. Еще пятнадцать... Наконец хлопает дверь... и выходит вахтерша. Сдала смену... Не отчаиваюсь, жду. И вот снова хлопает дверь, вижу ребят в тренировочных костюмах. Знакомимся: это первокурсники математического факультета Сериков и Матайс. Обоих зовут Викторами.

— Давно бегаем?

— Я еще в школе увлекся легкой атлетикой, — говорит Матайс.

— А я играл в футбол, — дополняет Сериков. — Что дает нам ежедневная пробежка? Бодрость, радостное чувство наступающего дня. Жаль, что многие лишают себя этого.

Ребята нетерпеливо переминаются с ноги на ногу. В добрый путь! Они не спеша затрусили по аллее, только шапочки мелькают сквозь кустарник.

А чем же, интересно, занимаются другие? Поднимаюсь на второй этаж. Стучусь наугад в первую попавшуюся дверь. Слышатся приглушенные голоса. Вот чьи-то шаги. Выглядывает симпатичная, немного заспанная девушка. Как оказалось, это староста этажа Таня Гусева.

— Девочки поздно ложатся спать, — говорит она. — Много приходится заниматься, решили отоспаться в воскресенье.

— А вы не пробовали установить для себя режим дня?

— На первом курсе пыталась бегать по утрам, но хватило меня ненадолго. Почему? Общежитие! — многозначительно произносит Таня. — Разве тут организуешься?..

Виновато ли общежитие? В соседнем корпусе правое крыло первого этажа занимают студенты, которые регулярно занимаются спортом...

Из разговора с Гусевой я узнал также, что на математическом факультете введены обязательные занятия физкультурой в течение всего периода обучения. Но ведь одних уроков мало, нужны самостоятельные занятия.

— Впрочем, — признается Таня, — я на себе испытала, насколько лучше себя чувствуешь, когда делаешь утреннюю зарядку ежедневно. Беда в том, что большинство из нас не могут преодолеть лень, живут по инерции... Нужны энтузиасты, которые бы увлекли остальных.

Посейдон и Пушкин

Как-то на страницах газеты «Советский спорт», обсуждавшей «больные места» студенческого спорта, подняли вопрос: а что, если ввести при поступлении в вуз обязательные экзамены по физкультуре?! Идея смелая, но... Нам кажется, что будет куда эффективнее, если кафедры физвоспитания, спортклубы будут не только на словах поддерживать энтузиастов физкультурного движения. Как это сделали, например, в Новокузнецком пединституте. Декан тамошнего физико-математического факультета Н. Я. Конторович по профессии физик, кандидат наук. Но есть у него и еще одно призвание — увлекать спортом своих студентов.

На факультете Конторовича каждая группа выпускает свой стенной спортивный листок. Здесь все студенты умеют плавать. А какие театрализованные праздники на воде организуют студенты! Сам Посейдон является на них. Тут волей-неволей поплывешь.

Однажды на областном совещании общества «Буревестник» обсуждался вопрос: почему студент неохотно идет на уроки физкультуры? Кто-то бросил реплику: «Не тот нынче студент пошел!..» Не утерпел Конторович, встал и сказал:

— Не будем валить с больной головы на здоровую. Беда в том, что многие преподаватели работают с прохладцей.

Или взять проблему массовости. Тут мало лозунг вывесить, нужно в массе видеть конкретного человека, каждого студента.

На физико-математическом факультете, к примеру, во всех группах по две волейбольные команды, которые по круговой системе играют в течение всего учебного года. Когда мне рассказали, как Конторович награждает победителей, я сначала не поверил. Оказалось, что ребята собирают макулатуру, обменивают талоны на хорошие книги. А кому не хочется получить из рук владыки морей двухтомник Пушкина?

Для того чтобы занятия физкультурой стали потребностью, нужны условия. Что делается для этого в КГУ? У ректоре этого вуза, докторе химических наук, профессоре Ю. А. Захарове я слышал, что он большой любитель спорта.

— Боюсь показаться банальным, — говорит Юрий Александрович, — но всему, чего я достиг в жизни, обязан во многом физкультуре и спорту. Ежедневные тренировки научили меня ценить время.

Но азбучная истина, что занятия физкультурой — надежное подспорье в учебе, к сожалению, еще до многих не доходит. Мы предложили проводить физкультурные пятиминутки. Сначала все горячо поддержали идею, а как дошло до дела — энтузиазм поостыл. Результаты появятся, только когда мы каждое начинание будем доводить до

конца. Конечно, трудности тут имеются, со спортивным снаряжением, например. Его мало, а то, что есть, — низкого качества. В вашем журнале (№ 2, 1983) напечатаны схемы тренажеров, которые по силам изготовить каждому. Вот мы и подумали: почему бы их не установить в коридорах общежитий или даже учебных корпусов? Вышел студент на перемену, позанимался. Времени отнимает немного, зато польза какая!.. При общежитиях необходимы прокатный пункт лыж, комната для занятий спортом. Все эти вопросы можно решить, если и ректорат, и кафедры, и комитет комсомола будут заодно.

...Два выговора за год

Но вузовская комсомольская организация пока в стороне от проблем физкультурно-массовой работы.

Как-то к ее секретарю В. Волчку зашли ребята. Попросили помочь найти место, где можно проводить тренировки секции самбистов, организованной по инициативе самих студентов.

Владимир обещал разобраться, но в текучке забыл...

На вопрос, что сделано комитетом комсомола за год по физкультурно-массовой работе, В. Волчек сразу ответить не смог. Потом вспомнил, что месяца четыре назад двум факультетским физоргам были объявлены выговоры за неудовлетворительную работу. Вот, пожалуй, и все. Кстати, создание секции самбо комитет комсомола тоже записал в свой актив. Невольно думаешь: а каковы на самом деле задачи комитета ВЛКСМ в развитии физкультурно-массовой работы? Не ограничиваются ли они для большинства простой констатацией «проделанной другими работы»...

...Овчинка стоит выделки...

У массового студенческого спорта немало проблем. О некоторых мы уже говорили. Но есть и другие. В том же КГУ, где развитию физкультуры и спорта уделяют немало внимания, сдвиги незначительны. Не потому ли, что между физкультурно-массовой работой и спортивной существуют «ножницы»?.. Давайте подумаем: почему некоторые вузы остро заинтересованы в том, чтобы у них обучались высококлассные спортсмены? Не потому ли, что те приносят желанные очки, которые учитываются при подведении итогов социалистического соревнования и создают видимость физкультурно-массового благополучия? И вот чтобы не отстать от Новокузнецкого пединститута, где имеется факультет физвоспитания, в КГУ решили создать кафедру спортивных дисциплин для группы спортивного совершенствования численностью 60 человек. Они ежедневно проводят двухчасовые тренировки. Для них выделен отдельный этаж в общежитии. Каждый год преподаватели обязаны выехать не менее чем в три командировки по области. Цель — отыскать перспективных в спортивном отношении ребят для поступления в вуз. (Только вот непонятно: нужно ли это самим поступающим, так как ни о каком выборе будущей профессии здесь речи быть не может.) Ради этого же открыты две детско-юношеские школы по легкой атлетике и гимнастике. Они забирают два зала

из четырех имеющихся в университете. Из 250 мест, которыми располагает оздоровительно-спортивный лагерь, 120 резервируются также за ними, а оставшиеся — за различными сборными. Из более чем 300 воспитанников ДЮСШ в университет за минувший год поступили один-два человека: но если учесть тот факт, что старшеклассники выступают за общество на различных соревнованиях, то станет ясно, почему «овчинка стоит выделки».

За минувший год, к примеру, подготовлено 2 мастера спорта, 11 кандидатов, 65 перворазрядников. На нынешний год обязательства соответственно повысились. Чтобы их выполнить, нужны средства, условия...

А что же остальные 3280 человек, обучающихся на дневном отделении? Так как вузовская спортбаза из-за загруженности не может вместить всех желающих, более тысячи человек вынуждены заниматься на лыжной базе за городом. Некоторым это нравится, но большинство жалуется, что уроки «из-под палки» могут отбить всякую охоту оздоровляться. Многие учебные группы целиком «прикрепляются к виду спорта». Нравится он студенту — об этом не спрашивают.

Напрашивается вывод: а может быть, права автор письма, приведенного в начале материала? Не подобные ли уроки отбивают всякую охоту заниматься физкультурой?! За последнее время во многих вузах вводится физподготовка в качестве обязательного предмета в течение всего периода обучения, и это радует. Но будет ли достигнут желаемый эффект, если отношение к здоровью студента останется прежним?

Что скрывать: для большинства студентов нормативы ГТО — недостижимый рубеж. В том же КГУ только пять процентов поступающих смогли их выполнить.

— Раньше я занималась гимнастикой, — пожаловалась мне студентка филфака Лена Козловская. — Потом нашей группе сказали, что будем играть в баскетбол. Те, кто умеет, бегают, а я как бы оказалась вне игры...

...Похоже, проблемы физкультурно-массовой работы мало волнуют и председателя Кемеровского ДСО «Буревестник» В. П. Егорова. Когда разговор зашел о создании клубов любителей бега в вузах области, Виктор Петрович заявил категорично, что идея эта заранее обречена на провал из-за климатических условий Сибири.

Но ведь Томск находится в той же климатической зоне, что и Кемерово. Так вот, в здешнем ТИАСУРЕ сумели вовлечь в клубы и студентов, и преподавателей. Выходит, нужно только желание работать и настойчивость.

...Перед отъездом я еще раз заглянул в общежитие КГУ. На зарядку выбежали уже знакомые нам Матайс, Сериков и еще кое-кто из группы спортивного совершенствования. А мне вдруг представилась картина: по набережной реки Томь бегут десятки, сотни любителей бега. И среди них Лена Козловская, Таня Гусева и еще многие студенты... А из дома напротив университета выбегает ректор Юрий Александрович Захаров, председатель клуба любителей бега... А что, было бы здорово!

Петр Плиев, наш спец. корр.
Кемерово — Москва

«Ценю время»

Как использовать его более рационально, правильно распределить, чтобы ни одна минутка даром не пропала? О проблеме бюджета времени наш сегодняшний разговор в традиционной рубрике.

Мой рабочий день начинается в девять утра. В эти часы в комитете комсомола, как правило, никого нет. Идут занятия. Важно сосредоточиться и спланировать день. На помощь приходит дневник, который завел сразу же после того, как меня избрали секретарем комитета комсомола факультета. Открывая его, вижу: в 12 надо быть на заседании ученого совета. В три — летучка в институтском комитете. Вечером — наш комитет. Приблизительно план ясен. Иду в деканат, где получаю всю информацию по факультету. Но вот звонок на перерыв между «парами». Идут ребята с вопросами: одному нужна характеристика, другого интересует НИРС. Секретарь должен четко ответить на все вопросы.

Конечно, много времени уходит на работу текущую. Здесь и контроль за постановкой на учет, и снятие с учета, комсомольские взносы, связь с деканатом. Но все же самое главное — люди. Стараемся решать все проблемы, с которыми приходят комсомольцы, сразу. Естественно, если это возможно. У меня ненормированный рабочий день. Поэтому определенных часов приема нет. Принимаю всегда. Наверное, так должен поступать любой секретарь.

Приходит, к примеру, комсорг-первокурсник за консультацией, а у меня обеденный перерыв. Но я-то нахожусь в комитете. Можно предложить ему прийти позже. С другой стороны: если сейчас студенту не помогу, то в следующий раз он может не обратиться за помощью, обидеться. Разговор с человеком лучше на потом не откладывать. Это я хорошо понял, когда был заместителем секретаря.

Теперь о том, что помогает экономить время. У нас строго соблюдается регламент заседаний комитета комсомола, комсомольских собраний. Четко распределены обязанности между членами комсомольского актива. Хорошо налажено дело-производство. К примеру, картотека персональных дел комсомольцев, дневники комсоргов групп. Всегда можно получить быструю, точную информацию о любом студенте.

...День прошел. Решены сегодняшние проблемы. Вновь я за письменным столом прикидываю то, что буду делать завтра, помечаю время. Написать статью в многотиражку «Пропеллер», проверить, как идет подготовка к субботнику, проанализировать итоги общественно-политической аттестации, поработать над научной темой. Ведь я к тому же аспирант.

Товарищи часто спрашивают: «Как все успеваешь?» Отвечаю просто: «Ценю время».

Сергей Рудь,
секретарь комитета комсомола
четвертого факультета МАИ

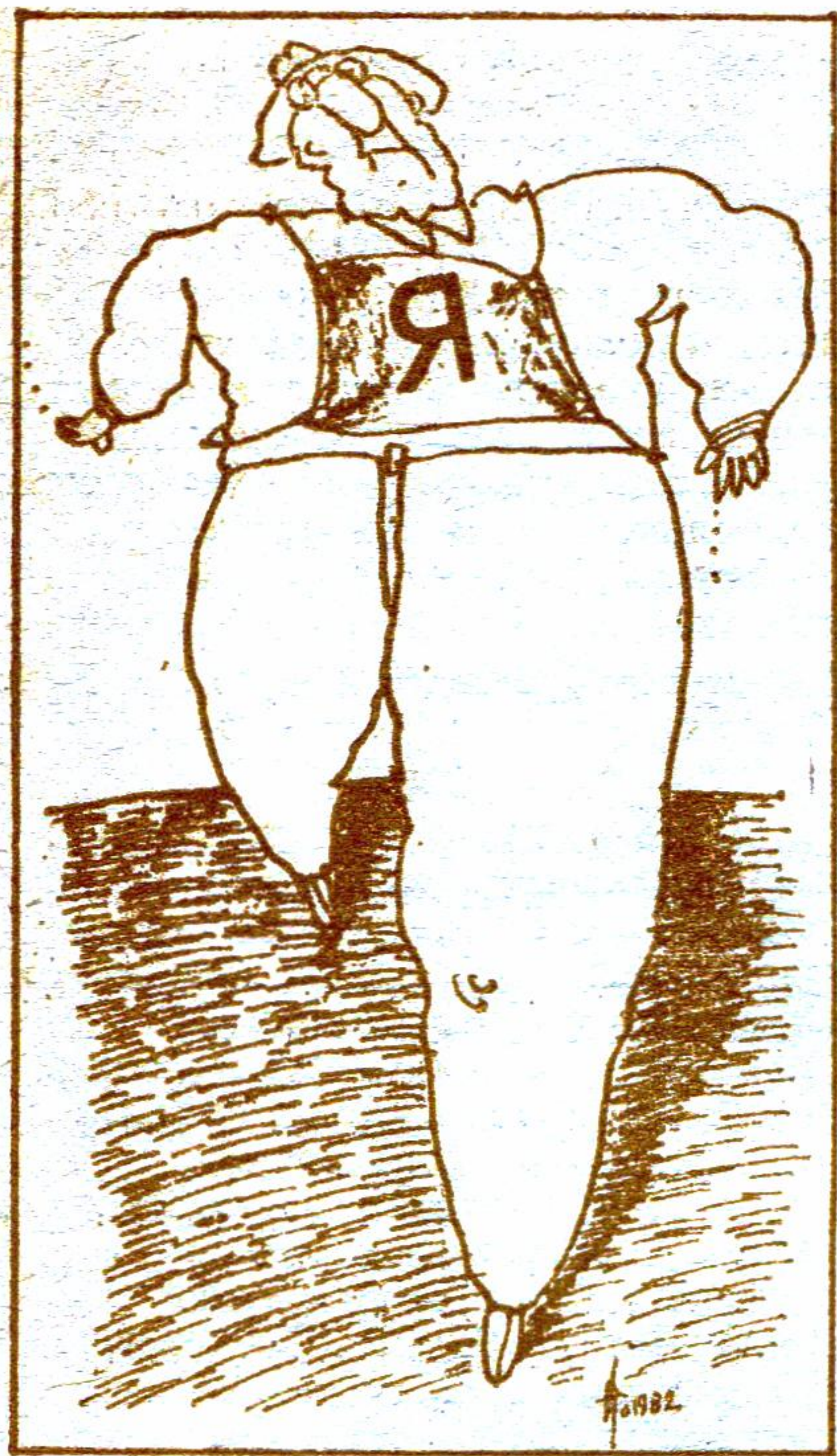


Рис. А. Буникиса, нашего читателя, г. Вильнюс

Быт: этаж за этажом

На письма читателей отвечает
начальник отдела
Минвуза РСФСР В. Н. Угорелов

Очередная публикация ответов на вопросы наших читателей (№ 10, 1982 г.) вызвала, судя по многочисленным письмам, оживленный интерес. Среди откликов особенно хочется выделить обстоятельное письмо студента ХАИ Бориса Брагинского. Он рассказывает, что в свое время был также выселен из общежития и, как он пишет, «последующие два года превратились для меня в серьезное испытание». Попытка добиться места в общежитии привела, по словам Бориса, к прямому конфликту с деканатом. Однако все это в прошлом, и теперь, как пишет автор: «Не обо мне речь. Нам с женой повезло — сняли комнату рядом с институтом, но я вижу, что и новые поколения студентов сталкиваются с подобной проблемой». Далее Борис приводит ряд примеров грубого нарушения в институте порядка заселения общежития, проживания студентов без ордеров, «меры» наказаний за это и т. д. И задает ряд конкретных вопросов (на мой взгляд, заранее зная на большинство из них ответы).

Уважаемый Борис!

Ордер на вселение в общежитие может выписываться не на весь срок обучения в вузе — ведь комната и даже общежитие могут за пять-шесть лет поменяться. Главное не в этом. Вселенный в общежитие студент обеспечивается жилплощадью до окончания института или отчисления из него. Законом не предусмотрено обеспечение жильем семей студентов...

В редакцию поступило много писем с просьбой разъяснить те или иные положения законодательства о соблюдении порядка в общежитии. Хотелось

бы прежде всего обратить внимание на странную закономерность — большинство вопросов свидетельствует о полном незнании проживающими основных документов — Положений о студенческих общежитиях и Типовых правил внутреннего распорядка в них. С этими документами должны знакомить каждого жильца при поселении в общежитие. Консультацию по этим вопросам можно получить у юриста-консультанта вуза или техникума или в деканате (учебной части, библиотеке), где упоминавшийся уже сборник основных приказов, постановлений и инструкций («Высшая школа», 1978, т. I, II) должен обязательно быть. В этом случае, я уверен, порядка в общежитиях будет больше, а взаимных обид гораздо меньше.

Студенты Измаильского пединститута, Грозненского нефтяного, Львовского лесотехнического, Кубанского сельскохозяйственного институтов и ряда других вузов и техникумов возмущаются введением пропускного режима в общежитиях, установленным порядком их посещения, отключением электроэнергии в жилых комнатах после 24.00, запретом переставлять мебель и т. д. Пишут об этом не только с возмущением, но и с сарказмом, с «уничтожающей» иронией. Совершенно напрасно. Все эти явные, на их взгляд, «глупости» предусмотрены соответствующими положениями. Мне бы не хотелось ставить на этом точку, констатируя только, что «так положено». Все это соответствует и здравому смыслу — вряд ли кто-то обрадуется тому, что его дом-общежитие превратится в проходной двор, куда может войти в любое время каждый желающий, когда далеко за полночь один из трех-четырех жильцов комнаты мешает отдыхать остальным... Одновременно хотелось бы предостеречь и от грубого администрирования вместо воспитательной работы, без объяснения необходимости той или иной меры. Вот, к примеру, некоторые из «мер». Студенты (и снова пятикурсники Харьковского авиационного института) возмущаются сложившимся в институте порядком проверки соблюдения паспортного режима в общежитиях, которая проводится поздней ночью или рано утром. Понять стремление ретивых администраторов — пресечь проживание в общежитиях посторонних лиц — можно, но форма этой работы только дискредитирует хорошую идею, а время для проверок, конечно же, можно и нужно избрать иное...

И последнее. Недаром говорят, что дорога в ад вымощена добрыми намерениями. Конечно же, о наведении порядка в общежитии думал ректорат Свердловского архитектурного института, принимая в прошлом году решение о лишении всех проживающих в общежитии зимних каникул и привлечении их к ремонтным работам. Однако решение это незаконное (как справедливо полагают студенты) — к любой работе студент во время каникул может быть привлечен только добровольно. Думается, что, если бы жильцам общежития объяснили необходимость этих мер, создали студенческий отряд для ремонта, организовали изучение правил (и совсем необязательно для этого целой недели каникул), не было бы жалоб и недовольства.

**Проблемы
«частные»?**

В статье «Личность или безличность» (№ 3, 1983 г.) профессор Ю. Г. Кудрявцев некоторые проблемы, о которых хочу высказать свое мнение, определил как «проблемы частные».

Вот эти строки: «...проблемы пьянства, распространявшегося в последнее время и на женщин... Как следствие этого — не только разрушение личности самих пьющих, но и оставленного ими потомства. За настоящее мы платим будущностью общества». Да разве это частная проблема, если от нее зависит будущность общества?!

Или другой довод ученого: «Все шире и шире распространяющееся среди женщин курение... Природа сделала женщину продолжательницей рода. Это высшее предназначение женщин... Все это, как считают специалисты, скажется на будущих детях». Разве судьбу будущего ребенка можно отнести к частной проблеме?!

Я, кажется, увлеклась вопросительными и восклицательными знаками, хотя они передают все отношение к существу поднятой Ю. Г. Кудрявцевым теме. И мне хочется особо подчеркнуть мысль ученого о том, что, к сожалению, этим, так называемым частным проблемам внимания уделяется меньше. А напрасно.

Не могу не сказать об «эстетизации табака».

Сколько раз приходилось видеть, как студентки 3-го Московского медицинского института после очередной лекции гурьбой выходят на улицу просто покурить. И преподаватели-мужчины при этом проявляют свою галантность — предлагают им сигаретку, спички, зажигалку. А ведь это будущие врачи, люди, призванные своей профессией заботиться о здоровье других. И каждая студентка, я уверена, надеется стать счастливой матерью. Счастье же матери — здоровый ребенок.

Все это — и студенческие вечеринки с обильным виноизлиянием, и курение девушек — идет не просто от элементарной бравады независимостью, а от невысокой внутренней культуры.

Т. Браславская,
Москва

«Одна в толпе»

...Я никогда раньше не писала в редакцию, мне как-то не верилось, что письма наши всерьез читают, а вот теперь поверила, потому и пишу.

Понимаете, мне не везет! Просто не везет, и все... Если посмотреть со стороны, то все вроде бы хорошо. Я в институте, учусь отлично, член факультетского бюро ВЛКСМ, занимаюсь научной работой, есть подруги, товарищи. Не правда ли, ситуация прямо-таки образцово-показательная... а жить тяжело. И вот почему. Во-первых, в институт поступила не в тот, который хотела... С общественной работой тоже не ладится. Хотела, чтобы коллектив был дружным — не получилось, хотела, чтобы комсомольцы поактивнее стали — куда там! Множество мероприятий мы задумали — не получается их осуществить. А уж в личной жизни и совсем плохо. Стоит только мне на какого-нибудь парня обратить внимание, как это уже точно известно — что я ему не понравлюсь. Сначала обидно было, а теперь привыкла. Вот сейчас написала это все, а самой кажется, что ничего страшного в этом нет — у всех так. Но нет, не так. И любовь есть, и дружба настоящая, а у меня все время такое чувство, будто я забыла что-то, что не то делаю, не так, как будто «одна в толпе».

Алиса Береговая, Волгоград

От редакции: Дорогая Алиса! Хорошо, что вы доверились нам и написали письмо в редакцию. Письмо ваше грустное, но, нам кажется, причина вашего «невезения» в вашем же характере — вы непоследовательны и нерешительны. Вся наша жизнь — поступки, Алиса, вы поступили опрометчиво, выбирая себе профессию. Не есть ли это главная причина вашего настроения? Нам бы хотелось, чтобы вам ответили читатели, и прежде всего ваши земляки. Что касается второй части письма — классики утверждают, что женщина выбирает мужчину, а не наоборот.

«Шофер... с высшим образованием»

Никогда не думал, что соберусь написать в журнал. А побудила меня к этому

случайная встреча с моим однокурсником.

Оба мы закончили заочный институт пищевой промышленности. Я, хотя и не сразу, нашел работу, близкую к профилю моего образования. Правда, я не очень уверен, что для этого надо было заканчивать институт. Но вот встретил Виктора, — а он работал во время учебы шофером, да так им и остался. Были у нас в группе два электрика, которые, получив специальность экономиста — организатора заготовок продуктов сельского хозяйства, остались электромонтерами. Так вот, я размышляю: выгодно ли это государству, чтобы у нас были шоферы с высшим образованием?

Ведь можно же было этим ребятам — да я уверен, не только им — предложить что-то стоящее. Может быть, взять часть распределений из дневного вуза и предложить?..

Хотелось бы узнать мнение читателей по этому поводу.

А. Соломатин

**Письмо снято
с контроля**

В редакцию журнала обратился выпускник Марийского политехнического института имени А. М. Горького тов. Смотрин Е. К. с просьбой оказать содействие в перераспределении его по месту жительства семьи. Мы просили Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР рассмотреть письмо тов. Смотрина Е. К. и о результатах сообщить автору и редакции. На наш запрос из министерства пришел ответ, в котором сообщается, что: «Учитывая семейное положение выпускника 1983 года т. Смотрина Е. К., министерство разрешает направить его по месту жительства семьи».

Владимир Тендряков

...Это был честный и даже фанатически честный человек. Человек, который отличался огромной отзывчивостью, но и неумеренной неуравновешенностью, человек острых противоречий и яркого характера, не терпящий серости, усредненности в людях.

Его могло бросить в самую большую любовь и тут же в самую большую ненависть и негодование.

А. Яшин отличался удивительной непосредственностью, и это выражалось в его творчестве, и это было его огромной силой. Мне не во всем близко его творчество. Я, например, не согласен, что наша вологодская рябина самая сладкая ягода, но это образно говоря. На мой взгляд, постоянное любование березками, журавлями и тому подобным мешает осмыслению сложнейших глубинных явлений, которые осознаются не только через эти символы. Но главное, что я хочу сказать, — мне многое дорого и близко в замечательном человеке и большом поэте Александре Яшине...

Александр Яшин

Назови меня именем светлым,
Чистым именем назови —
Донесется, как песня с ветром,
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденья за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержки суховей,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повеи.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую,
Оживу.

*
Опять я целый день негодовал,
С дельцами, не с поэтами встречаясь.
Опять в газете не пошел подвал —
С казенным словом все не уживаюсь.
Опять пришлось с людскою маетой
Столкнуться в министерских

коридорах.
В глазах рябил сухой бумажный
ворох,

И не мирилась совесть с немотой.
А все, что сразу высказать не смог,
Чем вся душа была до боли сжата,
Принес к своей любимой на порог,
А чем она, родная, виновата?

Еще в передней грянула гроза.

Попробуй сладить

С этим раздраженьем!

И добрые, печальные глаза

Глядели на меня с недоумением.

Как будто бы в густом лесу я сам
Тугую ветку оттянул упруго.

И вот она хлестнула по глазам,

Ни в чем не провинившегося друга.

Страшно любить и быть нелюбимым,
Жить с людьми,
А слыть нелюдимым,
Страшно недруга боготворить,
Правдою клясться
И зло творить.

Но я не знаю страшнее мученья,
Коль пропадет к работе влечение,
Руки людские
И душу жаль:

Вдруг непослушным станет рояль,
Для живописца померкнут краски,
Скульптор на глину глянёт с опаской,
Мрачен ученый — прозрения нет,
И не подходит к столу поэт.

Все как болезнь.
А есть ли леченье?

Только терпенье, одно терпенье:
Выдюжить, выждать —
И в свой черед
Все образуется, боль пройдет.

*

А мы друг друга и там узнаем,
Боюсь лишь, что ей
Без живого огня
Шалаш мой уже не покажется раем,
И, глянув пристально сквозь меня,
По давней привычке еще послушна,
Добра и доверчива,
Там она
Уже не будет так влюблена,
Так терпеливо великодушна.

Переходный возраст

Тревожно и грозно,
Тем более что поздно,
И мой наступил
Переходный возраст.

Не слабым слышу,
А в голос реву:
Туда ли плыву я?
Так ли живу?

И спать не могу,
И есть не могу:
В долгу перед всеми,
А что я могу?

Как пень на лугу,
Как тень на снегу,
Как серый валун
На морском берегу...

Чье сердце смягчил?
Кому подал руку?
Кому облегчил
Душевную муку?

Чью старость утешил?
Кого осчастливил?
Кого на дорогу
На торную вывел?

Пред всеми в долгу я,
А чем помогу?
Я много могу.
Ничего не могу.

От горя ушел,
От хвори ушел,
От смерти ушел —
От себя не могу.

Рис. И. Айдарова



Вологодское диво

Человеческая и писательская судьба А. Яшина была нелегкой, но крутые повороты ее не надломили характера этого человека, не поколебали его веры в добро и справедливость. Некоторые считали Яшина колючим, неуживчивым. Он и в самом деле своей прямоотой, жесткостью суждений отпугивал людей бесхарактерных. Но вместе с этим умел высоко ценить дружбу, радоваться успехам товарищей, бескорыстно помогал многим из них.

Путь Яшина к постижению нравственной сущности и значения искусства, с учетом типичных возрастных прозрений, был драматически осложнен и крутыми поворотами личной судьбы. Велико, необоримо было в А. Яшине желание ощущать жизнь всеми фибрами души — общаться с людьми и творить добро для них, дышать воздухом полей и слушать голоса северной тайги, припадать губами к студеной воде лесного ручья и разгадывать кружева следов на снегу, ходить на медведя и слушать и самому рассказывать бухтины...

Общий пафос стихов последних

лет — это пафос преодоления боли, одиночества и победы жизни. Натура сильная и гордая, Яшин молча, стиснув зубы, перенес трагические потери близких, с таким же стоицизмом он переносил и свои болезни и выходил из этих испытаний умудренный новым трудным опытом. Недаром в его стихах все сильнее и сильнее звучит мотив доброты и внимания к людям, близким и неблизким, недаром и сам он ищет нравственную опору именно в них.

А. Яшин очень тяжело болел. Это было на наших глазах, глазах его друзей и товарищей, родных и близких. Недуг свалил поэта на больничную койку, с которой на этот раз он уже не встал. Александр Яковлевич не жаловался на физическую муку, он превозмогал ее как солдат, как мужчина. Но, не говоря о близкой смерти, а все-таки уже сознавая ее неизбежность, горько сожалел о ненаписанных книгах, невоплощенных замыслах.

— Годок бы еще, хотя один только годок, — говорил он глуховато, уже с усилием. — Прозу надо писать. Мно-

го задумано. Наброски есть. Да и стихи просятся.

Обостренное чувство ответственности за творческое поведение, я помню, как поразило нас его письмо, присланное в редколлегию «Дня поэзии-1968» вместо ответа на анкету о народности поэзии, ее национальных и классиче-

ских традициях. Письмо было датировано 24 апреля, за два с половиной месяца до смерти (скончался А. Я. Яшин 11 июля 1968 года), читал его на заседании редколлегии Е. Храмов, читал в напряженной тишине, сильно волнуясь.

Ал. Михайлов

Вместо ответа на анкету о народности поэзии, о национальных и классических традициях ее

Дорогие друзья!

Завтра мне предстоит операция. Насколько я понимаю — трудная. Делать ее будет «сам БЛОХИН», директор института, в котором я нахожусь, академик. Конечно, я рассчитываю жить и работать вместе с вами еще долго, но это не исключает особой обостренности сегодняшних моих чувств и мыслей о нашем общем деле, что, возможно, скажется и на ответе, потому прошу заранее извинить за всякие пережесты.

Так вот насчет народности и традиций в поэзии. Оглядываясь назад, я думаю о том, что неправомерно много тратим времени на ненужные хлопоты (на всяческие якобы теоретические изыскания и разговоры о сущности поэзии, путях ее развития, о традиции и народности), когда нужно просто писать.

Писать, у кого пишется. Писать, пока пишется. Писать, пока хочется, пока тянет к столу. Писать и писать, а там... видно будет, что чего стоит, кто чего сможет достичь. Разные же теоретические сочинения и выкладки пускай берет на себя кто-то другой, из тех, кто, вероятно, умнее нас. А дело художника сидеть и трудом своим, постоянной творческой напряженностью, сосредоточенностью и прилежанием расплачиваться за великое счастье жить на земле.

Много времени и сил тратим мы еще на разные удовольствия, на чепуху, между тем как истинное удовольствие писатель может найти только в работе, за столом, за бумагой.

Трудно представить себе что-либо

более печальное, чем подведение жизненных итогов человеком, который вдруг осознает, что он не сделал и со-той, и тысячной доли того, что ему было положено сделать. Думать об этом необходимо с первых шагов литературной жизни. К сожалению, понимание этого к большинству из нашего брата приходит слишком поздно, когда уже разболтанность, тяга к разного рода утехам, к «клубному шмыганью» берет верх над трудолюбием, над творческой страстью.

Любой трудолюбивый в литературе человек даже с небольшими сравнительно способностями может достичь очень многого, и в конце пути ему не будет стыдно оглядываться на пройденное.

«Работа ум прибавляет!» — говорится в народе. Писать надо, друзья мои! Писать о том, о чем хочется и как хочется, и только так писать, как можно полнее. Выказывать себя, свое представление о жизни, свое понимание ее и, конечно, как можно правдивее — правдивее настолько, насколько позволяет собственный характер и уважение к своему человеческому достоинству. Лишь в этом случае можно быть счастливым и достичь в литературе чего-то своего, не изменив ее великим традициям. Только такая работа будет и партийной и народной. А «теоретизирование» на эту тему — не наше дело, не стоит на него тратить время и силы.

Ваш Александр Яшин.
24 апреля 1968 г.

Александр Яшин

Земной поклон

Спасибо тебе, Блудново,
Деревня в лесной глуши:
Я начал писать здесь снова,
А это — хлеб для души.

Немало в стране хороших
Углов, — приезжай, гости! —
Куда и добраться проще,
И меньше узлов везти;

Есть Талицы-речки всюду,
И если не озеро — пруд,
Повсюду рыбку удят
И уток и зайцев бьют;

Конечно, и для здоровья
Места благодатней есть...

Но вырос-то я в Блуднове,
С землей породнился здесь.

Здесь хата моя не с краю.
Я с детства
Не как-нибудь
Тут каждую душу знаю
И чувствую —
В этом суть.

Зимою — по снежным завалам,
Весною — по грязи вброд
Кидает меня пешедралом
На север из года в год.

И пусть иногда сурова
Ко мне родная изба, —
Я тутшний,
Из Блуднова,
И это моя судьба.

Ленинград, 1942 год

Из фронтовых тетрадей

Вхожу в родную квартиру
По лестнице ледяной.
В прихожей, где шубы висели,
Теперь сарай дровяной,
А в дровяном сарае —
Поленницей... не дрова...
Но я не могу об этом
Укладывать в рифму слова.

В гостиной, где раньше пахло
Теплом, табаком, едой,
Где Клара училась гладить,
Опрыскав платки водой,
И вышивала на шелке
Нелепые лопухи,
Где вечерами, знаю,
Читались мои стихи, —
Лежат только щепки от стула
(А были буфет и комод),
И лезет из горла графина
Прозрачную свечкой лед;
Ненужный электрочайник,
Совсем промерзшая печь,
Семейные фотографии,
Которые жалко сжечь;

И словно дракон в полете —
Чешуйчатые бока, —
Кривая труба времянки
У самого потолка,
Еще — железная койка
В углу, где совсем темно, —
Была бы она деревянной, —
Сожгли б и ее давно.
На этой железной койке,
Свернувшись, лежит отец.
Он маленьким стал, как подросток, —
Жилец или не жилец?
Недвижный, худой и черный,
У черной сырой стены,
Как мумия в одеялах, —
Усы да глаза видны.
Глядит он недоуменно,
Он спрашивает без слов:
Откуда взялась сосулька
На маятнике часов?
В ногах его только Ольга —
Сестра милосердия, дочь,
Одна она в целом доме,
И чем она может помочь?
Где Клара, где Гриша, Аня?
Война разнесла семью —
Мое неокрепшее счастье,
Быть может, судьбу мою.

Стою у отцовской кровати.
А что я сделать могу?
Сказать ли ему, что город
Мы не сдадим врагу?
Он сам это знает не хуже,
Он сам из последних сил
Все делал, что было нужно,
Покуда ходил и жил.
Сказать — чтобы он мужался,
Что близок победы час,
Что мы его не оставим?
Он сам не оставил нас.

Или пожелать здоровья?
Как можно о том сказать?..
Мои запоздалые слезы
Не смогут отца поднять...

Стою у холодной кровати.
Такая вокруг тишина,
Что даже разрывов не слышно...
Не кончилась ли война?

был готов совершить невозможное, и это случалось довольно часто. Света симпатизировала Тимофееву, но ее чувства требовали от него постоянной готовности подтвердить свое ре- номе мага и чародея. Она была равнодушна к серийному мужчине — обаятельному, деловому и некуря- щему, не претендующему ни на одну звезду в небе. Света готовила себя в подруги гению.

Все тимофеевские озарения во имя любви начинались с пустяков, а кон- чались большими неожиданностями. Очередной переворот в современной науке мог начаться где угодно. Да- же в студенческой столовой.

Закон бутерброда

Тимофеев преданно глядел на Све- ту, поедая рыбный шницель с горо- ховым гарниром, в то время как объект его любви старательно делил кубик бутербродного масла, чтобы по- крыть им три кусочка хлеба к чаю, одновременно излагая сюжет отече- ственного фильма катастроф:

— ...и тут им на хвост рушится прожектор, все кругом в дыму и пламени, но они взлетают!

— Это называется «комбинирован- ные съемки», — вставил Тимофеев.

— А потом у них оказалась дыра в фюзеляже, и они полезли наружу. Тут я вообще умерла от страха! — Света всплеснула руками и уронила бутерброд с маслом.

На ее лице отразилась такая не- поддельная растерянность, что Тимо- феев содрогнулся от прилива сочув- ствия и нежности.

— Как же так?.. — сокрушенно произнесла девушка, осторожно под- нимая двумя пальцами серый от на- липшего мусора бутерброд. — Вот досада... Витенька, я отдам тебе свой...

— Ни за что, — твердо сказал Ти- мофеев.

— Нет-нет, ты должен поправлять- ся, — настаивала Света. — Мужчи- нам следует хорошо и обильно пи- таться, потому что умственная дея- тельность требует больших затрат энергии.

— К женщинам это тоже отно- сится, — парировал Тимофеев, и они обрушили друг на дружку водопа- ды альтруизма.

— И почему они всегда падают маслом книзу? — недоумевающе спросила Света, когда стороны при- шли наконец к соглашению о равно- правии.

Тимофеев поглядел на пыльный бутерброд, сиротливо лежавший в углу стола на салфетке.

— Закон бутерброда, — проком- ментировал он. — Иначе — закон подлости.

— Неужели трудно изобрести за- кон антибутерброда? — изумилась Света. — В наш век технического прогресса — и не справиться с ка- ким-то кусочком хлеба с маслом?!

— Прогресс ныне устремлен к звез- дам, — пояснил Тимофеев. — Или в глубины океана, к дельфинам. Кому охота заниматься бутербродами?

— Ну нет! — воскликнула Све- та. — Я не могу позволить себе ро- нять каждый день бутерброды из-за какого-то там дурацкого закона. Я так разорюсь.

Она замолчала и пристально по-

глядела на Тимофеева. Тот кусал нижнюю губу и сверлил злосчастный бутерброд пылающим взглядом, слов- но хотел усилием воли приподнять его над салфеткой, подобно йогу, для которого телекинез — пройденный этап на пути к совершенству. Света не отважилась потревожить Тимофее- ва вопросом: она знала, что в его мозгу зародилась некая идея.

— Я спасу тебя от разорения, — прошептал Тимофеев. — Закон под- лости будет забыт людьми.

После этих слов он поднялся и не- верной походкой направился к выхо- ду. Света бросилась за ним вслед, по- тому что в подобном состоянии Ти- мофеев мог запросто попасть под гру- зовик и навсегда лишит человече- ства своего инженерно-исторического разума.

Ночью Тимофеев не спал. Он бешено курил, мусора пеплом и гася си- гареты о стену, бросался на диван и паялился в пятнистый потолок, затем рушился с дивана на пол, где был раскатан целый рулон машинограмм из университетского вычислительного центра, и покрывал чистую поверх- ность бумаги лихорадочными запися- ми и рисунками, которые поразили бы воображение отпетого параноика. Уже светало, когда обессиленный ге- ний-самоучка взломал шкаф с лич- ными вещами, извлек оттуда бесцен- ную фотокамеру «Практика» и дро- жащими руками выдрал из нее кас- сету с цветной обратимой пленкой. Запахло перегретым паяльником, ки- пящей канифолью и техническим пе- реворотом. Движения Тимофеева приобрели уверенность и хирургиче- скую точность. Он прицеливался и всаживал в разверстое чрево камеры японские микромодули и чешские фо- торезисторы, не жалея ничего из са- мых сокровенных своих запасов. Иног- да он устало прикрывал глаза, и ему являлся светлый облик возлюблен- ной, это давало силы и вдохновение. Инженерная интуиция набирала пол- ные обороты, и раскаленное жало паяльника вонзалось в баночку с се- ребряным припоем.

Пришло утро. Тимофеев умиро- творенно обозрел поле сражения, в то время как его руки выключили все электроприборы, завинтили бутылочку с кислотой и убрали легковоспламе- няющиеся материалы от еще горяче- го прибора, некогда называвшегося фотокамерой. Собственно, внешность его почти не пострадала, но по сути это был уникальный, никем прежде не виданный аппарат, которому еще не существовало должного критерия оценки. Он был сделан кустарно и не слишком изящно — из того, что ока- залось у создателя под рукой. Ти- мофеев чувствовал себя древнерус- ским плотником, без единого гвоздя срубившим топором ядерный реактор.

— Назову тебя «гравиполяриза- тор», — по-отечески ласково прошеп- тал он.

Затем Тимофеев повалился на ди- ван и проспал десять часов, включая утренние лекции, обед и свидание со Светой.

Было пасмурно и моросил дождь, когда Тимофеев с камерой наперевес ворвался в общежитие, где обитала его любимая. Все сметая на пути, он устремился в читальную комнату, на пороге которой его и встретила при-

влеченная шумом и криками вахтера Света.

— Между прочим, на свидание обычно опаздывают девушки, — ле- дяным голосом сказала она, глядя в исходящие нежностью глаза Тимофее- ва.

— Да, но я изобрел гравиполяри- затор, — объявил тот и протянул ей камеру.

Любопытство одержало верх над самолюбием, и Света спросила:

— Что он делает?

— Чудеса, — без ложной скромно- сти ответил Тимофеев. — Как изве- стно, все материальные тела с различ- ной силой притягиваются друг к дру- гу. В частности, бутерброд притяги- вается к центру тяжести Земли и, встречая на своем пути пол, стано- вится несъедобным. Но если изменить знак у сил взаимодействия, то мате- риальные тела станут отталкиваться друг от друга, и бутерброд ни за что не полетит на пол. НИ ЗА ЧТО!

— И эта штука способна изменить знак?..

— Да, — сказал Тимофеев. — Мой прибор поляризует силы взаимодей- ствия материальных тел как заблуго- рассудится. Это первый в мире грави- поляризатор. У тебя есть бутерброд с маслом?

— Найдется, — зачарованно про- шептала Света и направилась в сто- рону своей комнаты, неся гравипо- ляризатор на вытянутых руках.

Тимофеев чувствовал себя на вер- шине блаженства. Он еще раз дока- зал, что для влюбленного — если, ко- нечно, он является народным умель- цем — нет невозможного. Он шел ря- дом со Светой, принаравливаясь к ее изящной походке, и счастливо улы- бался.

Из-за поворота вышел Дима Микад- зе, красавец и атлет. Когда он вста- вал в дверном проеме, там больше не оставалось пустот. Дима защищал честь университета на областных со- ревнованиях, так как в незапамятные времена был принят в вузовскую сек- цию вольной борьбы с правом получе- ния диплома о высшем образовании. На плече у Димы покоилась двухпу- довая гиря. Он увидел Свету и улыб- нулся ей, хотя знал, что Тимофееву не понравится эта улыбка.

Вместе с усами, дрогнувшими на бронзовом лице Димы, дрогнула и ру- ка Светы. Ее палец задел за спуск бывшей фотокамеры. Раздался щел- чок с оттяжкой, какой бывает при съемке с большой выдержкой. Остро запахло финским туалетным мылом «Джинс».

— Ничего не трогай! — завопил Тимофеев и вцепился в гравиполяри- затор сбоку.

— Вах! — сказал Дима, и лицо его приняло обиженное выражение.

С замиранием сердца Тимофеев и Света увидели, как гиря из черного, местами облезшего чугуна медленно всплыла над необъятным плечом Ди- мы, больше всего напоминая своим поведением надувной шарик.

— Действует!.. — ликующе писк- нула Света.

— Еще бы... — не удивился Тимо- феев.

Дима потянул гирю на место, но ему прогивостояла непреодолимая отталкивающая сила, идущая из на-

дежно укрытого в земных недрах центра тяжести. Намертво сомкнув на чугунной дужке пальцы, Дима вознесся к потолку, сработанному по старинке высоким.

— Помогите, — потерянно сказал Дима.

Экспериментаторы бросились наутек, с обеих сторон поддерживая прибор. Не сделав и десятка шагов, они врезались во второкурсника Лелика Сегала, выскочившего на окрепшие призывы Димы. Лелик был одет в джинсы иностранного производства и яркий свитер. В результате столкновения Леликовы джинсы были поляризованы. Наблюдать последствия парочка не стала. Судя по грохоту за их спинами, Лелик был перевернут вниз головой неудержимо стремящимися в небо джинсами и выпал из них.

— Света, — как можно более ласково произнес на бегу Тимофеев. — Отдай мне прибор.

— Да возьми же! — вскрикнула запуганная непредсказуемыми действиями гравиполяризатора девушка и сунула его в объятия гения-любителя.

Прибор хищно щелкнул затвором и поляризовал соленый огурец на вилке у вышедшего наводить порядок коменданта. Строго взглянув на воровато озирающихся Тимофеева и Свету, комендант укусил огурец, разжевал и проглотил. Он немедленно испытал то чувство, которое приходит к пассажиру падающего в бездонную воздушную яму самолета.

Света захлопнула дверь своей комнаты и повернула ключ на два оборота.

— Что будем делать? — спросила она.

— Ты о штанах? — уточнил запыхавшийся Тимофеев. — Ерунда, поляризуем обратно. Хорошо, что прибор не действует на животные организмы, у меня там ограничительный контур...

— Только не увлекайся, — предупредила Света. — А то они спадать начнут.

— С гирей особенно интересно, — оживился Тимофеев. — Сделаю ее пятипудовой, пусть потаскает. — Он бросил уничтожающий взгляд в сторону, где, по его предположениям, должен был висеть наказанный Дима.

— Приступим к ниспровержению закона подлости, — предложила Света, открывая настенный шкафчик и доставая лежащий на блюдечке бутерброд (из белого хлеба с маслом). — Ты не поверишь, но я еще вчера знала... что он понадобится.

Тимофееву захотелось привлечь девушку к себе, говорить ей нежные слова, вместо этого он твердой рукой направил объектив гравиполяризатора на бутерброд.

— Да сгинет подлость! — сказала Света торжественно.

Прозвучал знакомый уже щелчок, резко пахнуло иностранной гигиеной.

— Бросай, — скомандовал Тимофеев.

Бутерброд рванулся к потолку и приклеился маслом к свежей побелке. Тимофеев задумчиво проводил его взглядом.

— Есть его, кажется, по-прежнему нельзя, — произнес он.

— Пустяки, — сказала Света, приклонившись к плечу народного умельца. — Придумаешь еще какой-нибудь закон.

«Делай как я!»

Светлым майским вечером Тимофеев провожал Свету в ее общежитие. Они долго топтались на выщербленном временем и бесхозяйственностью крыльце, вздыхая и цепко держась за руки. Потом поняли, что в такую чудную погоду никакие силы не смогут их разлучить, и вновь побрели по аллее, вкривь и вкось мощенной бетонными плитами, между буйно зеленеющими кустарниками.

Беда, как водится, грянула неожиданно. Она явилась в облике отрицательного типа Игоря Ершова с параллельного потока, пижона и вечного задолжника, а также в образах двух его приятелей, таких же лоботрясов, неведомыми науке силами державшихся в университете и неотвратно приближавшихся к заветным корочкам. Компания дышала пивом и мятной жевательной резинкой. Компания искала приключений.

Ершов сделал нетвердый шаг навстречу нашим влюбленным, и его рука легла на плечо Тимофееву.

— Витек, — сказал Ершов проникновенно, — дай рубль до стипендии.

Тимофеев отдавал себе отчет, что Ершов и стипендия — понятия в высшей степени несовместимые. Однако протянул ему рубль, не ожидая подвоха. Ершов принял рубль с некоторым замешательством.

— Еще дай закурить, — продолжил он неуверенно.

Тимофеев с полнейшим радушием подал ему пачку «Беломора».

— Пусть часы даст поносить, — подсказал растерявшемуся Ершову один из приятелей.

— Да, — быстро согласился Ершов. — Одолжи на пару деньков.

Света, заподозрив неладное, молча потянула Тимофеева к заветному крыльцу, но тот уже расстегивал ремешок своей старенькой «Ракеты» с электронным приводом, указывавшим не только год, месяц и день, но и погоду на ближайшие двое суток.

— Ты что, издеваешься надо мной? — злоенце спросил Ершов и коротко, умело стукнул Тимофеева в челюсть.

— Ой! — взвизгнула Света.

Часы взлетели к потемневшему небу, а Тимофеев без единого звука опрокинулся в кустарник и остался лежать недвижимо.

— Так, — удовлетворенно сказал Ершов и нехорошо посмотрел на Свету, приготовившуюся биться насмерть.

В этот момент на аллее показался правильный мужик, бывший морской пехотинец, а ныне староста курса Николай Фомин, возвращавшийся с лекции о международном положении. Опасные для нарушителей общественного порядка кулаки Фомина были пока что в карманах кримпленовых брюк.

— Убери лапы, — негромко сказал Фомин, надвигаясь на вечерних хулиганов.

— Коля, — сказал Ершов, — иди себе мимо.

Но Фомин шел не мимо, а прямо на грешную тройцу, как атомный ледокол идет на свежие торосы. И когда он остановился, обнажив свои страшные кулаки, запросто превращавшие древесностружечную плиту обратно в стружку и опилки, на аллее не осталось никого, кроме трясущейся Светы и поверженного Тимофеева.

На последнего было жалко смотреть. Он стогал от жестокого мужского стыда.

— Света, — уничтоженно бормотал он, вытирая кровь листом подорожника, — я не смог защитить тебя от разбойного нападения. Я недостойн тебя.

— По-моему, у него сотрясение, — сказал Фомин.

— О чем ты, Витенька? — запричитала Света.

— Я лопух, — мрачно сказал Тимофеев. — Меня стукнули, и я упал. Это пошло и стыдно.

— Брось, Тимофеич, — сказал Фомин. — Хочешь, я вложу им ума по-нашему, по-десантному? Или лучше их в деканате продрать с абразивчиком?

— Нет, — грустно сказал Тимофеев. — Всех подонков в деканат не вызовешь. А тебе, Света, нужна в жизни опора и защита, не тюфяк вроде меня.

— Витя, пойдем на автобус, а? — жалобно попросила Света.

— Да ладно тебе, — сказал Фомин. — И тебя приемчику научу — всю шпану распугаешь.

— Приемчику? — с тоскою переспросил Тимофеев. — Толку от него, если я каждый раз буду вспоминать, как его делать...

Поддерживаемый с одной стороны потрясенной Светой, а с другой — могучим Фоминым, он побрел на автобусную остановку. Мысль о пережитом позоре жгла его. Но если у слабых натур такая мысль со временем перерождается в комплекс неполноценности, то в инженерном мозгу Тимофеева она неминуемо трансформировалась в техническое решение.

Стоя перед пыльным зеркалом в своей холостяцкой комнатке, Тимофеев с нескрываемым презрением изучал собственную внешность — поникие узкие плечи, впалую грудь, тощие ноги, а также постыдную ссадину на подбородке.

— Жертва гиподинамии, — с отвращением произнес Тимофеев.

Он совершенно отчетливо понял, что стоит на переломном рубеже своей судьбы. Что он должен будет либо в корне перемениться, стать другим человеком, либо навсегда расстаться со Светой. Со своими хилыми бицепсами и рудиментами брюшного пресса он просто не в состоянии уберечь ее от всех экстремальных ситуаций, которые заботливо готовит агрессивный двадцатый век, облаченный в белое кимоно и перетянутый черным поясом девятого дана.

Но Тимофеев так же ясно понимал, что любит Свету и ни за что не сможет с ней расстаться. Выход был один — стать другим человеком. Он прикрыл глаза, чтобы не видеть отражения ущербной фигуры закоренелого книжника, и постарался вообразить себя в спортивном зале — поднимающим штангу, крушащим скачу-

щую грушу, возящимся на борцовском ковре... В недрах его истерзанной души волной цунами взметнулся протест — что ж, Тимофеев с детства не любил тратить время на брентную плоть.

Нужен был мощный импульс, который подавил бы в нем врожденное отвращение к физическим нагрузкам.

В этот момент подспудно зревшее в его мозгу техническое решение обрело зримые контуры. Тимофеев невнятно выкрикнул что-то, напоминающее боевой клич индейцев племени навахо, и заметался по комнате в поисках нужных материалов. Его воспаленный взгляд остановился на верой и правдой служившем ему верблюжьему одеялу, которое не брали ни время, ни моль...

Когда верный слову Николай Фомин переступил порог тимофеевской каморки, он застал ее хозяина в состоянии крайнего возбуждения, граничащего со стрессовой лихорадкой.

— Николай, — сказал Тимофеев. — Ты нужен мне как друг. Но также и как бывший морской пехотинец.

— Тесно у тебя, — заметил Фомин. — Тренировка простора требует.

— Я не о том, — отмахнулся Тимофеев. — Что бы ты сделал, если бы на тебя замахнулся нетрезвый хулиган?

— Я бы много чего сделал, — усмехнулся Фомин. — Мой организм не любит, когда на него замахиваются.

— Мышечная память, — веско произнес Тимофеев. — Мне нужна твоя мышечная память хладнокровного и умелого бойца. Ты сам порой не задумываешься над тем, что в ней заключено, однако мышцы твои помнят все.

Он кивнул в сторону магнитофона «Днепр» образца шестидесятых годов, в деревянном корпусе, затейливо разрисованном чернильными кляксами.

— Я перепису твою мышечную память на магнитную ленту, — сказал он. — А затем с ленты перекачаю в свои дряблые мускулы. Надеюсь, это пойдет им на пользу.

— Ну ты даешь, — только и сказал пораженный Николай Фомин.

Он заметил, что от магнитофона тянется множество тонких проводков к верблюжьему одеялу, которое небрежно валялось на диване.

— Слушай, — сказал он. — Одеяло у тебя вместо датчиков?

— Верно, — проговорил Тимофеев. — Пришлось немного обработать верблюжьей шерстью, чтобы она проводила импульсы мышечных тканей. Но это не проблема, пустяк по сравнению с самой техникой перезаписи. Однако я решил и эту задачу...

Он умолчал о том, что на преодоление таких немислимых трудностей его подвинул образ девушки, беззащитной перед лицом грозящих ей невзгод и опасностей.

— Что я должен делать? — спросил, посерьезнев, Фомин.

— Лечь на диван и закутаться в одеяло.

Фомин взялся за краешек верблюжьей системы датчиков и замер в сомнении.

— Виктор, — сказал он. — Ты, конечно, личность незаурядная, зря то-

бой не интересуются в академиях. Я тебе доверяю безоговорочно. Но... с моей мышечной памятью ничего не случится? Она не пропадет, не сотрется?

— Не волнуйся, — сказал Тимофеев. — Вспомни, как работают магнитофоны при перезаписи. Главное — не перепутать клавиши.

— И все же... — продолжал колебаться Фомин. — Может быть, я не самая подходящая кандидатура? У меня есть один знакомый мичман — вот кому я всегда завидовал! Он мог бы один против десяти...

— Я избрал тебя не только потому, что ты бывший морской пехотинец, — серьезно сказал Тимофеев. — Но и потому, что ты мне друг и заведомо хороший человек, мышечная память которого не хранит никаких дурных привычек.

После этих слов Фомин решительно набросил на себя одеяло и стал похож на улитку в раковине.

— Твоя правда, — сказал он. — Мичман этот, следует признать, большой бабник...

Тимофеев залустил магнитофон, и лента неторопливо стала принимать на себя все познания бицепсов, трицепсов и квадрицепсов Николая Фомина. Сеанс длился около часа, в течение которого Тимофеев напряженно следил за подрагиванием крылышек пылавшего зеленым светом индикатора, а Фомин прислушивался к самому себе — не уходит ли из него то, что днями и месяцами вдальбивалось инструкторами каратэ. Сохраняя молчание и приличествующую моменту строгость выражения лиц, они поменялись местами.

— Все, — наконец произнес Тимофеев и, выпростав руку из одеяла, выключил магнитофон.

В теле ощущалась легкая усталость и еще нечто вроде разочарования — словно мышцы были недовольны своей внезапной расслабленностью. Ничего особенного сверх этого Тимофеев не чувствовал. В его голову закралась крамольная мысль: а что, как не сработало?

Неожиданно он уловил на себе странно напряженный взгляд Николая Фомина.

— Рядовой Тимофеев, — отрывисто сказал тот. — К бою!

— Чего?.. — изумленно спросил Тимофеев, и в этот миг словно пружина подбросила его с дивана. Тело само приняло оборонительную стойку — одна рука на уровне подбородка, другая перекрывает доступ к животу.

— Ура-зук! — рявкнул Фомин.

— Да брось ты... — пробормотал Тимофеев.

Против намерения и воли своего хозяина оба его кулака вылетели вперед в жестоком двойном ударе так, что затрещали кости и заныли не знавшие нагрузок сухожилия.

— Маекери киком! — не унимался Фомин.

Правая нога Тимофеева сама собой сложилась, больно стукнув тощей коленной чашечкой по груди, а затем вонзилась в тело воображаемого противника. Фомин, доселе пребывавший на безопасном расстоянии, вдруг скользнул навстречу Тимофееву, как барс, и нанес быстрый, казавшийся неотразимым удар в лицо — вроде то-

го, памятного. Но сегодня Тимофеев, не переизбавляя удивляться самому себе, поймал руку нападавшего в блок и тут же ответил встречным движением колена в солнечное сплетение.

— Да! — не без восхищения сказал Фомин, высвобождаясь из захвата. — Это вам не семечки. Слово сам с собой бьется. Как по команде — делай как я! Полезная штука... — И он задумался о применении тимофеевского замысла в деле обучения салага — новобранцев в морской пехоте.

Тимофеев, тяжело дыша, весь в поту, повалился на диван.

— Я, признаться, не ожидал, — сказал он. — Мышечная память есть, но она не подкреплена физической силой и тренированностью. Организм работает на пределе...

— Пустяки, — произнес Фомин. — Сила — дело наживное.

Слова его оказались пророческими, потому что на следующее утро в Тимофееве прорезался внутренний голос, окраской и интонациями подозрительно напоминавший донора мышечной памяти.

Едва разлепив глаза, народный умелец покосился на будильник.

— Семь часов, — пробормотал он. — Еще рано...

— Что?! — с командными нотками в тембре возмутился внутренний голос. — Ну-ка подъем!

— Какой еще подъем? — сонно запротестовал Тимофеев. — Все нормальные люди...

— Р-разговорчики! Встать, заправить постель — и пробежку до третьего эта!

Мучимый недобрыми предчувствиями, проклиная фокусы мышечной памяти, Тимофеев был все же вынужден подняться, натянуть что-то, хотя бы отдаленно напоминающее тренировочный костюм, и дважды обежать квартал под недоуменными взглядами прохожих, прежде чем внутренний голос угомонился. Затем он, изнемогая от зевоты, ползая к заветному дивану, рассчитывая наверстать упущенный сладкий утренний сон.

— А-атставить! — загремело в его потрясенных непосильной нагрузкой мускулах. — С песней, с полотенцем, под холодный душ строевым шагом — марш!

— Мама, — взвыл Тимофеев, когда первые ледяные струйки скользнули по его спине, способной служить учебным пособием по анатомии позвоночного столба.

Содрогаясь крупной дрожью, он вышел из душевой спустя полчаса. «Ну нет, — подумал он, с остервенением раздирая пупырчатую кожу махровым полотенцем. — Будем бороться. Иначе грозит утрата индивидуальности...»

Однако прежде, чем он задумался над тем, нужно ли ему сохранение индивидуальности мышечного дилетанта и апологета гиподинамии, им был позорно проигран еще один раунд. Едва Тимофеев вернулся в комнату, как его руки сами собой тщательно скомкали пачку папирос и выбросили в мусорную корзину.

— Дудки! — возопил Тимофеев. — А Фомин-то курит...

— Курит, — согласился внутренний голос, — хотя и с отвращением. А ты не будешь.

Тимофеев обрушился на диван в жесточайшей телесной немощи. Эксперимент протекал не совсем так, как он предполагал. Он чувствовал себя разбитым, раздавленным. Во всем теле не оставалось ни единой клеточки, которая не взывала бы о помощи, угнетаемая беспощадной памятью литых мускулов морского пехотинца, требовавших работы, нагрузок. Хотелось не то спать, не то курить, но было очевидно, что отныне все это — запретный плод, который хотя и сладок, но недостижим. Истерзанный взгляд Тимофеева упал на магнитофон, задвинутый в дальний угол. Где-то, в самом подсознании, шевельнулась предательская мысль: «Стереть чужие рефлексы, и все пойдет по-прежнему...»

Но Тимофеев увидел перед собой словно наяву ненавистную физиономию Ершова, которая тут же сменилась светлым и трогательно беззащитным обликом Светы.

Обратной дороги нет!

Именно поэтому по пути с лекций Тимофеев завернул в магазин спортивных товаров и приобрел там пудовую гирию черного чугуна. Чтобы доставить ее на место, ему понадобилось около трех часов, потому что через каждые пять метров Тимофеев опускал гирию на асфальт и отдыхал.

Пришел июнь, минула сессия, и подошли каникулы. К этому времени Тимофеев понемногу примирился с узурпаторскими замашками чужой памяти, тем более что незаметно исчезла боль в костях, ломота в пояснице, и на смену им явилось неизведанное прежде чувство собственной силы и ловкости. Впрочем, выжать гирию свыше двух раз пока не удавалось.

На последней дискотеке этого учебного года Тимофеев, как и следовало ожидать, танцевал со Светой.

— Давай вместе поедим в стройотряд, — сказала Света без особой надежды на успех.

— Кирпичи таскать, — с неудовольствием заметил Тимофеев, так он всякий раз отвечал на подобные предложения. Но внутренний голос тут же скомандовал: «Разговорчики! Это то, что тебе нужно!» И Тимофеев ответил: — А в самом деле, почему бы и нет?

Света в изумлении даже замерла посреди танца, широко раскрыв синие глаза.

— Не узнаю тебя, Витя, — призналась она. — Ты стал какой-то не такой.

— Хуже? — с опасением спросил Тимофеев.

— Не в том смысле, — сказала Света. — Тверже.

Тимофеев ловил ритмы модных дискогрупп краем уха. Его внимание занимала Света, но не полностью. Потому что здесь же находился и Ершов, а ему было уготовано возмездие. Говоря фигурально, Тимофеев хотел набить ему на прощание морду. Но Ершов вел себя пристойно, он был почти трезв и даже не хамил девушкам. Более того, вскоре он явно засобирался уходить.

— Я сейчас вернусь, — сказал Тимофеев Свете.

— Буду ждать, — ласково произнесла девушка, и у Тимофеева стало тепло на душе. Он даже на миг забыл про Ершова, но поруганная честь рев-

ниво напомнила о своем существовании.

Тимофеев выбежал следом за Ершовым на улицу. Был вечер — такой же светлый, как в тот раз, и те же кустарники обступали аллею. Ершов быстро шагал по бетонной плитке, а за ним, движимый жаждой мести, шел Тимофеев.

Внезапно Ершов обернулся.

— Здорово, Витек, — сказал он. — Тебе чего?

Тимофеев остановился. Он сознавал, что от него требуется немного — стукнуть Ершова в челюсть, чтобы тот завалился в кусты, и уйти. Для него теперь это было плевое дело. «Ну? — спросил он у внутреннего голоса. — Как это делается?»

Тот откликнулся не сразу и сделал это как-то нехотя, без привычного командирского напора: «Шаг вперед, плечи неподвижны, рука движется свободно, напряжение в последний момент вместе с разворотом кулака, и противник, который не ожидает нападения, укладывается отдохнуть... Так это делается, если тебе интересно».

Тимофеев сделал шаг вперед, но свободного движения руки за этим не последовало. Он вдруг понял, что ему до тошноты противно бить человека в лицо, даже если этот человек — порядочная дрянь. Тем более противно было делать это первым и ни за что ни про что. «Отбой тревоги, — сказал он своим подобранным мышцам. — Возмездие отменяется». — «Молодец, — тоном военачальника, вручающего награду на поле боя, отозвался внутренний голос. — Я же знал, что ты правильный мужик».

— Так, ничего, — сказал Тимофеев.

Ершов повернулся и пошел дальше, даже не поняв, по-видимому, какой опасности он только что избежал. Теперь и Тимофеев мог вернуться на танцы, где его ждала Света. Однако он неторопливо шагал по аллее, с наслаждением вдыхая прохладный воздух и испытывая глубочайшее удовлетворение от своего поступка. Так он добрался до развилки, откуда одна тропинка вела на автобусную остановку, а другая — к фонарю в форме зонтика, вокруг которого мельтешила мошкара и под которым, скрытые зеленой изгородью от постороннего взгляда, часто прятались влюбленные парочки.

Но сейчас там кружком стояло человек пять-шесть, и Ершов был с ними. А в центре круга находился кто-то еще, кому Ершов и компания хотели бы что-то припомнить за прошедший учебный год. И должно быть, они побаивались его, если их было столько против одного.

Ершов толкнул того человека, а Тимофееву показалось, будто это его друг Николай Фомин.

«Делай как я!» — скомандовал внутренний голос...

Через неделю ранним июльским утром Тимофеев и Света сели на поезд. Они уезжали в стройотряд.

В это же утро Ершов с пятью своими друзьями под охраной милиционера взмахнули большими дворницкими метлами. Им предстояло еще десять дней подметать улицы.

Тимофеев думал только о Свете.

Ершов думал о Тимофееве, он так и не мог ничего понять.

Дебют

Сегодня на поэтической страничке нашего журнала вы вновь встретитесь с творчеством студентов различных вузов нашей страны.

Игорь Сидорук,
Белорусский университет

*

Да, между нами
Все решено.
...Стынут ночами
Тени давно.
Травы помяты
В утренний час
Там, где когда-то
Не было нас.
Там, где забытый
Шорох дождя
Пишет размытой
Краской тебя.
Там, где огарок
Влажной зари,
Восково-ярок,
Не догорит.
Липы и вечер
Вышли за дверь.
Суетной встрече
Лучше не верь.
«Прошлое толком
Не разглядишь» —
Так без умолку
Ты говоришь.
Но за словами
Только одно:
«Да, между нами
Все решено».

Елена Езерская,
Красноярский университет

*

— Словам, которые сторают,
как в свете лампы мотыльки,
словам, которые легки,
не доверяй.

— Не доверяю.

— Словам, которые бросают
бездумно, громко, напоказ,
словам для посторонних глаз
не доверяй.

— Не доверяю.

— Словам, которые теряют,
лишь бы их поднял кто-нибудь,
словам ко всем и ни к кому
не доверяй.

— Не доверяю.

— Словам, которыми играют,
давно их главный смысл забыв,
словам, послушным, как рабы,
не доверяй.

— Не доверяю.

— Словам, что много обещают
украдкой, громким шепотком,
словам, дающимся легко,
не доверяй.

— Не доверяю.

Шхамбий Куев,
Литинститут

*

Уходит торжественно лето,
гремит сердоликом в горсти.
Последняя песня пропета,

грусти, мое сердце, грусти!
Смотри —
это осень гортанно
окликнет, упрек не тая,
и падает лист — несказанно
шумит он так тихо, так странно...
Не в этом ли суть бытия?
И ветер по шапкам растений
разносит чужой шепоток,
что годы сливаются в тени,
а тени — в бегущий поток.
И Лаба¹ поджала коленки,
по желтым камням не звенит.
Мы вешаем косы в простенки,
не шурился, глядя в зенит.
Лишь ветер —
как будто монету —
у жесткой прохладной черты
вослед уходящему лету
швыряет сухие цветы.
Не слышно ребячьего смеху...
...Тяжелая туча стоит,
и тянется солнце в прореху,
такое больное на вид!
О, я не желаю сдаваться:
не вовремя это, не в срок —
что тропы уже не дымятся
от конских бесчисленных ног!..

Но что же поделаться?
Нелепо
упорствовать дням вопреки.
Лишь ветер, как будто с реки,
осколком ушедшего лета
любовно коснется щеки.

Перевод с адыгейского
Сергея Надеева

Петр Козлов,
Литинститут

Ирония жизни студенческой,
где все и серьезно и нет.
Легко отшумит молодечество
прекрасных и памятных лет.

В них рядом с печалью высокой
веселый мотив за стеной...
Как рядом с мечтой невесомой,
все тяготы жизни земной.

Любовь навсегда и отчаяние...
И ветрено, стыло в судьбе!
И след, одинокий, печальный,
и вера во что-то... в себе...

Ирония жизни студенческой,
где все и серьезно и нет.
Легко отшумит молодечество
прекрасных и памятных лет...

Тамара Пирогова,
МГУ

На твоём плече я засыпала.
Приходили радостные сны.
Я была твоей частицей малой.
Был ты солнцем яростным
весны.

И цвела весна, и осыпалась,
Наливались тяжкие плоды.
И под солнцем осенью остались
Пустотой сквозящие сады.

* Лаба — название реки.

«Вышлите портрет Челентано...»

«Хочу написать о своей сестре и о ее увлечении «Машиной времени». Она знает наизусть почти все их песни, каждый день любит на большую фотографию, которая висит над ее кроватью, в разговоре нередко использует слова из их песен. Многие песни «Машины времени» очень жизненны. Они советуют, порицают, высмеивают. Учат жизни в поиске, прививают нетерпимость к лени, мещанству. К тому же дополнены оригинальным музыкальным оформлением и приятным исполнением. Отсюда их популярность.

Особенно нравятся Наташе лирические, медленные песни, которые исполняет сам автор, руководитель группы Андрей Макаревич. Она замирает,

когда слышит его голос. И сама подражает его манере исполнения, подбирает музыку на фортепиано.

Полгода назад Наташа заболела. Прописанные лекарства помогли слабо, и она перестала их пить, а стала слушать свои любимые песни. И представьте, ей становилось легче. Она расцветала на глазах...

Нередко говорят и пишут, что молодежь увлекается рок-группами просто так, из-за моды. Это не так. Во всяком случае, «Машина времени» заслужила серьезную, осмысленную признательность. Она достойна «всю жизнь летать, однажды воспарив».

Инна В., 18 лет, студентка.



Такое впечатление складывается, будто вдруг обрушилась на тебя лавина эмоций, складных и нескладных слов, просьб, требований, наставлений, иной раз прямо-таки ультимативных заявок, когда берешь в руки письма, в которых речь идет о музыке.

«Напечатайте портрет Джанни Моранди», «Расскажите о Челентано», «Что нового у группы «Динамик»?», «Почему Андрей Макаревич не поет о любви: 1. Потому что вообще в нее не верит и сам никого не любит. 2. Потому что любит, но не считает нужным кричать об этом на весь свет?», «Где взять полюбившиеся песни? В магазине? Извините, там продаются записи Утесова и Зыкиной, которые не пользуются спросом», «Где парад популярности?», «Долой диско-музыку, она оупляет!», «Что лично вы берете из песен «Битлз», смысл которых состоит в четырех фразах?» «Вышлите портрет Челентано».

«Где песни для молодежи? Оперы и

балеты забили все! Неужели так будет продолжаться и дальше???»

Переведем немножко дух, споткнувшись о безапелляционность и «боевой настрой» читателя, ополчившегося на классику: долой оперу с балетом и, что еще там есть такого, даешь Антонова, Мигулю, Пугачеву, Леонтьева!

Авторы писем, быть может, сами того не желая, в неравнодушных своих оценках сказали не о музыке только — о чем-то большем, об отношении к миру духовности (или бездуховности), обнажив свои представления об этом мире настолько, что стоит на минуту оторваться от реальности, и увидишь будто наяву не кипучие писем на столе — пройдет перед глазами череда портретов: восторженная девочка, угрюмый скептик, рассудительный резонер...

Давайте же поговорим на эту тему. Нет, не о музыке. Не о фотографичности Челентано или способностях Макаревича, творческих планах Аллы

Пугачевой или направлениях рока. О себе. О тех, кто сидит в зале и у экранов телевизоров, тренирует мышцы ног в дискотеке или, запершись в комнате, ставит на вертушку диск и остается «один на один» с любимым исполнителем.

Вот Елена Оганесян из Старого Оскола парирует выпад А. Савченко (№ 3, 1983 г.) против дискомузыки таким контрударом: «О ВКУСАХ НЕ СПОРЯТ».

Отчего же.

Был бы только он — спасательный круг в водовороте модности — Его Величество Вкус.

Между строк многих писем (и того, кстати, с которого начинается этот разговор) проглядывает нечто очень характерное, сквозит промельк чувства, которое можно было бы определить как обожание. В самом деле. Об Алле Пугачевой: «Она вся во мне как что-то целое, неотделимое. Не знаю, как даже сказать. Она везде, в моих делах, радостях и огорчениях, ее «дыхание» я слышу всегда рядом... Мне очень часто бывает плохо, мне всегда не везет, и, приходя домой, я гляжу на ее портрет, с которого смотрит доброе лицо с искренней улыбкой. И если бы меня спросили: «Чего не хватает тебе для счастья?», я ответила бы: «Ее». Светлана Е., Куйбышев».

«Алла — какая-то неземная... Когда я слышу ее голос, я полностью отдаюсь экрану телевизора... Вера М.».

О группе Намина: «Каждое новое выступление для меня лично — море прелестных эмоций и переживаний... Дина Л., Ташкент».

Тот же эмоциональный настрой в письмах о Юрии Антонове, Валерии Леонтьеве...

Ну и что дурного? Да ничего как будто.

Но этот «синдром обожания» при всей своей безобидности (а что: люди искренне волнуются, уже и это само по себе неплохо) имеет еще и обратную сторону: в «горячке поклонения» теряется способность видеть что-либо, кроме мира своего единственного, неповторимого героя; впитывая этот мир, восторженный обожатель впитывает чувство отказа — в понимании иприятии чего-то, за его рамки выходящего. Как сказано в одном из писем: «Концертный зал, когда приезжала Алла, мне показался храмом, и я не хотела, чтобы после ее отъезда храм был обыкновенным концертным залом».

Не обожание пугает (само по себе оно может быть искренним, выстраданным) — его закостенелая однобокость.

Вчитаемся в характеристики. «Звезда эстрады», «гранд-певица», «необычная манера исполнения», «неповторимость его голоса», «он всегда удивляет, никогда не повторяется, постоянно в поисках нового», «от концерта осталось ощущение полноты жизни», «стиль современный, серьезный, призывает к раздумью», «подчиняет этому весь арсенал имеющихся в его распоряжении выразительных средств, ошеломляя зрителей неожиданными вокальными и пластическими решениями», «проникновенно и как-то по-своему исполнил», «показала филигранную фортепианную технику и подлинное артистическое обаяние»...

Откуда она (при сильном-то чувстве), откуда она, штампованность мысли?

«Теперь они пели: «Ты прости-прощай, любезный друг!» — подвигаясь по березовому лесу, бездумно лишая его густых трав и цветов, и пели, сами не замечая того. И мы стояли и слушали их, чувствуя, что уже никогда не забыть нам этого предвечернего часа и никогда не понять, а главное, не высказать вполне, в чем такая дивная прелесть их песни».

Прелесть ее была в откликах, в звучности березового леса. Прелесть ее была в том, что никак не была она сама по себе: она была связана со всем, что видели, чувствовали и мы и они, эти рязанские косцы...»

Вслушайтесь в музыку слова, уловите мелодию фразы...

Хватили, скажут. Эти строки принадлежат перу великого художника.

А зритель, сидящий в зале, — не художник? Переживая, страдая, волнуясь с тем, кто стоит на сцене, — не художник?

И — чтобы уж не обращаться за советом к великим, приблизиться к дню сегодняшнему — разве не об этом толкует хотя бы та же (порядком, правда, уже заезженная) песня одного из кумиров — «Маэстро»?

Ах, если бы «инерция обожания», не находя в душе уверенного тормоза, влекла восторженность лишь в сторону однобокости...

Она рождает еще воинственность в безоговорочном признании и категорическом отрицании творчества того или иного исполнителя.

Не станем приличия ради обнародовать эпитеты, которыми «награждают» певца, скажем так, «непоклонники» Льва Лещенко или Аллы Пугачевой, той же «Машины времени» или Юрия Антонова. Речь идет вовсе не о достоинствах того или иного автора, исполнителя. В восхищении одним и поношении другого рвется сквозь дебри узкопрофессиональных условностей проблема общечеловеческая: где оно, чувство такта?

Утратив его в порыве «обожания» одной творческой личности и отрицания другой, не утратишь ли его по отношению к «простым смертным».

В художественных вузах у нас преподают такую дисциплину — «цветоведение». Она — о сотнях оттенков цвета и удобоваримости их сочетания. Как же не хватает порой знания азов этой науки во взгляде на чисто человеческие отношения. Привыкли к двум цветам — черному и белому...

Но ведь сыграл же Рахманинов концерт из произведений Скрябина, творчество которого постигал трудно, и даже — не принимал. Сыграл при молчаливом недоумении поклонников Скрябина, не понявших его исполнения. И лишь немногим глубоким натурам, отрешенным от магической силы внешней привлекательности, открыл то новое, что таило в себе творчество смелого новатора. И показал высший образец такта, постижения до дна, до сути той науки «духовного цветоведения», без которого невозможно истинное восприятие искусства.

И последнее. Чуть не в каждом письме о музыке в разных вариациях мелькает словечко «современный». Но по странности прилепилось оно лишь к определениям формы.

Какой простор тут открывается для разгула фантазии, не отягощенной поисками истинного смысла понятия «современный»! И можно уже назвать вполне современным, скажем, выступление известного скрипача, который дирижировал оркестром на концерте в Западном Берлине... стоя на голове. Или «творческий поиск» французского композитора Редальфи, устраивающего концерты... под водой.

Экстравагантно, спору нет. Но экстравагантность не синоним современности. И всегда ли ты, читатель, бросающийся через строчку словом «современный», способен отличить в синтезаторной потусторонности наэлектризованной музыки или в смысловой и мелодической энергичности того же рока экстравагантность от современности?

И уж конечно же, не надо путать божий дар с яичницей, сердито восклицая: «Оперы и балет забили все!» Создатели этих «опер и балетов» вложили в свой труд такой яркости и силы чувство, что плоды его сделались неподвластными времени и уж тем более влиянию моды. Вопрос лишь в том, сможет ли человек в своем нравственном развитии дорости до этих вершин человеческого духа или нет. Поверьте, Моцарту и Верди, Чайковскому и Рахманинову (не ловите на слове, не их, конечно, физическому состоянию во плоти, а явлению в духовной жизни человечества) все равно, что кто-то сегодня в горячечной категоричности выкрикивает: долой оперу и балет, — их гений перешагнул ту черту, за которой уже нет оценок «несовременно», а есть один критерий — вечность.

Тут можно говорить лишь о справедливости или несправедливости современников, которые зачитывались Кукольниковом, когда рядом блистал Пушкин, забрасывали цветами могилу Надсона и не слышали такого имени — Тютчев, благоволили удачливому, но невысокому дарованию Потапенко, хотя рядом во весь гигантский рост стоял талант Чехова — в этих загадках вечные вопросы пристальности, проницательности публики. Юрий Нагибин, мучительно переживающий эту несправедливость, зло заметил по поводу мещанской узколобости: «Умудрились же современники... так прочно не заметит Шекспира, не взглянется в его черты, не счесть достойным упоминания в письмах и мемуарах, что оставили столетиям жгучую и позорную загадку: кто же на самом деле создал величайшую — после греков — драматургию и непревзойденную в поколениях лирику?..»

Нет, не пустяк это — отвечать за истинность смысла, который вкладываешь в понятие «современный».

Помочь выработать к этому привычку способен все тот же чуткий, внимательный, разумный Его Величество Вкус.

И конечно же, в какой-то степени формируют его и традиционная эстрада, и тот же рок. Но, как заметил наш читатель из Гомеля Ф. Селев, «только когда каждый исполнитель будет доставлять радость зрителю, а не «пороть халтуру», тогда появится вкус и у зрителя».

Василий Казаринов

Рис. И. Лутца

ному читателю с такими образами, мыслями и идеями, которые помогут ему задуматься: кто он, что он, в какое время живет, что у него хорошо и что плохо? И как он мог бы стать другим, какие нужны для этого усилия с его стороны? И потом я хочу, чтобы читатель узнавал свое время. В общем-то он знает, в какое время он живет. Но когда оно обобщено и сконцентрировано предстает перед его взором через художественные средства, человек начинает лучше понимать и свою эпоху, и самого себя.

— Лев Толстой как-то сделал запись в своем дневнике, который он вел в Ясной Поляне: «Писать — это значит наводить микроскоп на собственную душу». И в то же время он с упреком говорил, что все герои Достоевского похожи на самого Достоевского. Нет ли тут противоречия?

— Ну, тут противоречия, кажется, нет. О чем бы писатель ни писал, что бы ни изображал, он все равно черпает образность, краски, мысли из себя, из своего понимания происходящего, из своего взгляда на жизнь. Он наводит, как сказал Толстой, микроскоп на собственную душу, когда предполагает, как и при каких обстоятельствах мог бы повести себя тот или иной его герой. Вообще, когда писатель пишет о других, он тем самым неизбежно говорит о том, как он понимает жизнь сам.

Я лично ставлю перед собой задачу писать такие книги, которые были бы для читателей в чем-то новым словом. Другое дело, что это не всегда может удаваться. Хотя литература не поворачивает жизнь в ту или иную сторону, она оказывает огромное влияние на умы и настроения людей. Хорошая книга возвышает душу, как общение с умным и преданным другом.

— Последние слова Пушкина: «Прощайте, друзья!» — были обращены к книгам в его библиотеке...

— Литература и по мысли Пушкина, и по мысли Толстого призвана объединять людей, воспитывать в них человеколюбие, терпимость, уважение друг к другу. Это особенно важно в наши дни, когда над миром нависла угроза всеобщего уничтожения. Тревога за будущее не должна порождать слепой страх и отчаяние в наших сердцах. Этому необходимо противопоставить волю к жизни и мужество, которые каждый из нас способен обрести в борьбе со злом и насилием, культивируемыми буржуазной пропагандой. И я своим высшим долгом, своей главной писательской задачей считаю утверждение в своих книгах веры в Жизнь и Человека. Да, по сути, это ведь тема и задача литературы всех времен. В этом, на мой взгляд, вечная современность классики.

Заметьте, сколько бы мы сейчас ни брались перечитывать Пушкина, Достоевского, Толстого или Чехова, новизна мысли не исчезает. Классика не устаревает. Вот, предположим, «Хаджи-Мурат» Толстого — какие люди, какие страсти, как все живо предстает перед читателем! Это шедевр, не увядающий уже долгие-долгие времена.

— Не кажется ли вам, что поворот нашей отечественной литературы к

проблемам нравственно-философских исканий, который произошел в середине 50-х годов, возвращает нас к классике?

— Дело, на мой взгляд, обстоит вот каким образом. Мы сейчас достигли известного уровня благосостояния. Жизнь в послевоенные годы стабилизировалась, и людям сейчас живется гораздо легче, чем, скажем, в предвоенные и военные годы. Я не скажу, что мы во всем процветаем, но наше общество ставит теперь перед человеком более высокие требования — и материальные и духовные. Пришла пора спокойно поразмышлять, что было, что есть, что будет. Отсюда и тяга к нравственно-философским исканиям. Они были, конечно, и раньше, но совершенно на иной основе. Возьмем, к примеру, 20-е годы. Сразу после революции в нашей литературе тоже были созданы немеркнущие вещи. Достаточно назвать имена Маяковского, Шолохова, Леонова, Бабеля, Фадеева, Всеволода Иванова. Но все это было на другой волне, все это было ими сказано как бы взхлеб.

В 30—40-е годы образовалась какая-то седловина в развитии нашей литературы. Доминирующую роль в этот период играли произведения, построенные на голых идеях. Считалось даже чем-то недостойным говорить, например, какую зарплату получает герой, как устроен его быт...

Теперь, когда многие ранее провозглашенные лозунги и принципы уже нашли свое выражение, мы более глубоко и трезво смотрим на жизнь. Я, например, не считаю зазорным говорить о житейских заботах и проблемах. Да и многие другие писатели — мои современники не обходят стороной трудности и недостатки жизни, показывая ее во всем многообразии и сложности, что всегда было присуще классической литературе

— А кто из классиков оказал на вас особенно большое влияние?

— Классика для меня как солнце — греет одинаково всеми своими лучами. Трудно выделить кого-нибудь особо, но сейчас меня больше привлекает буйная фантазия Гоголя и Булгакова. У Булгакова мне особенно нравится его роман «Мастер и Маргарита». Эта книга во мне очень глубоко сидит, особенно ее начальные главы — «Понтий Пилат», «Иешуа» — и все, что с этим связано. Эти главы написаны очень сильно — монументально, красочно, психологически точно.

— А как вы относитесь к писателям своего поколения?

— Я должен сказать, что чем больше я живу, тем больше люблю и ценю своих современников. Мое поколение входило в большую литературу в начале и середине 50-х годов! Оно и теперь составляет ее основное ядро. Астафьев, Абрамов, Белов, Быков, Распутин, Тендряков, Трифонов, Шукшин — достаточно назвать эти имена, чтобы почувствовать, какое внушительное пополнение получила за последние четверть века наша отечественная литература. К этому нужно еще добавить имена поэтов Евтушенко, Вознесенского, Солоухина, Ахмадулиной. В творческом плане они принесли много нового и интересного в литературу.

— В заключение, Чингиз Торекулович, я хочу вернуться к вашему последнему, вызвавшему наиболее бурные споры, самому популярному, пожалуй, произведению — роману «И дольше века длится день...» В нем очень много новых мыслей, которые понимаются читателем неоднозначно. Что вы подразумеваете, например, под понятием «планетарное сознание»?

— Еще до недавнего времени человечество пребывало в разрозненном состоянии в силу целого ряда исторических и технических условий. Раньше не было таких частых контактов, таких могучих средств информации и сообщений. Каждый народ и, стало быть, каждый человек жил как бы сам по себе. Каждый народ жил своим куском территории, своим отрезком времени и не мог объять умом все то, что происходило на планете в целом!

Сейчас наша цивилизация вступила в такую полосу, когда мы можем живо представить себе все, что происходит на сегодняшний день и даже на сегодняшний час на Земле, по крайней мере, в некоторых ее активных или горячих точках. И люди стали тревожиться не только за то, что беспокоит их в непосредственном окружении, но и за события, происходящие в каком-либо отдаленном районе земного шара. Опасение, что эти события как-то могут повлиять и на их судьбу или привести к каким-то нежелательным последствиям, — это уже начало планетарного сознания.

Ценность планетарного сознания я вижу в том, чтобы достичь такого состояния, когда каждый будет думать о другом как о близком человеке. Предположим, о негре в ЮАР, которого бросают в тюрьму за стремление к свободе, люди, не знающие его, должны переживать как за своего друга или родственника, с которым обращаются недостойно.

Это самый поверхностный подход к планетарному сознанию. Я рассматриваю его как новый виток в развитии цивилизации, который придет на смену разобщенности и конфронтации людей. Конечно, возникнут новые проблемы и противоречия, но уже не те, которые волнуют сейчас нас с вами. Мы стоим на пороге огромных открытий и испытаний, и я верю, что человечество найдет в себе силы разумно и справедливо устроить свою жизнь на Земле.

Фото С. Панина

роятных условиях успеем мы в срок построить наш «стадион», — рассказывает почетный строитель Байконура М. Г. Григоренко. — Объем работ был огромным, но и техники давали нам много. Так и вгрызались в землю ярусами — отсюда и название нашей стройки. Но, наверное, не успели бы к сроку, если бы строили, как положено по нормам... У нас весь цикл работ был по минутам — не преувеличиваю! — расписан. И если шло опоздание на сутки, обязательно начальник строительства приезжал, а задержался на неделю — жди комиссию. И строители по-настоящему за каждую минуту сражались, понимали ей цену... Потому-то самые невероятные предложения тщательно изучались и, что показательно, использовались! К примеру, водовод к стартовому комплексу. Мороз на дворе лютый, а мы все-таки решаем воду пускать. Инженеры посчитали: не должна замерзнуть. Хотя некоторые авторитеты и сомневались, доверились именно рядовым инженерам. Они ведь сами водовод тянули, неужели загубят своими руками!

Пустили воду, а она не идет. Тут и до греха недалеко: замерзнет вода, порвет трубы. И вдруг — хлопок! Пошла вода... Оказалось, в трубе суслики гнездо соорудили. Какими расчетами можно было это учесть?

С каждым днем облако пыли над степью становилось все больше, поднималось ввысь, и уже за пятьдесят километров до станции пассажиры поездов замечали черную стену, заслонявшую солнце. Люди работали внутри этого тумана из пыли, в шутку они называли себя «мельниками», а воды на многих объектах, чтобы смыть пыль, не было.

Впрочем, здесь не было ничего... Все — материалы, хлеб и воду — приходилось привозить с «материка». И поэтому станция была забита составами, материалы сгружали рядом с полотном дороги, и на «пирамиде» — так назывался склад — сидел начальник базы, показывал, где и какие материалы легче всего взять. Сотни машин подходили со всех сторон за материалами, грузились и отправлялись в степь — на юг, север, восток и запад — везде шло строительство.

О своей профессии Шубников говорил так:

— Строитель — это созидатель, им нужно родиться. Как музыкантом, художником или писателем. В нашем деле без таланта нельзя.

И он был снисходителен к людям, если они беспредельно преданы делу. И даже прощал им ошибки. Халтурщиков не то, что не любил, ненавидел и воевал с ними беспощадно.

Он знал свое дело с азов, ведь все строительные специальности он перепробовал. Родился в семье плотника в Ессентуках. После школы работал на стройках, по вечерам учился в строительном техникуме. Затем служба в армии — попал в кавалерию. Не думал Георгий Максимович, что ему через несколько лет предстоит навсегда стать военным. Но близилась война, и инженер-строитель Шубников надел военную форму.

Искусство военного строителя в незаметности его работы. Если распутица, а дороги проложены и техника

идет вперед, то разве может быть иначе?! Нет моста — а что делают строители?! Во всех приказах звучало лаконичное: «обеспечить», и Шубников обеспечивал... И не всегда можно на войне определить, сколько таланта и изобретательности требуется от военного строителя, чтобы проложить те самые дороги или построить мосты.

В мирное время это заметно.

До сегодняшнего дня в вузах ГДР изучают опыт строителя Шубникова, который помогал немецким коллегам восстанавливать разрушенное. Да, изменилась строительная техника и технология, но будущие инженеры-строители берут у Шубникова иное: его умение в реальных условиях творчески решать самые сложные проблемы.

Был такой случай. Шубников предложил использовать разрушенные опоры моста. Специалисты сомневались: опыта такого нет, как осуществить «возведение» такого моста? А Шубников предлагает рядом построить временный и уже с него скатывать готовые пролеты на отремонтированные опоры. Срок строительства сократился почти в десять раз!

А использование барж? Только Шубников, умевший рисковать, мог предложить подвозить на барже готовые пролеты и опоры, а затем нагружать ее мешками с песком. Баржа погружалась, и пролет ложился на опоры...

Риск Шубникова. Это глубокое знание технологии строительства, техники, людей, помноженное на изобретательность.

При создании Байконура ему не раз придется так рисковать.

В книге «Воспоминания» Л. И. Брежнева есть глава «Космический Октябрь». В ней рассказывается об эпизоде возведения одного из стартовых комплексов, когда неожиданно глубоко под землей строители встретились с «подземной рекой». И тогда Шубников взял на себя всю ответственность за укрощение этой «реки» с помощью взрыва. Это был смелый эксперимент, в основе его тончайший расчет и огромный опыт Шубникова.

Каждый день приходилось брать ответственность на себя. И начальнику стройки, и прорабу, и крановщику.

Вырыт котлован почти до проектной отметки. Всего несколько метров осталось, и вдруг показались грунтовые воды. Не знали о них геологи? Что делать? А в основание надо бетонную плиту положить. Хоть перенеси «стадион» на новое место...

Начал встречать в котловане прораб разных людей. Приходили взглянуть на озерцо, образовавшееся на дне, монтажники. Инженеры из управления приезжали, наведывались соседи. Никто не присылал их — сами считали своим долгом прийти в котлован: вдруг идея родится, как помочь товарищам. Все известные способы не годились — времени они требовали, а его не было.

Придумали-таки отчаянные головы! Теперь их фамилии и не вспомнить, потому что коллективное предложение появилось: провести серию взрывов, отжать породу и, пока вода «опомнится», забетонировать плиту.

Риск? Безусловно... Ночами просчи-

тывали варианты инженеры, до секунды расписали весь ход операции — сам взрыв, работу арматурщиков, необходимое количество бетона, который рекой должен течь в основание сооружения.

Сотни людей участвовали в той атаке на подземные воды. И не было ни единого срыва, ни один не подвел: четко сработали взрывники, не мешкая ушли в глубь земли монтажники и арматурщики, не задержался ни один самосвал с бетоном... Несколько суток не уходили люди из котлована, а когда прораб заметил первые струйки воды, просочившиеся в котлован, основание было готово.

Риск... Он проявлялся в разных ситуациях. Не хватает шоферов, и в то же время на стройке немало людей, которые лишены за те или иные проступки водительских прав. Шубников собирает провинившихся и формирует из них бригаду. Лишь одно условие он ставит перед ними: если хотя бы один из трехсот совершит проступок — вся бригада будет отстранена от работы. Вскоре именно эта колонна стала одной из лучших на стройке. Доверие к людям рождало и доверие к руководителю.

В казахстанских степях рождалось невиданное в истории цивилизации сооружение — первый в мире космодром. Естественно, невозможно было в проекте предусмотреть многое — не было у строителей опыта, и многие технические решения приходилось принимать в ходе стройки, в самые сжатые сроки. Под большинством таких решений стоит подпись Г. М. Шубникова.

У многих я спрашивал о главной черте характера Шубникова.

— Неутомимость, — отвечал один.

— Железная воля, — добавил другой. — Его твердость мы почувствовали сразу, как только он возглавил стройку.

— Глубокие знания и огромный опыт, — заметил третий.

— Шубников был очень мудрым человеком, — сказал один из почетных строителей Байконура, и все согласились с ним.

Мудрость руководителя... Она проявлялась на стройке по-разному.

Шубников не принимал скоропалительных решений. Бывало, подготовят для него документ с предложением, к примеру, создать специализированные группы по отделке зданий. Неделя проходит. Шубников молчит... Теребят его заместители, мол, решать надо, задерживаем работу, а Георгий Максимович: «Подумать надо!» А спустя несколько дней отдает приказ: создать специализированные отряды, выделить необходимую технику, материалы, и сразу же назначается руководство. И тут уж попробуй не выполнить его распоряжений!.. Кажется, впервые в истории строительства именно в те годы появилась специализация, которая столь общепринята сегодня.

Шубников заботился об условиях жизни людей. Летом — жара, а воды не хватает. Вместо хлеба сухари... Шубников принимает решение срочно строить хлебозавод и на некоторое время самое пристальное внимание уделяет ему. Пока не закончен водовод, Шубников утверждает дежурного по

воде, который круглосуточно работает в управлении. Дорог ведь не было, и водовозки, бывало, опаздывали к завтраку — застревали в пыли. Нужно было принимать срочные меры, и дежурный по воде обладал неограниченными полномочиями... Вода... В графин нальешь, а треть его — осадок... Ведь в первые месяцы не было ни очистки, ни водоводов...

Он не жил заботами только одного дня. Строили базу для материалов. Шубников распорядился: фундаменты закладывать из бетона не временные, а постоянные. Начальство возмутилось: не тратить время, сооружать временные! Шубников собрал заместителей, спрашивает: «Что будем делать? На много лет строим, значит, фундаменты необходимы постоянные. Думаю, с работы не снимут, объявят выговоры. Таким образом, выбираем наименьшее из зол — выговоры...» Фундаменты стоят до сих пор, пригодились они для сооружений космодрома.

«Железным» человеком считали Шубникова, поразились его настойчивости. О его воле можно судить по крошечному эпизоду. Совещание у Шубникова затянулось за полночь. Наконец решение было принято. Георгий Максимович встал, подошел к окну. «Накурили мы отчаянно, — сказал он, — а посмотрите, какой воздух на улице...» Он распахнул окно, в комнату ворвалась струя ночного воздуха. «Все, больше не курю», — сказал Шубников и выбросил в окошко пачку папирос. С тех пор не курил.

Если Шубников давал слово, то не было случая, чтобы он его не выдерживал. Однажды ночью ему сообщили, что станция по приказу министра путей сообщения закрыта, так как на ней находятся неразгруженные составы. Ситуация критическая, и Шубников понимал, что министр по-своему прав. Тысячи людей работали на разгрузке составов, но вывозить материалы было очень трудно — автомобили увязали в пыли, а дороги еще только прокладывали. Да и скорость машин не превышала 4—5 километров в час — «видимость в пути — ноль: пыль...». После телефонного звонка Шубников распорядился: в шесть утра всем руководителям стройки быть на станции... «Пирамида» из материалов уже разрослась во все стороны. Казалось, поток грузов захлестнул, справиться с ним невозможно... Происходящее Шубников оценил сразу. «Пишите приказ, — сказал он одному из заместителей. — За трое суток построить железнодорожную ветку к промбазе...» — «Но ведь ее нет», — возразили ему. «Должна быть!» — ответил Шубников и тут же принялся перечислять, какую технику и откуда взять, какие стройотряды перебросить в район станции. Два других пункта приказа касались положения на станции. «Теперь мы избавим себя от этих забот, — заметил Шубников, — простым авралом не поможешь. А министру я сообщу, что через три дня положение станет нормальным...» Через трое суток железнодорожная ветка к будущему промскладу была проложена.

— Вскоре мы должны были начать бетонирование пилонов, — рассказы-

вает почетный строитель Байконура Илья Матвеевич Гурович. — Первую машину ждали в восемь утра. Ночью решили с начальником управления подъехать к котловану и по доброй традиции бросить в основание пилона серебряную монету, — считается, счастье она приносит. На людях вроде неудобно это делать, вот и выбрались мы к котловану около двух часов ночи... Подъезжаем, а там уже десятки людей... Смотрю, плита вся усеяна монетами... Тогда я почувствовал, насколько дорог наш «стадион» каждому строителю.

В канун Первомайа строительство «стадиона» закончилось.

Шубников встречал Королева на аэродроме. Как и договорились три дня назад по телефону, вместе поехали на стартовый комплекс и к монтажно-испытательному корпусу.

Главный конструктор остался доволен — строители выдерживали сроки.

— Спасибо вам, Георгий Максимович, — поблагодарил Королев. — У меня к вам две просьбы. Во-первых, нельзя ли домики, где будут жить мои сотрудники, отделать получше. Люди у меня золотые...

— Постараюсь, Сергей Павлович, — ответил Шубников. — Все возможное сделаем. У вас действительно золотые сотрудники, ну а строители у меня — стальные...

Королев рассмеялся.

— Согласен!.. Еще одна просьба: нельзя ли побывать на одной из ваших «проработок» — много слышал о них, хочу сам посмотреть и послушать.

— Как раз здесь, на корпусе, запланирована на завтра, обычно «проработку» я провожу на каждом объекте раз в две недели...

— Только не надо называть меня, — попросил Королев, — посижу в углу, понаберусь опыта.

— Я не имею права вас называть, — рассмеялся Шубников, — вы у нас, Сергей Павлович, человек безымянный...

Шубников во все дела вникал сам. Приезжал на объект, тщательно все осматривал, а затем собирал совещание. Вывешивался график работ, и вместе со всеми Георгий Максимович «прорабатывал» (по его собственному выражению) все детали состояния стройки. Нет, он не кричал на подчиненных, не устраивал разносов — вникал во все и вместе с коллегами находил наилучшие решения, принимал необходимые меры. Конечно, были случаи, когда он сурово наказывал подчиненных, но каждый раз за дело.

«Проработки Шубникова» — это сугубо деловое совещание, на котором шел детальный анализ положения на стройке.

Так было и в тот раз. Сергей Павлович сел в углу комнаты, никто на него не обратил внимания.

Начальник объекта докладывал о ходе работ.

На графике, приколотом к стене, две линии. Синяя — срок выполнения, красная — реальное состояние дел. Кое-где намечалось отставание, и тут же по ходу «проработки» принимались необходимые решения, — рядом с Шубниковым сидели главный инженер, заместитель по снабжению, парторг. «Проработка» шла спокойно, деловито. И вдруг начальник объекта,

добравшись до одного из пунктов графика, говорит:

— Надо начинать монтаж оборудования, но его еще на стройке нет.

— Кто из смежных организаций отвечает за оборудование? — спрашивает Шубников.

— Я. — Один из присутствующих поднялся. — Оборудования нет, потому что не готово помещение под монтаж. Там не проведены малярные работы.

— Их нельзя делать, — спокойно заметил Шубников, — во время монтажа потребуется долбить стены, вести сварку, малярка погибнет.

— Это вас не касается. Пока не покрасите — оборудования не будет.

И вдруг из глубины комнаты раздался голос Королева:

— Зачем вам малярка? Ваше оборудование можно под открытым небом ставить!

— А вы, товарищ, помолчите, — оборвал Королева представитель. — Раз вы ничего не понимаете в нашем оборудовании, нечего вмешиваться...

— Спокойно, спокойно, товарищи, — Шубников встал, — у нас не принято спорить повышенным тоном. И вам, — обратился он к Королеву, — действительно, вмешиваться не надо. Через два дня все оборудование должно быть, это приказ. Иначе я позвоню вашему министру и предупрежу его о нарушении сроков поставки оборудования...

После «проработки» Королев и Шубников долго хохотали.

— Не выдержал, сорвался, — оправдывался Сергей Павлович, — терпеть не могу очковтирателей. Но, даю слово, больше таких представителей на ваших «проработках» не будет.

— Да и сам я еле сдержался, — сказал Шубников, — но я уже заметил, что спокойный тон и выдержка подчас лучше действуют.

— Понимаю, но у меня характер другой, — заметил Королев.

Они были очень разные люди — Главный конструктор и главный строитель Байконура. Но они были соратниками, и это соединило их судьбы.

Они вместе провожали первый искусственный спутник Земли. Рядом с С. П. Королевым был на стартовой площадке и Г. М. Шубников, когда уходил в космос Юрий Гагарин.

Летом 1965 года Шубников тяжело заболел. Он ослеп. Один из его друзей вспоминает:

«Когда мы с Сергеем Павловичем Королевым вошли в палату, Георгий Максимович узнал Главного конструктора по шагам.

— Это вы, Сергей Павлович?

Они обнялись. И я увидел, что глаза Королева наполнились слезами... Потом я вышел, оставил их вдвоем...»

Строители часто приезжают на Байконур. Радуются, что улицы города носят их имена, — значит, помнят здесь о первых строителях. Но больше всего они гордятся тем, что стартовый комплекс рассчитывался на 25 пусков, а теперь их число измеряется сотнями, а по-прежнему прочно стоят пилоны и фундаменты этого удивительного сооружения... Первого в мире!

(Окончание в № 4.)



Друзья по переписке

— МНР, г. Улан-Батор, институт русского языка, студенту 2-го курса Жаргал Сайхану.

Постоянный подписчик и читатель «Студенческого меридиана», 19-летний монгольский студент Жаргал хочет переписываться с советскими сверстниками.

Интересуется искусством, театром и кино.

— Victor Osei Joe Senatra
Post Office Box 30, Nsawam, Ghana

16-летний юноша из Ганы увлекается спортом, музыкой, коллекционирует почтовые марки.

Владеет английским языком.

— Krysinscy Elzbieta
06—400, Ciecchanow, Wyspanskiiego 42 m 5, Polska

Эльжете 23 года. Она собирает видовые открытки, фотографии киноартистов, куклы в национальных костюмах из разных стран. Хорошо говорит по-русски.

— José Donizetti dos Santos Rva Caparaó, 303 — Jardim Ismenia 12 200 — Sao José dos Campos — SP, Brasile

Бразильскому поэту и художнику Хосе Доницетти душ Сантушу, живущему в Сан-Пауло, — 26 лет. Он обратился в журнал с просьбой помочь ему наладить переписку с представителями советской молодежи, чтобы лучше познакомиться с культурой нашей страны. Хосе может переписываться на английском, испанском и португальском языках и надеется в скором времени получить много писем из СССР.

— K. M. Iqbal Student of L. L. B. 16/5, Joynag Road, Dhaka, Bangladesh

Икбаль — студент из Бангладеш — хочет переписываться с советскими юношами и девушками. Владеет английским языком.

— Dessalegne Getahun, African Union № 1 Public School, P. O. Box — 2012, Addis — Ababa, Ethiopia

19-летний эфиопский студент изучает русский язык. Любит поэзию, спорт. Мечтает продолжить учебу в Советском Союзе. Хочет найти много друзей по переписке в нашей стране.

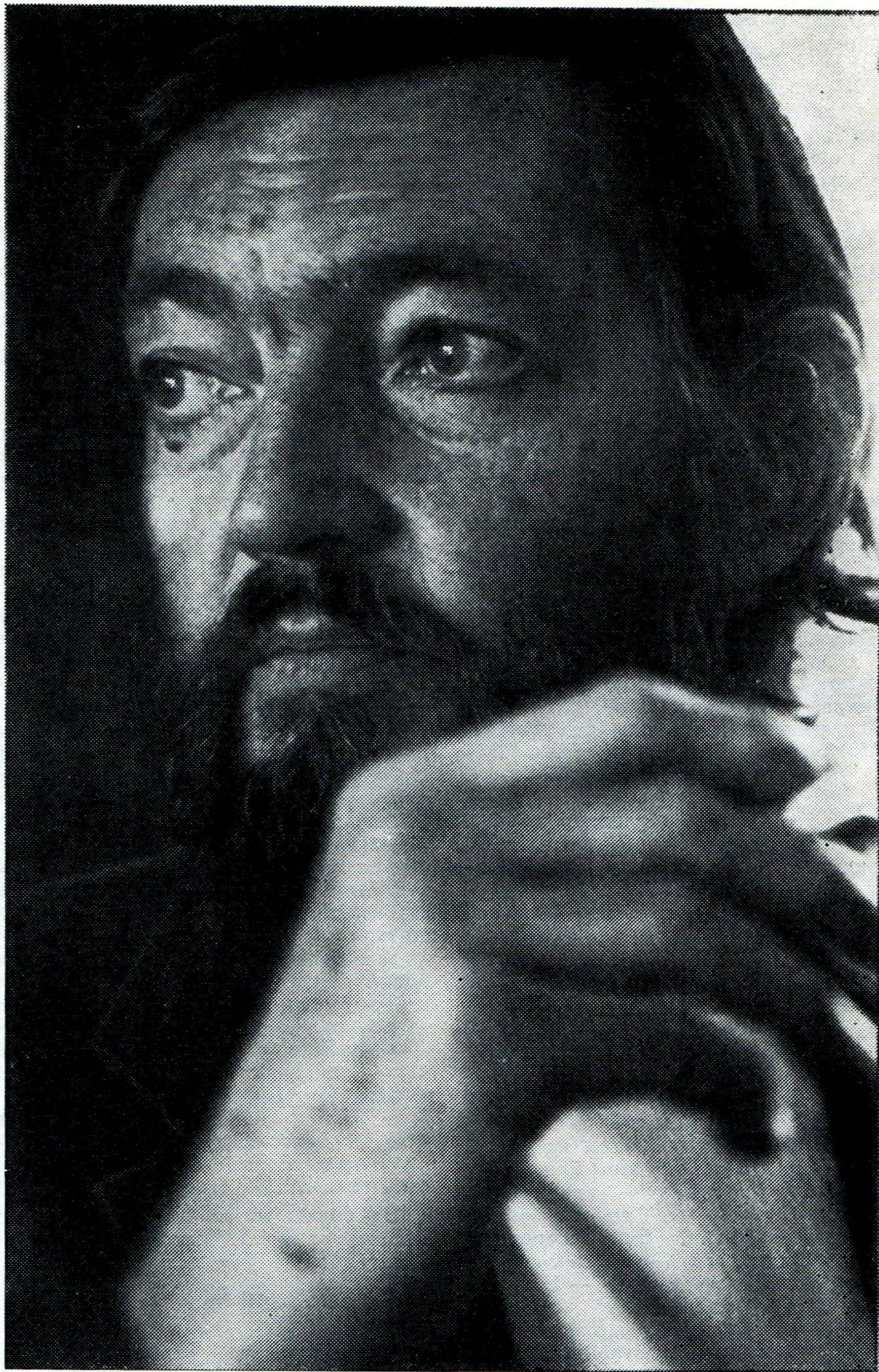


Фото Carol Dunlop

Проза

В наступившем 1984 году Хулио Кортасару, крупнейшему аргентинскому писателю, автору романов «Выигрыш», «62 модели для сборки», «Последний раунд», многих повестей и рассказов, исполняется 70 лет. Редакция от имени многочисленных своих читателей-студентов поздравила замечательного писателя с юбилейной датой. В ответ Хулио Кортасар прислал письмо:

«Мне очень приятно сотрудничать со «Студенческим меридианом». К сожалению, состояние здоровья и многочисленные поездки не позволяют мне полностью выполнить вашу просьбу. 11 июля я вновь уезжаю в Никарагуа, поэтому я не смог сразу ответить на вопросы вашего интервью, но я обещаю сделать это позже. Пока я посылаю вам рассказ из только что законченной мною книги «Десорас».

До скорого свидания. Сердечный привет от вашего друга и товарища
Хулио Кортасара».

Неутолимая молодость

В прошлом году мне довелось выступить перед студентами-физиками Московского университета с рассказом о современной латиноамериканской литературе. И по числу заданных вопросов Хулио Кортасар (достаточно известный в нашей стране по переводам) занял второе место — после прославленного колумбийца Габриэля Гарсиа Маркеса.

Глубоко гуманистический и по своей сути реалистический характер творчества крупнейшего писателя современности Хулио Кортасара состоит в том, что все в нем направлено к единой цели — обнажению глубинных смыслов окружающей действительности, нелегкой действительности его континента, где идет упорная и непримиримая борьба между теми силами, что держат его в окопах гнета, отсталости, зависимости, и теми, что вдохновляются идеалами новой жизни, нового человека. При этом важно подчеркнуть, что столь свойственные для латиноамериканских писателей, и особенно именно для Хулио Кортасара, необычные повествовательные формы, смелые эксперименты, фантастика отнюдь не являются самодостаточной литературной игрой. Пробудить сознание читателя, выбить его из инерции, заставить активно работать и осмысливать жизнь — такова, по мысли Кортасара, задача высокого настоящего художественного произведения, эффект которого он не случайно сравнивает с точным боксерским ударом. Писатель считает рассказ «тайнственным собратом поэзии», и в большинстве случаев жизненный, сюжетный материал становится у него средством для построения обобщающей поэтической метафоры, содержащей, как он говорит, «безоговорочное резюме человеческого существования».

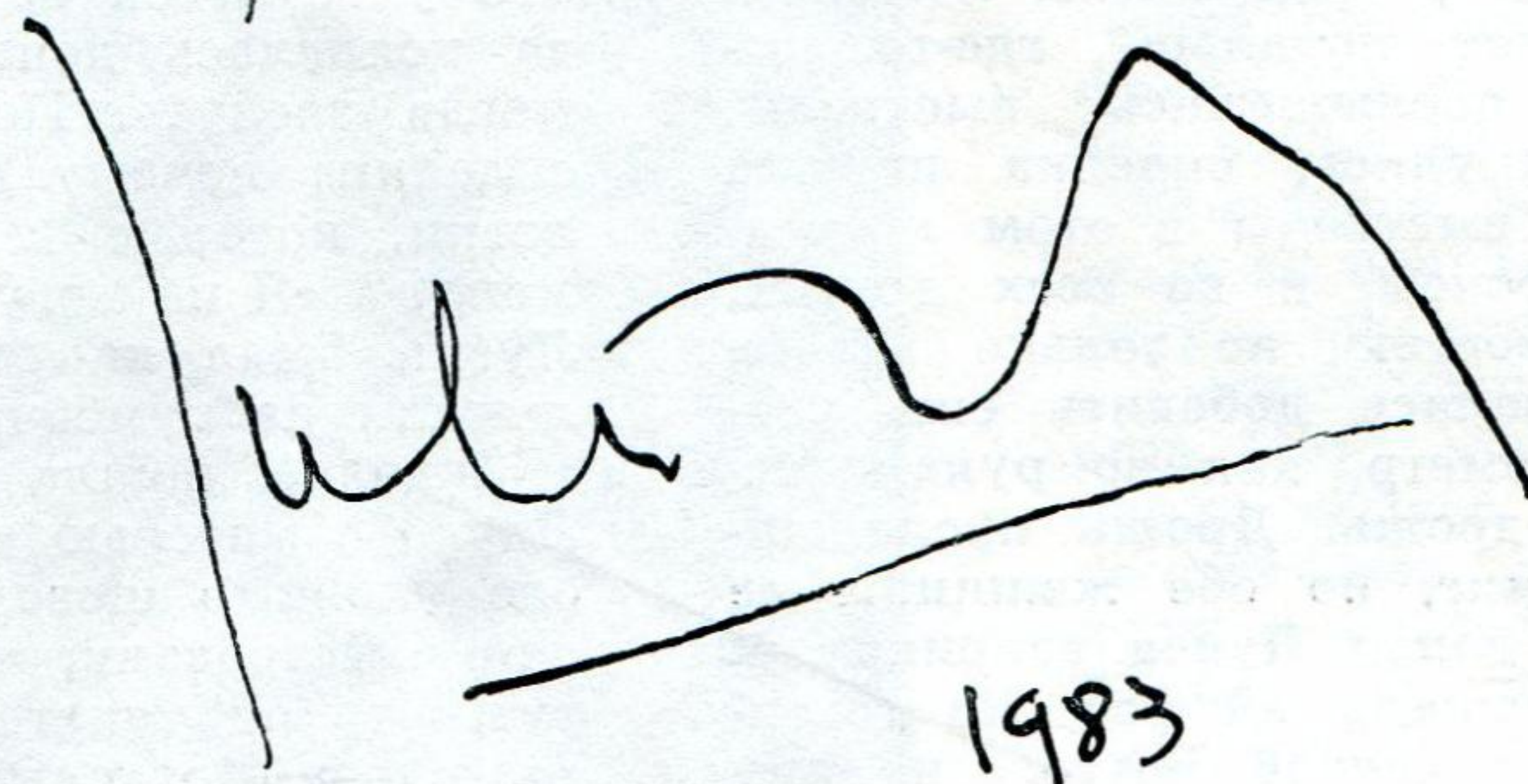
Все сказанное достаточно отчетливо ощутят те, кто прочитает рассказ «Кошмары», весьма характерный для Кортасара и своим духом, и художественным строем. Действие рассказа происходит на родине писателя — в Буэнос-Айресе, столице Аргентины, где на протяжении десятилетий господствовала атмосфера антикоммунистической истерии и правого террора. Но оно вполне могло бы происходить и в Монтевидео, столице соседнего Уругвая, в Сантьяго-де-Чили, или, скажем, в Сальвадоре, Гватемале — одним словом, в любой латиноамериканской стране, где у власти стоит реакция.

И те, кто впервые видит фото Кортасара, и те, кто впервые читает его произведения, удивляются тому, что ему уже семьдесят. А между тем у Хулио Кортасара, родившегося в 1914 году, позади огромный путь: от первых рассказов, опубликованных во второй половине 40-х годов в Буэнос-Айресе, до сборников и романов 60 — 70-х годов и нынешних дней, когда в творчестве писателя, долгие годы живущего в эмиграции, неразрывно слились художественное слово и слово публициста и бесстрашного неутомимого защитника Кубы, Никарагуа, борющихся народов Чили, Сальвадора.

Валерий Земсков, кандидат филологических наук

Un saludo muy cordial por los
lectores de El Meridiano Estudiante,

con los mejores deseos de



1983

Сердечный привет читателям «Студенческого меридиана»
и наилучшие пожелания от Хулио Кортасара.

Хулио Кортасар

Кошмары

Рассказ

Подождать, говорили все, надо подождать, в таких случаях ничего нельзя знать наверняка; и доктор Раймонди — тоже: надо подождать, сеньор Ботто, да, доктор, но Меча не просыпается уже две недели, лежит две недели как мертвая, доктор, вижу, сеньора Луиса, вижу, это классическое коматозное состояние, ничего тут не поделаешь, надо только ждать. Лауро тоже ждал; возвращаясь с факультета, он всякий раз застывал на миг перед тем, как открыть дверь, и думал: нет, сегодня уж точно, сегодня я войду и увижу, что она проснулась, открыла глаза и разговаривает с мамой, не может это столько тянуться, не может она умереть в двадцать лет, наверняка она сейчас сидит в кровати и разговаривает с мамой; но ожидание не кончалось, все по-прежнему, сынок, доктор еще заглянет во второй половине дня, все говорят: ничего сделать нельзя. Вы бы поели, друг мой, ваша матушка посидит с Мечей, вам надо питаться, не забывайте — у вас экзамены, между делом посмотрим новости. Но все в этом доме было между делом, а единственным делом, неизменным, тянущимся изо дня в день была болезнь Мечи, тяжесть тела Мечи на кровати, Меча, худенькая и невесомая, плясунья рок-н-ролла и теннисистка, вдавненное в кровать тело и подавленность окружающих, вот уже который день, сложный процесс, коматозное состояние, сеньор Ботто, это непредсказуемо, сеньора Луиса, мы можем лишь поддерживать организм и создавать ему благоприятные условия, в этом возрасте столько сил, такая воля к жизни. Но ведь она

не может помочь нам, доктор, она ничего не соображает, лежит, как... господи, прости, я сама не знаю, что говорю.

Лауро тоже до конца не верилось, это казалось розыгрышем, Меча всегда его жестоко разыгрывала: одевшись привидением, пугала на лестнице, прятала в его постели метелку из перьев, и оба они так смеялись, измышляя новые каверзы, играя в продолжение детства. Сложный процесс, жар и боли, и однажды вечером вдруг — обрыв, внезапная тишина, пепельная кожа, далекое, спокойное дыхание. Это — единственное, что оставалось спокойным среди неразберихи, врачей, приборов и консилиумов, и мало-помалу жестокий розыгрыш Мечи становился все страшнее, постепенно подминая под себя окружающих; отчаянные вопли доньи Луисы, сменившиеся потом слезами, почти тайными, тоской, загнанной в кухню и ванную комнату; родительские причитания, перебивавшиеся последними известиями и беглым просмотром газет; бешенство Лауро, подзревавшего какой-то подвох, бешенство, оставлявшее его лишь на время посещения университета, занятий, собраний; глоток надежды всякий раз, когда он возвращался из центра; ты заплатишься за это, Меча, тоже мне выдумала, гадкая девчонка, я тебе покажу, вот увидишь. Меча — единственная, кто оставался спокойным, не считая сиделки, занимавшейся вязанием; собаку отправили к дяде, доктор Раймонди уже не приводил с собой коллег, он заходил ближе к вечеру и надолго не задерживался, казалось, он тоже ощущал тяжесть тела Мечи, тяжесть, которая изо дня в день наваливалась на них все больше, приучая к ожиданию — единственному, что оставалось делать.

История с кошмарами началась тем самым вечером, когда донья Луиса

не могла найти термометр, и удивленная сиделка пошла покупать новый в аптеку на углу. Они обсуждали это, потому что термометры не теряются ни с того ни с сего, когда их ставишь по три раза на дню; они привыкли говорить при Мече в полный голос, тот первоначальный шепот был ни к чему — ведь Меча не способна слышать, доктор Раймонди уверен, что коматозное состояние делает ее совершенно бесчувственной, что бы при ней ни сказали — бесстрастное выражение ее лица не менялось. Они все еще говорили о градуснике, когда на углу, а может, подальше, где-то возле Гаоны, послышались выстрелы. Они переглянулись, сиделка пожала плечами — выстрелы в этом квартале, как, впрочем, и во всех других, были не новостью, но только донья Луиса собиралась добавить еще что-то про термометр, как по рукам Мечи прошла дрожь. Дрожь продолжалась всего миг, но обе женщины ее заметили, и донья Луиса вскрикнула, а сиделка зажала ей рот, из гостиной прибежал сеньор Ботто, и они втроем смотрели, как вновь и вновь сотрясалось теперь уже все тело Мечи; дрожь, быстрой змейкой скользившая от шеи к ногам, движение глаз под веками, легкая судорога, искажившая лицо, словно Меча силилась заговорить, пожаловаться, учащенный пульс, постепенное возвращение к неподвижности. Телефон, Раймонди, в сущности, ничего нового, разве что некоторая надежда, хотя Раймонди и не захотел этого сказать, пресвятая дева, хоть бы это было правдой, хоть бы проснулась доченька, хоть бы кончилась эта крестная мука, о господи. Но она не кончалась, спустя час все началось снова, потом участилось, похоже было, что Меча видит сон, и сон этот тягостен и беспросветен, неотвязный кошмар, который она не может отогнать; быть рядом, глядеть на нее и говорить с ней, прервавшей все связи с внешним миром, целиком ушедшей в тот, другой, который каким-то образом являлся продолжением затяжного всеобщего кошмара, отрешенной, спаси ее, господи, не оставляй ее так. И вернувшийся с занятий Лауро, тоже стоявший возле кровати, положив руку на плечо матери, которая молилась.

Вечером был еще консилиум, принесли какой-то новый аппарат с присосками и электродами, которые присоединялись к голове и ногам; два врача, друга Раймонди, долго беседовали в гостиной; придется подождать, сеньор Ботто, картина не изменилась, опрометчиво считать это хорошим симптомом. Но, доктор, она видит сны, кошмары, вы сами убедились, они опять начнутся, она что-то чувствует и так страдает, доктор. Тут все на вегетативном уровне, сеньора Луиса, сознание отключено, уверяю вас, надо ждать и не волноваться, ваша дочь не мучается, я понимаю, это тягостно, вам стоило бы оставить ее на попечение сиделки, пока не наметится какой-либо сдвиг, постарайтесь отдохнуть, сеньора, принимайте таблетки, которые я вам дал.

Лауро просидел у изголовья Мечи до полуночи, время от времени читая конспекты, готовясь к экзаменам. Когда послышался вой сирен, он подумал, что надо бы позвонить по теле-

фону, который ему дал Лусеро, но у них дома это делать было нельзя, а сразу после сирен на улицу выходить не стоило. Он увидел, как пальцы на левой руке Мечи медленно зашевелились, глаза под веками вновь описали круг. Сиделка посоветовала ему уйти, ничем здесь не поможешь, надо только ждать. «Но ведь ей снится сон, — сказал Лауро, — опять снится, взгляните на нее». Длилось это примерно столько же, сколько вой сирен на улице; руки словно что-то искали, пальцы пытались найти, за что ухватиться на простыне. Тут снова появилась донья Луиса, она не могла заснуть. Почти сердитый тон сиделки: почему вы не приняли таблетки, которые вам дал доктор Раймонди? «Я не могу их найти, — донья Луиса была как потерянная, — они лежали на тумбочке, но там их нет».

Сиделка пошла искать таблетки, Лауро с матерью переглянулись, Меча еле уловимо шевелила пальцами, и они чувствовали, что кошмар все еще тут, что он тянется нескончаемо долго, словно отказываясь достичь той точки, в которой что-то вроде сострадания, финальной жалости пробудит Мечу и всех остальных, избавив от ужаса. Но сон не кончался, с минуты на минуту пальцы могли зашевеливаться вновь. «Их нигде нет, — сказала сиделка. — Мы все не в себе, бог знает, куда деваются вещи в этом доме».

На следующий вечер Лауро вернулся поздно, и сеньор Ботто задал ему вопрос, как бы между прочим, не отрываясь от телевизора — розыгрыш кубка был в полном разгаре. «С друзьями посидели», — сказал Лауро, ища, с чем бы сделать сандвич. «Гол был — просто загляденье, — сказал сеньор Ботто. — Хорошо, что матч будут повторять, можно будет лучше рассмотреть эти виртуозные комбинации». Лауро, похоже, гол не интересовал; он ел, уставившись в пол. «Ты сам знаешь, что творишь, парень, — сказал сеньор Ботто, — но будь поосторожней». Лауро поднял глаза и взглянул на него почти удивленно, его отец впервые позволил себе пойти на столь личный разговор. «Пустяки, отец», — сказал Лауро, вставая, чтобы положить конец всем беседам.

Сиделка пригасила ночник на тумбочке, и Мечу было еле видно. Сидевшая на софе донья Луиса отняла руки от лица, и Лауро поцеловал ее в лоб.

— Все по-прежнему, — сказала донья Луиса. — Все время она в таком состоянии. Смотри, смотри, как у нее дрожат губы; бедняжка, что ей такое можетниться, господи боже ты мой, как можно, чтобы это все тянулось, тянулось, чтобы...

— Мама!

— Но ведь это невозможно, Лауро, никто не чувствует так, как я, никто не понимает, что ее все время мучает этот кошмар, и она не просыпается...

— Знаю, мама, я тоже это чувствую. Если бы можно было что-то сделать, Раймонди сделал бы. Сидя здесь, ты ей не поможешь, тебе надо поспать, выпить успокоительное и заснуть.

Он помог ей подняться и довел до двери. «Что это, Лауро?» — резко

останавливаясь, спросила донья Луиса.

— Ничего, мама, ты же знаешь, стреляют где-то далеко.

Но что на самом деле знала донья Луиса, чего уж тут говорить?! Теперь действительно было поздно, придется ему, отведя ее в спальню, спуститься в магазин и позвонить Лусеро оттуда.

Он так и не нашел голубой куртки, которую любил надевать по вечерам, перевернул все шкафы в коридоре — на случай, если мать вдруг ее повесила туда — и в конце концов надел первый попавшийся пиджак, потому что на улице было прохладно. Перед уходом он зашел к Мече в комнату и в полумраке, чуть ли не раньше, чем ее саму, увидел кошмар, подрагивание рук, тайного жителя, змеившегося под кожей. Снова вой сирен на улице, следовало бы выйти попозже, но тогда магазин закроется и он не сможет позвонить. Глаза Мечи под опущенными веками закатывались, словно пытаясь вырваться, взглянуть на него, вернуться. Он провел пальцем по ее лбу, он боялся до нее дотронуться, усугубить кошмар прикосновением извне. Глаза по-прежнему вращались в глазницах, и Лауро отшатнулся — мысль о том, что Меча может поднять веки, заставила его податься назад. Если бы отец ушел спать, Лауро мог бы потихоньку позвонить из гостиной, но сеньор Ботто все внимал разглагольствованиям спортивного комментатора. «Да, об этом они говорят много», — подумал Лауро. Завтра ему нужно встать рано, чтобы перед уходом на факультет позвонить Лусеро. В глубине коридора он увидел сиделку, она выходила из своей спальни, и в руках ее что-то блестело: то ли шприц, то ли ложка.

Даже время смешалось, а может, заблудилось в этом бесконечном ожидании; сон днем, восполнявший ночные бдения, родственники и друзья, приходившие когда угодно и по очереди развлекавшие донью Луису или игравшие в домино с сеньором Ботто; новая сиделка, которую взяли на время, потому что старой нужно было на неделю уехать из Буэнос-Айреса; забытые по всем комнатам кофейные чашки, которые никто не мог найти; Лауро, при любой возможности уходивший гулять, отлучавшийся из дому в любое время суток; Раймонди, который являлся уже без звонка, выполняя рутинную работу, никаких негативных перемен не заметно, сеньор Ботто, процесс таков, что мы можем лишь поддерживать организм, я ввожу ей через зонд питательные вещества, надо ждать. Но ей все время что-то снится, доктор, посмотрите на нее, она почти не отдыхает. Да нет, сеньора Луиса, вам кажется, что она видит сны, а на самом деле это физические реакции, это трудно объяснить, в общем, не думайте, у нее нет осознания того, что кажется сном, возможно, это даже хороший симптом: и жизнестойкость, и рефлексы эти, верьте мне, я за ней пристально наблюдаю, вот кому надо отдохнуть, так это вам, сеньора Луиса, давайте я измерю вам давление.

Из-за тяжести поездок и событий на факультете Лауро становилось раз от разу сложнее возвращаться домой из центра, но он приходил — скорее не

ради Мечи, а ради матери, — заявлялся в любое время, ненадолго, узнавал, что все без изменений, болтал с родителями, выдумывал темы для разговора, чтобы вывести их из оцепенения и немного отвлечь. Каждый раз, подходя к постели Мечи, он ощущал все ту же невозможность контакта. Меча была так близко и словно звала его; неясные знаки пальцами и этот взгляд изнутри, ищущий выхода; что-то продолжающееся до бесконечности, зов узника из стен кожи, невыносимо бессмысленный призыв. Порою к горлу подступали рыдания, уверенность в том, что Меча отличала его больше, чем мать или сиделку, что когда он стоит тут, глядя на нее, кошмар достигает своего пика, что лучше уйти немедленно, потому что он не может ничем помочь, потому что говорить с ней бесполезно, дурочка, милая, хватит издеваться, слышишь, открой глаза, брось ты эти дешевые шутки, Меча-дурица, сестренка, сестренка, до каких пор ты будешь нас водить за нос, чертова идиотка, симулянтка, пошли ты эту комедию к дьяволу и вставай, мне столько надо рассказать тебе, сестренка, ты знать не знаешь, что происходит, но все равно я тебе расскажу, Меча, именно потому, что ты ничего не понимаешь, я тебе расскажу. Все это проносилось во вспышках страха, порывах припасть к Мече; вслух же — ни слова, ведь сиделка и донья Луиса никогда не оставляли Мечу одну, а он столько должен был сказать ей, как и она, которая, должно быть, говорила с ним оттуда, из того мира, мира закрытых глаз и пальцев, чертивших на простынях ненужные письма.

Был четверг; сами-то они потеряли счет дням, да их это и не волновало, но когда они пили на кухне кофе, сиделка сказала, что сегодня четверг, и сеньор Ботто вспомнил про специальный выпуск новостей, а донья Луиса — про то, что звонила ее сестра из Росарио и что она приезжает в четверг или в пятницу. У Лауро наверняка уже начались экзамены, он ушел в восемь, не попрощавшись, оставив в гостиной записку, он не знал, придет ли к ужину, на всякий случай ждать его не стоило. К ужину он не пришел, сиделке в кои-то веки удалось убедить донью Луису пойти спать рано; после телевикторины сеньор Ботто высунулся из окна гостиной, с Пласа Ирланда доносились пулеметные очереди, потом вдруг — тишина, почти чрезмерная, даже патрульных ни одного, лучше идти спать; женщина, ответившая на все вопросы викторины, — просто феномен, как она разбирается в древней истории, словно жила в эпоху Юлия Цезаря; образованность и эрудиция в конечном счете приносят больший доход, чем работа аукциониста. Никто не подозревал, что дверь так ни разу и не откроется за всю ночь, что Лауро так и не вернулся; утром они решили, что он еще отдыхает после экзамена или же занимается до завтрака, и только в десять часов поняли, что его дома нет. «Не стоит волноваться, — сказал сеньор Ботто, — наверняка он остался праздновать с друзьями». Донья Луисе пора было идти помогать сиделке мыть и переодевать Мечу; теплая вода и одеколон, ватки и

простыни, уже полдень, а Лауро нет, но это странно, Эдуардо, как это он даже не позвонил, он в жизни так себя не вел, когда они отмечали конец учебного года, помнишь, он позвонил в девять, боялся, что мы будем волноваться, а ведь он был тогда моложе. «Мальчик, наверно, совсем не в себе из-за экзаменов, — сказал сеньор Ботто, — увидишь, он вот-вот придет, он всегда подоспевает к часу дня, к выпуску новостей». Но в час Лауро не было, он пропустил и спортивные новости, и экстренное сообщение о новой подрывной акции, сорвавшейся благодаря быстрому вмешательству сил охраны порядка, ничего нового, температура постепенно понижается, в горных районах дожди.

Уже давно пробило семь, когда сиделка пошла к донье Луисе, без передышки звонившей знакомым; сеньор Ботто ждал звонка приятеля, полицейского инспектора, может, ему удастся что-нибудь выяснить; он то и дело просил донью Луису освободить телефон, но она листала записную книжку и продолжала обзванивать знакомых, вдруг Лауро остался у дяди Фернандо или пошел прямо на факультет сдавать еще один экзамен. «Пожалуйста, оставь телефон в покое, — взмолился сеньор Ботто, — как ты не понимаешь, мальчик может как раз сейчас звонить, а у нас все время занято, из автомата особо не позвонишь, если они не сломаны, то перед ними очередь». Сиделка настойчиво звала донью Луису, и та пошла посмотреть, в чем дело; неожиданно Меча начала качать головой, медленно, из стороны в сторону, надо было убрать ей волосы, спадавшие на лоб. Скорее сообщить доктору Раймонди, в конце дня его трудно было застать, но в девять позвонила его жена и сказала, что он сейчас придет. «Пройти ему будет нелегко, — сказала сиделка, вернувшись из аптеки с упаковкой ампул для уколов, — бог знает почему весь район оцеплен, слышите сирены?» Немного отойдя от Мечи, которая продолжала мотать головой, словно неторопливо, упорно отказываясь от чего-то, донья Луиса позвала сеньора Ботто; нет, никто ничего не знает, мальчика, наверно, сюда не пропустили, но Раймонди пропустят, врача должны пропустить.

— Нет, Эдуардо, нет, наверняка с ним что-то случилось, не может быть, чтобы Лауро держал нас в таком неведении, он всегда...

— Посмотри, Луиса, — сказал сеньор Ботто, — видишь, она шевелит рукой, в первый раз она шевелит не только пальцами, а всей рукой, Луиса, может...

— Но ей еще хуже, чем раньше, Эдуардо, разве ты не понимаешь, что у нее все те же видения, она как бы отбивается от... Сделайте что-нибудь, Роса, не оставляйте ее так, я пойду позвоню Ромеро, может, что-нибудь выяснили, их дочка училась с Лауро, пожалуйста, сделайте ей укол, Роса, я сейчас вернусь, а вообще-то позвони сам, Эдуардо, спроси их, ну скорее, скорее.

В гостиной сеньор Ботто начал было набирать номер и остановился, повесил трубку. Вдруг Лауро как раз сейчас... что могут знать Ромеро, лучше подождать еще немного. Раймонди не приходил, очевидно, его

задержали на углу улицы, он там сейчас объясняется: Роса не могла сделать еще один укол Мече, это слишком сильное успокаивающее средство, лучше, подождать прихода доктора. Донья Луиса, которая склонилась над Мечей и пыталась убрать ей волосы, лезшие в ненужные глаза, вдруг пошатнулась; Роса едва успела подставить ей стул, и донья Луиса упала на него мертвым грузом. С Гаоны неся нарастающий рев сирен, и тут Меча подняла веки; глаза, затушеванные пеленой, образовавшейся за эти дни, неподвижно уставились в безоблачное небо, потом медленно опустились и уперлись в лицо кричавшей, хватавшейся за сердце и кричавшей донье Луисе. Роса старалась удержать ее и отчаянно звала сеньора Ботто, который наконец пришел и замер, остановившись в ногах постели, застыл, глядя на Мечу, неотрывно следя за ее взглядом, медленно переходившим от доньи Луисы к сеньору Ботто, от сиделки — к безоблачному небу; руки, медленно поднимающиеся вверх, ползущие вдоль тела, чтобы сомкнуться над головой; тело, скорчившееся в судороге, потому что до ее слуха, видимо, дошло многоголосье сирен, удары в дверь, от которых трясся весь дом, крики команд и треск дерева, разлетающегося в щепки от пулеметной очереди, вопли доньи Луисы, грохот сапог и толчея в дверях — все как бы кстати, чтобы Меча могла проснуться, все как нельзя кстати, чтобы кошмар кончился и Меча смогла наконец вернуться к действительности, к прекрасной жизни.

*Перевод с испанского
Татьяны Шишовой*



Рис. Ю. Гужовой



Фото А Черных

Мы — интернационалисты

Здравствуй, «Игуменка»!

Восемнадцать тысяч иностранных студентов более чем из тридцати стран побывали за двадцать лет в интернациональном студенческом лагере МАДИ «Игуменка».

Казалось бы снежная, морозная зима — дело привычное. Но, по мнению студентов из Центральной Америки и Африки, белый цвет снега — это экзотика.

«Игуменка» в Калининской области. Если выйти из главного корпуса лагеря, то глазам откроется удивительный пейзаж: скованная льдом Волга, которая в этих местах совсем не похожа на ту, какой мы ее себе представляем. Здесь Волга — маленькая речка, спокойно текущая между двумя невысокими холмами; на одном из них раскинулась деревушка и вьется дымок из труб, на другом — поле, занесенное снегом, и опушка леса.

Но картинной тишины нет. Во всяком случае, в первой половине дня, когда все население лагеря выбегает на лыжную прогулку. Большинство студентов впервые встали на лыжи именно здесь, в «Игуменке».

Оуюн Гэлямин и Эрнесто Ирокс Перес уже уверенно преодолевают капризные горки. Впрочем, это и не удивительно, ведь оба они четыре года живут в Москве, учатся на третьем курсе МИИГАИК. Она — из Монголии, он — с Кубы. Два года назад они поженились, в семье говорят между собой на русском языке — так удобнее. После окончания института вместе поедут работать на Кубу.

Русская зима — настоящая сказка, считают Алексия Христулду с Кипра и ее подруга из Колумбии Мария Моралес. Выяснилось, что играть в футбол на снегу не менее интересно, чем на траве.

Вечером все собираются в гостиной, где на длинном столе стоят самовары и по чашкам

разливается ароматный русский чай. Здесь разворачиваются дискуссии, подчас не менее жаркие, чем «снежные» футбольные поединки. Приходят все желающие, а так как их много, вдоль стен поставлены дополнительные стулья и кресла.

Вот и сегодня: дискуссия о проблемах учебы и отдыха студентов. Она охватывает широкий круг вопросов — политических, социальных. Конечно, запаса слов пока не хватает, не все удается четко выразить по-русски. Приходится прибегать к помощи товарищей, добровольных и заинтересованных переводчиков. Когда всем становится ясно, что хочет сказать выступающий, его слова тонут в гуле других голосов — каждый стремится высказаться.

«Игуменка» — это прежде всего новые друзья «Основная цель, которую мы ставим перед собой, — говорит И. И. Кравцов, начальник лагеря, заместитель декана факультета по делам иностранных студентов МАДИ, — не просто помочь ребятам отдохнуть в зимние каникулы, но и дать им возможность лучше узнать друг друга, что, кстати, предполагает совершенствование навыков русского языка. Члены интерклубов считают своей основной задачей помогать прежде всего студентам подготовительного отделения. Ведь это уже потом, закончив институт и вернувшись на родину, наши иностранные друзья расскажут что чувствовали себя в Советском Союзе как дома...»

А. Безрученко, студент факультета журналистики МГУ

Исторический факультатив

Савелий Ямщиков,
заслуженный деятель
искусств РСФСР,
лауреат премии Ленинского
комсомола

Это и есть творчество*

Древнерусская живопись.
Поиски и открытия

Псков и Новгород отделяют друг от друга какие-нибудь 200 километров, но мы различаем живопись псковскую и новгородскую. «Идеал новгородца — сила и красота его — красота силы. Не всегда складно, но всегда великолепно, сильно, величественно, покоряюще». Эти слова И. Э. Грабаря могут служить своеобразным ключом к пониманию новгородского искусства. Псков был форпостом русской земли. Нападение шведских и немецких захватчиков ему приходилось отражать первым. Гордость псковичей в отличие от новгородцев более замкнута и философски осмыслена. В новгородской иконописи есть яркость праздника. Их привлекают звучащие и открытые тона: киноварь, золото, голубое. У псковичей же зеленый цвет и киноварь уходят в темноту, а золото они часто заменяли желтой краской местного происхождения.

Мне посчастливилось много лет работать в Пскове, разбирая музейные запасы. Там учился понимать псковскую живопись и своеобразный характер псковского человека. Говорят псковичи властно, согласно и созвучно своей древней живописи. Это не суздальцы, мягкие и лиричные, как и сама природа суздальского ополья.

Всю жизнь буду вспоминать теплым словом Л. А. Творогова, который помог проникнуть в сущность псковского искусства. Он был очень красивым человеком. Шопеновский профиль, нос с горбинкой, растекающиеся по плечам серые длинные волосы. Нас объединили разговоры об учителе. Леонид Алексеевич был учеником профессора Сычева в первые послереволюционные годы в Петроградском университете, а — через 30 лет в Москве.

Леонид Алексеевич удивительной судьбы человек. С детства врачи предрекли ему полную неподвижность: привычный подвывих ног в районе тазобедренного сустава в то время не поддавался лечению, но Леонид Алексеевич прожил бурную, сложную и долгую жизнь.

Пробродив по Пскову несколько часов, даже мы, студенты, уставали. Как-то, не спросив Леонида Алексеевича, я остановил такси. Он приказал отпустить машину. «Если я хоть раз в жизни сдамся и позволю себе расслабиться, то буду прикован к постели».

Л. А. Творогов занимался иконами, фресками, архитектурой, но в основном собирал богатое книжное насле-

* (Продолжение. Начало в № 11 за 1983 г.)



Простор для дела

Выбор на всю жизнь

Поселок Покровск всего в нескольких десятках километров от Якутска, какой-то час пути на автобусе, совсем близко по здешним масштабам.

В один прекрасный день это путешествие проделала Катя Черова, студентка Якутского госуниверситета. Куда как просто: взял билет, уселся в мягкое кресло и кати на здоровье.

Началось путешествие с того, что ей хотелось развеяться и сгореть от стыда. Казалось, все пошло прахом: мечты, планы на будущее... Немудрое это как будто дело — прилично сдать экзамены в педучилище — и она, Катя, так полагала... а вот ведь, не нашла себя в списках поступивших.

Впрочем, что особенно расстраиваться, в большом городе всегда можно подыскать спокойную и непыльную службу. Но она, к удивлению многих, пришла в обком ВЛКСМ, где имела короткий разговор. «Дайте комсомольскую путевку». — «Пожалуйста. В животноводство. Момский район». — «Давайте...»

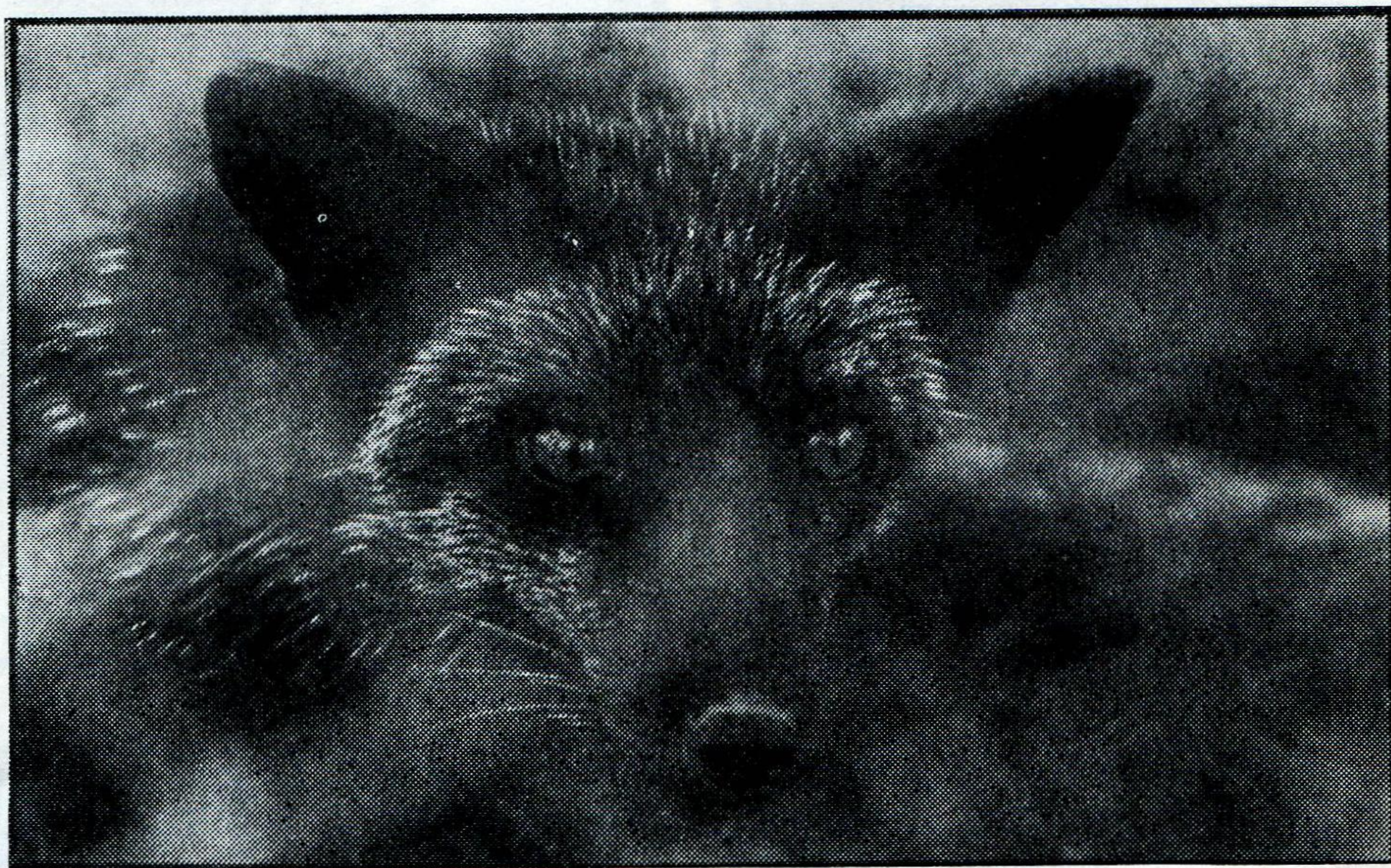
И стала городская девочка дояркой. Привыкла, в дело втянулась, работала. Год дояркой, год телятницей. Но мечту — учиться — не забывала. Сдала экзамены в университет. И на этот раз фамилию свою в списках нашла.

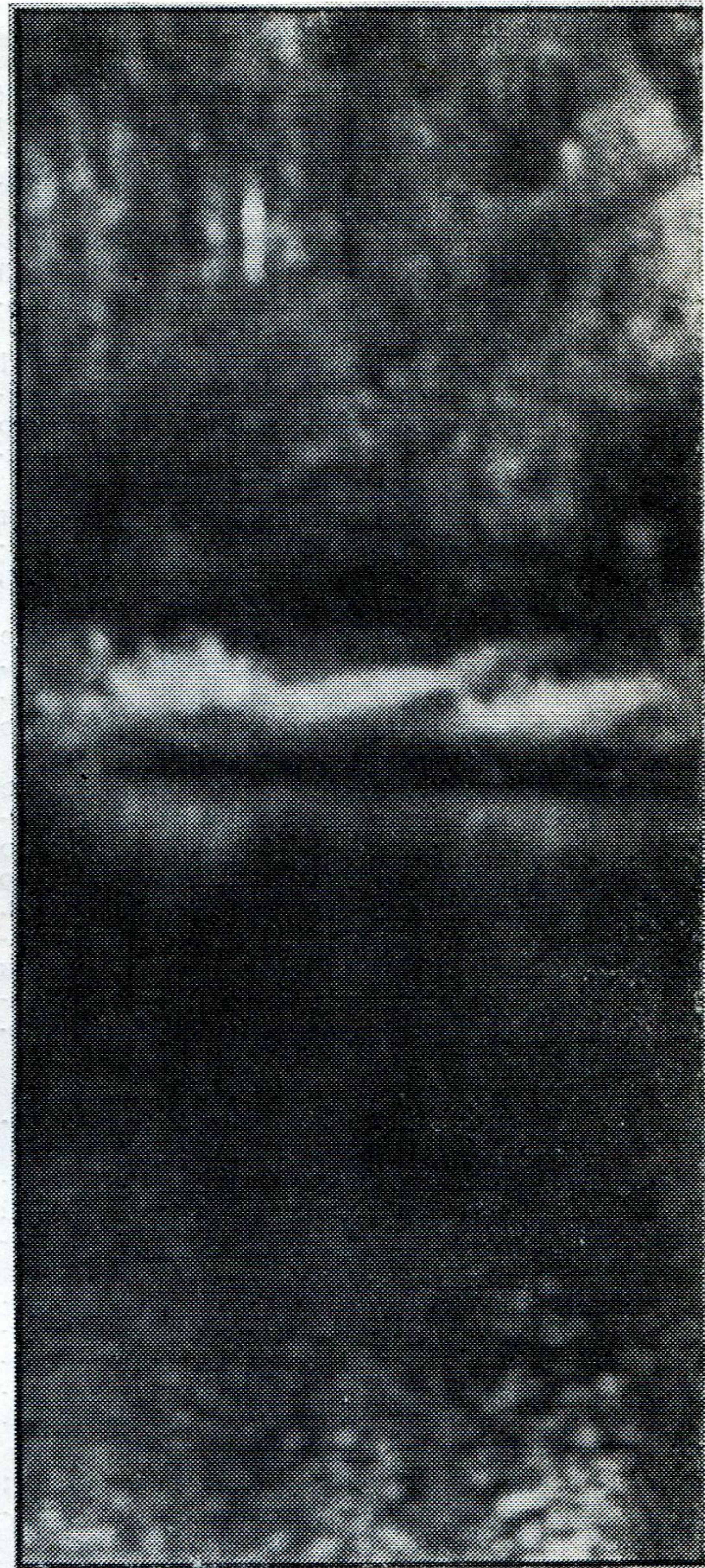
Здесь, на звероферме в Покровске, проходит она практику. Определили ее на уход за серебристо-черными лисицами. Непростое животное. Это оно с виду такое да на фотографии — милое, безобидное, а в жизни не так: нрав имеет строптивый, того и гляди за руку тяпнет (снимок внизу).

Вот каким долгим вышел для Кати этот путь в несколько десятков километров...

Сергей Панин, фото автора

На снимке сверху: П. Григорьева, выпускница Соттинского СПТУ.





Прибыл он в Нерюнгри из города Советска, что под Калининградом, после окончания факультета промышленного и гражданского строительства. Устроился работать в местное управление, вскоре возглавил здесь комсомольскую организацию. Прижился. Тут и жену нашел. Лена пока учится в заочном Хабаровском строительном техникуме (снимок справа вверху).

Здесь все им по душе, все нравится. Тут можно увидеть, как уверенно строится, складывается жизнь. А место это — в переводе с эвенкийского значит «мертвая долина» — где сейчас бульдозер на улицах стремительно растущего города пока вполне привычное, но временное, конечно, явление. Можно услышать рев двигателей мощных БелАЗов, натужно гудящих в угольном разрезе. А в день шахтера прийти на берег речки, встретиться с людьми, делающими большое и важное дело. И почувствовать: ты один из них.

Нерюнгри. Кому-то маленькая точка на карте. Кому-то вся жизнь.

*В. Гончаров,
фото автора*

Почта двадцатичетырехлетних...

Откликаясь на настойчивые просьбы читателей, поступающие к нам после опубликования статьи «Предлагаем эксперимент» (№ 6, 1983 г.), и письма «До ответа...» (№ 8, 1983 г.), редакция совместно с кафедрой детской педагогики и психологии 1-го МГМИ продолжает разработку *Анкет Службы содействия браку* (ССБ), которая, надеемся, окажется полезной тем людям, кто испытывает затруднения в своих попытках создать семью. Уже сегодня мы можем сказать читателям, что у эксперимента есть не только сторонники, но и противники. Два письма, доказывающие «беспочвенность» задуманного нами эксперимента, мы опубликовали в № 9, 10 за прошлый год. И хотя противников эксперимента буквально единицы, их критический настрой для нас имеет огромный позитивный смысл. Ведь они делятся с нами своими раздумьями по тем же самым позициям, что так беспокоят и нас. Они подкидывают нам такие задачки, на которые далеко не сразу и, увы, не всегда есть ответы. Так, мы вынуждены согласиться, что неутешительных вопросов, сопутствующих эксперименту, больше, чем реальных выходов из той или иной ситуации. Например, как преодолеть даже количественную «дисгармонию», она наблюдается уже сейчас: откликов от мужчин значительно меньше. Одно это ставит нас в труднейшую ситуацию. Ведь в эксперименте не могут принимать участие только женщины. Кроме того, письма юношей не всегда несут ту необходимую меру осторожности и серьезности, которых требует столь деликатный повод. Вопросы, вопросы...

Нас поддерживает в данном случае только то, что те объективные сложности, которые возникают при осмыслении ситуации, понимают и наши читатели, хотя далеко не все.

Те, кто выступил за, делятся на две неравные части. Большинство — назовем их *нетерпеливые* — это безоговорочные сторонники эксперимента. Они нас торопят, убеждают, что не будут в обиде и претензии, если ничего не выйдет... Не хотелось бы, чтобы поспешность стала причиной неудачи.

Самая благодатная для нас аудитория — это те, кто, тревожась за судьбу эксперимента, помогает нам своими наблюдениями, делится не только опасениями, но и вносит трезвые предложения. Дает направление нашим поискам, подбадривает. Так, например, как это делает Тамара Ожигова из Перми. Вот фрагмент ее письма: «Хорошо, что вы занялись этой проблемой, поставили ее и даже пытаетесь как-то конкретно решить. Будет ли достигнут результат? Пока, конечно, загадывать трудно. Мы, читатели, понимаем, что даже в лучшем случае успех поначалу придет только к единицам, к счастливым. Всем ведь вы не дадите панацею от одиночества. Но уже тем, что вас заботят наши беды — свалившееся на молодых женщин одиночество, — вы чуть-чуть поддерживаете нас; наше положение

уже не видится таким тягостным, обескураживающим, безнадежным.

Кажется мне, будто понимаю все трудности в осуществлении подобной идеи. Но на самом деле их гораздо больше, чем предполагаю. Тем не менее они меня не пугают. Я буду поддерживать эксперимент на всех его стадиях и помогать всем, чем смогу. Сейчас я с подругами постоянно проговариваю те или иные аспекты этой ситуации. Увы, вопросов больше, чем ясных ответов на них. Как, например, выходить из положения в том случае, если твой *товарищ по эксперименту* (к сожалению, так и не смогла найти более тактичного определения, простите!) окажется за тридевять земель. Я ведь и сама живу довольно далеко от центра страны, а вдруг он будет жителем Чукотки? Словом, вопросов уйма. Простите за многословие, еще раз желаю успеха редакции...»

О таких письмах думаешь с благодарностью, они поддерживают в трудную минуту, не позволяют расслабляться, уступить унынию. Работа над подготовкой эксперимента продолжается!

Ниже мы приводим несколько писем, в которых обсуждается эксперимент ССБ. В нем принимают участие двадцатичетырехлетние, представители той возрастной группы, которая активнее всего откликнулась на наши публикации.

«Хочется детей...»

В № 8 (1983) увидела письмо Ирины «До ответа...», в конце которого вы пишете, что ей поможет эксперимент ССБ. Но он нужен не только ей.

Ведь знакомиться практически нигде: на танцах — 17-летние, в клуб «Кому за 30» — рано, а нам, кому за 20, и пойти некуда.

Мне тоже 24 года. Закончила университет. Коллектив женский. Все подружки замужем, и мне страшно хочется иметь детей.

Еще Сервантес устами Дон-Кихота говорил: «Как и сто лет назад, несчастные зовут на помощь, счастливы затыкают уши». Так было во все времена, так будет всегда. Поэтому те, кто уже нашел свою судьбу, считают, что «электронная сваха» не нужна. А сколько таких, которые ищут, но не находят, которые не бросаются первому попавшемуся на шею, а верят в то, что все-таки найдут своего единственного и неповторимого, за которым пойдут и в огонь, и в воду. Таких много, но не каждый об этом скажет. *Любовь С.*

«Ждать свой счастливый день...»

Мне 24 года. Возраст таков, что необходимо серьезно подумать об устройстве личной жизни. К сожалению, до сих пор среди моих друзей (скажу без хвастовства — их у меня много) я не находила человека, которого могла бы назвать «единственным». И вот прочитала «Предлагаем эксперимент». Очень заинтересовалась, показала журнал своим знакомым и близким.

Как это обычно бывает в обсуждении того или иного предмета, мои друзья разделились

на два лагеря: «за» и «против». И что интересно: те, кто не нашел своего «спутника жизни», были «за», а те, кто уже женат или замужем, — «против».

Позиция первых ясна. Все они в один голос утверждали: эксперимент — это еще один шанс (а может, и единственный) найти свою судьбу, стоит попробовать, и заранее огорчались, что эксперимент может и не состояться.

«Противники» же отстаивали свою точку зрения, основываясь на том, что в результате получится так называемый брак по расчету...

Вот такие различные мнения. Но не стоит забывать, что «противниками» оказались люди, которым в данной области человеческих отношений нечего больше желать. Надо подумать и о других. Например, среди моих друзей есть две молодые женщины, матери-одиночки (ужасно не люблю этого определения), которым не повезло в жизни. Хотелось построить свое счастье, да ничего не вышло. Одна радость — ребенок. Но радость-то эта неполная. Вот и хотелось бы еще раз попытаться счастья: а вдруг оно улыбнется?

Немного о себе. Скажу сразу: как уже вы, наверное, поняли, я целиком и полностью «за».

Я учусь заочно. Работаю в НИИ. Окружение солидное, интеллигентное. Казалось бы, никаких проблем для знакомства. Ан нет. Коллектив в основном женский, а немногочисленные мужчины уже все имеют семьи. Даже молодые специалисты, которые попадают к нам по распределению, и то приходят женатыми. То есть работа отпадает.

Теперь — институт. Здесь картина примерно та же, за тем исключением, что лиц мужского пола немного побольше. Только опять — «но». На заочном люди учатся в большинстве своем со стажем, обремененные семейными заботами, и, как правило, нет такой сплоченности коллектива, как на дневном. У всех свои радости и огорчения, свои проблемы, каждый сам по себе. Конечно, в этом нет ничего хорошего, но и изменить что-либо невозможно.

Но кто-нибудь мне может возразить, что, кроме работы и учебы, существуют еще какие-то способы знакомства. Конечно, есть.

Помню, когда училась в техникуме (4 года назад), все наши девчонки бегали на танцы в военные училища (благо у нас в городе их хватает). Результат: все повыходились замуж за курсантов. Я с ними не ходила. Не посчитайте это излишним самовыпячиванием, но для меня это мероприятие всегда было унизительным. Все эти простояния за билетом по полтора-два часа... А в танцевальном зале еще хуже: идешь, что называется, сквозь строй... Все тебя окинут взглядом и как бы прицениваются: подойдет — не подойдет. Гнетущее зрелище. (Знаю, потому что один раз подружки меня все-таки вытащили в одно из военных училищ, но это был первый и последний раз.)

Вот такие, не очень-то веселые дела. Конечно, я не перестаю надеяться и ждать свой счастливый день, свою большую любовь, но все-таки иногда в глубине души шевелится маленький червячок, который точит и точит, приговаривая: «А вдруг никогда?..»

Я думаю, что найду большое количество единомышленников, у которых, может быть, не совсем так, как у меня, сложились (вернее, не сложились) обстоятельства, но, по крайней мере, итог этих различных обстоятельств у всех одинаков: ожидание счастья. *Елена, Ленинград*

«Стоящее дело...»

...Не понимаю, какие вообще могут быть дискуссии по этому вопросу. Если не согласен — не посылай своих данных никуда, устраивай жизнь без помощи электроники. Но ведь нелепо из-за противников всего нового оставлять без надежды множество людей. Немного о себе. Я вышла замуж в 19 лет, без любви, по настоянию мамы («он не пьет, неплохо зарабатывает»). Полюбить я его не смогла все пять лет моего замужества. Вдобавок муж оказался человеком злым, жестоким и грубым. С горем пополам сумела развестись. Все правильно — сама виновата, но кто из нас в 20 лет точно знает, чего хочет в жизни? Теперь я действительно знаю, какого человека могу полюбить. Но слишком много теперь для этого препятствий... Я почти поставила крест на своей личной

жизни, приготовилась к одиночеству, хотя замужество мне предлагали не раз, но я твердо усвоила, что жить без любви — преступление. И перед своей и перед чужой жизнью

И вдруг эта статья!.. Даже если десять человек с вашей помощью найдут свое счастье — это уже стоящее дело, а ведь их будет не десять... Простите за вопиющий эгоизм всего письма (мне очень стыдно поэтому назвать свое имя полностью), но ведь ужасно, согласитесь, ни разу в жизни никому не сказать «люблю», никого не назвать любимым.

Валентина П., Москва

«Где вы, парни?..»

Мне 24 года, инженер-химик, молодой специалист, работаю на чисто женском заводе (даже мастера и начальник цеха — женщины). И тоже одна. Училась в школе, думала: вот поступлю в институт, вот там будет жизнь!.. Но... жизнь в институте действительно интересная, захватывающая, а своего единственного я не встретила (кстати, училась в техническом вузе, а на три группы был один парень). Что уж тут говорить, действительно единственный!!

Училась и думала: вот приеду на завод, уж там-то... Но завод оказался «дамским»: 88 процентов — женщины. Где знакомиться? Общежитие женское, на вечерах — девушки, в театре — девушки, в кино — девушки. В транспорте? Смешно.

Вот и остается одна надежда, что кто-то познакомит. Самой давать объявления стыдно. Но что делать? Я один раз вычитала объявление, писал молодой человек 30 лет. В тот же день написала, и что же? А ничего: три месяца уже прошло — и тишина. И вот случайно узнала, что один мужчина в ответ на свое объявление получил 400 (!) писем и познакомился с 50.

Может, я уже пропустила «свой» случай и остается улыбаться в ответ на вопросы: «Замуж не вышла? А почему?» Все говорят, надо действовать самой, надо бороться и т. д. Но... я не могу. Хочу, чтобы меня заметили, а не я «домогалась».

Ирина права в каждой своей строчке, и я твердо знаю, что восемь моих подруг (и институтских, и здешних) готовы подписаться под каждым ее словом, а не только строкой.

Где вы, парни?

Меня на работе спрашивают: «Уедешь, когда оработаешь?» И сами отвечают: «Парня тебе надо хорошего, выйдешь замуж и останешься!» А так зачем, всю жизнь в общежитии? Квартыры одиночкам не дают и не обещают даже. И опять мысли в голове: вот уеду в другой город, вот уйду на другую работу. Вот... вот... вот... И все чаще думаю: ничего не изменится, все останется, как прежде, ибо мои сокурсники в других городах, но им судьба не улыбается.

Ну вот написала, пожаловалась, так и хочу написать: до ответа... Но до какого?

И все-таки — меня зовут Таня, живу в г. Волжском.

P.S Хотелось бы знать, что думают наши долгожданные парни (где-то они должны же быть!). Неужели они даже журнал не читают и не отзовется никто на письмо Ирины?!

«Итак, ССБ?»

Основной аргумент прогивников этого пути в создании семьи, по моим наблюдениям, сводится к следующему: семья — это любовь, а любовь — во власти случая, она непредсказуема. «Сватовство», даже и с помощью сверхсовременной ЭВМ, — нарушение общепринятого, просто нонсенс!

Но где же находят люди своих избранников? Давайте разберемся. Вот возможные варианты: а) в институте, на службе и т. п.; б) на танцах, вечеринках и т. п.; в) на улице, в транспорте и т. п.; г) в турпоходе, на курорте. Вот, пожалуй, и все. Относительно последнего способа добавлю только остроту собственного сочинения: если альпинизм, как известно, школа мужества, то туризм — испытание замужества... Все курортные романы обычно продолжаются 24 от-

пускных дня максимум. Знакомства же на улице имеют счастливый исход только в сентиментальных фильмах.

Так где же встретиться тем, кто уже вышел из возраста «танцплощадки», но так и не встретил своей половины? Для меня данный вопрос пока риторический. Я хлопочу не о себе. Мне еще только 24 года и жениться, пожалуй, рано. Надо осмотреться, осмыслить жизнь, пройти путь проб и ошибок. Здесь я согласен с Ириной из Новосибирска (ее письмо в № 9 за 1983 г.): ненужных встреч нет!

Но я понимаю и тех молодых людей, что уже оказались в цейтноте, в критическом положении и нуждаются в ССБ и ЭВМ. Помочь им можно. Утверждаю как специалист Профиль моей будущей профессии — применение ЭВМ. Желаю успеха эксперименту.

Виктор Вахнюк

Вот таким письмом мы заканчиваем подборку откликов двадцатичетырехлетних. Вроде человек «за» не осуждает нас, а даже, наоборот, подбадривает, но в то же время время себя к категории, находящейся в «цейтноте», не относит. Впрочем, конечно, каждый человек волен оценивать себя и поступать так, как ему угодно.. А собственно, почему как угодно? Письмо неприятное, и предлагаем мы его вам только в порядке продолжения дискуссии о ССБ и для того, чтобы читатели знали, что послания с подобным настроением, увы, не редкость.

Наверное, ни одна из наших корреспонденток, уповающих на ССБ и требующих немедленного опубликования анкеты, не хотела бы получить адрес такого «теоретика»?

Именно желание все взвесить лишней раз, найти читательницам защиту, помочь им избежать разочарования от встреч с бессердечием и убеждает нас не торопиться.

Другой наш читатель. Анаголий Прохоров, одобряет эксперимент с таким примечанием: «Этим самым мы сэкономим дорогое нам время, которого так не хватает». Не лучшую аргументацию в защиту ЭВМ приводит и Эдуард К.: «...Выбор одного человека из всего человечества сделать не так уж и легко. Да еще, я считаю, в этом большая помеха — любовь с первого взгляда. В таком случае любящие друг друга знают лишь наружную красоту. А после свадьбы выясняется, и довольно нередко: «внутренняя красота», которая, возможно, не совпадает с желаемой. А тогда уже исчезает счастье».

Выбор спутника жизни — поступок, требующий больших (математических) расчетов. А ошибки приносят весьма нежелательные последствия. А вот ЭВМ сможет сделать расчеты с большей точностью. Супруги нашего времени должны стать примером для молодежи будущего...»

Такой абсурдно-рационалистический подход вызывает улыбку. Но только в первый момент. А потом возникает тревога. Что же происходит с нашими парнями? Почему в их рассуждениях исключаются чувства? Я думаю, что ЭВМ и Анкета ССБ помогут только тем, кто, несматривая ни на какие превратности судьбы, не утратил способности любить.

Николай Вересов, обозреватель ССБ

Встреча

Мечта — песня

Пластинка была старая, но голос такой знакомый. Это пела его бабушка. Он слушал, вспоминал детство... Мама тоже была певицей. Тогда очень любили джаз. А дед? Однажды он был увенчан лавровым венком — награда за великолепное мастерство танца... Вахтанг помнит послевоенные годы, разруху, голод. Война принесла беду и в их семью — не вернулся с фронта отец...

Наверное, память — это и есть тот активный жизненный нерв, который помогает не фальшивить и в жизни и в искусстве.

Актер Вахтанг Кикабидзе органично умеет найти интонацию песни, естественно передать жест, улыбку, растрогать сердце слушателя, вернуть ему надежды. Песни-исповеди, песни-размышления.

Мы встретились в павильоне киностудии имени М. Горького. Вахтанг Кикабидзе снимался в одной из главных ролей в многосерийном телефильме «ТАСС уполномочен заявить...».

— Вахтанг Константинович! У каждого актера своя дорога в искусство. Как она начиналась у вас?

— Если говорить в буквальном смысле, то я пришел в искусство через парадное одного дома, который и сегодня стоит в Тбилиси на улице Дзержинского, 22. В нем жили мои друзья. Каждый вечер, собираясь в подъезде, мы играли на гитаре и пели. Однажды наш старший товарищ, в то время руководивший самодеятельным коллективом в медицинском институте, услышал, как я пою. Из этого подъезда он повел меня петь в институт. Потом «перепел» почти во всех вузах Тбилиси. А первые гастроли были в Москве. Вместе с оркестром Политехнического института выступал в МГУ, ЦДРИ. Откровенно признаюсь, тогда еще не знал, мое ли это дело — петь, или не мое. Но сцена очень тянула, и так просто уйти с эстрады уже не мог.

— Прошли годы, вы закончили институт. Из самодеятельности перешли в профессионалы. Были солистом, художественным руководителем ансамбля «Орэро».

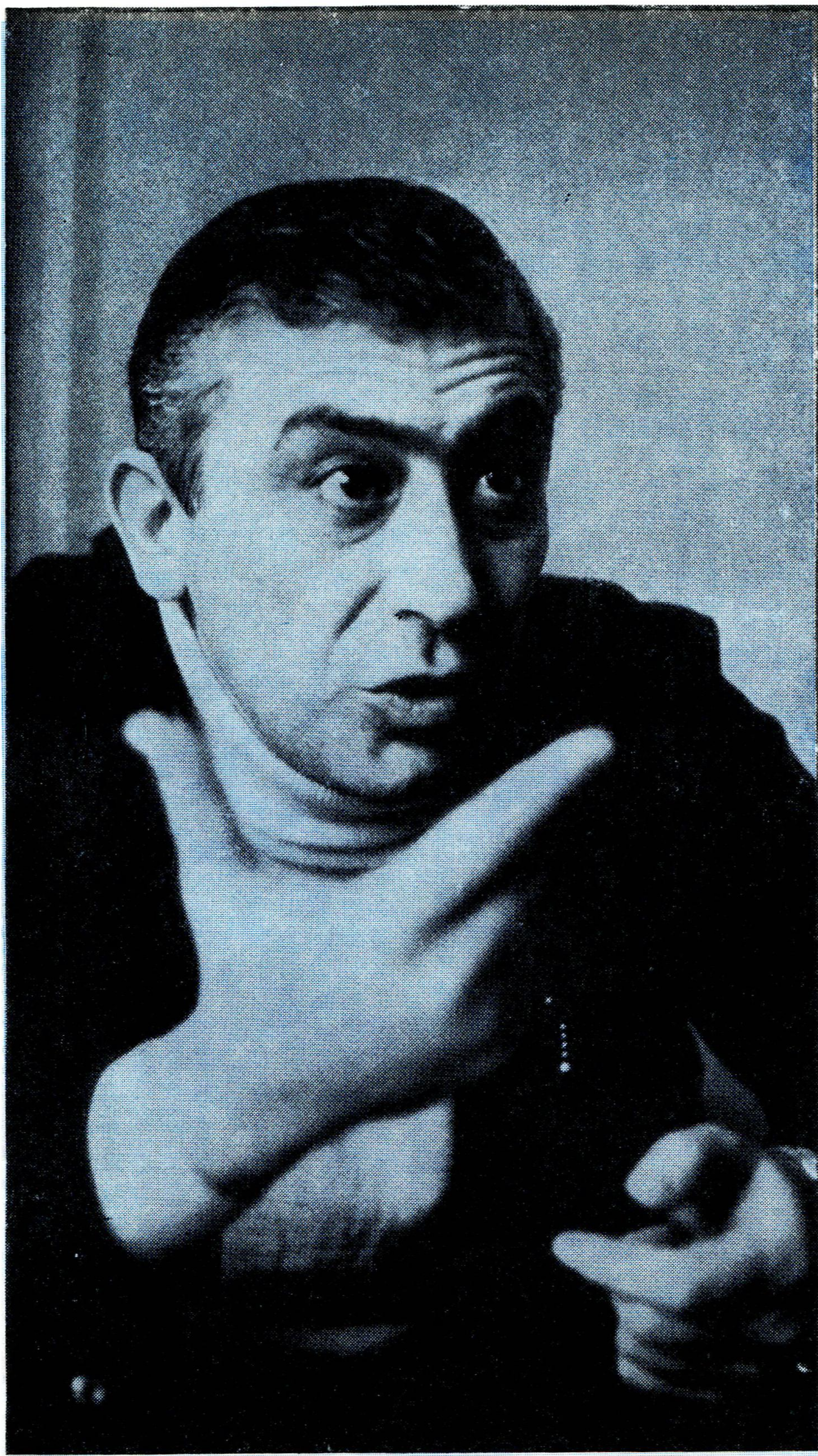
На смотре джаза на Всемирной выставке в Монреале вас признали «ударником номер два». Расскажите об этом.

— Каждая страна, участница выставки, имела свой павильон, в котором ежедневно выступали музыкальные группы. Вероятно, поэтому руководство выставки решило организовать фестиваль джазовой музыки. Пригласили принять участие и «Орэро». Когда подвели итоги, меня наградили дипломом. Не скрою, совсем неожиданно...

— Вахтанг Константинович, что вы больше всего цените в джазе?

— Труднейшие многоголосные произведения из золотого фонда джазовой музыки. Нам — говорю о своем поколении — очень нравилось исполнять их.

К сожалению, сейчас этот жанр менее популярен. Когда встречаю моло-



дых людей, знающих джаз, любящих его, — радуюсь.

— Кто ваш учитель на эстраде?

— Марк Бернес. Я слишком поздно с ним познакомился. Тогда еще не понимал, как близок к его манере исполнения, песням. Он магически действовал на зал. Его пение понималось сердцем.

До сих пор не могу понять, почему таких певцов, как Утесов, Бернес, Высоцкий, называли «бардами» или «шансонье»... Они певцы-рассказчики, без претензии на какие-то вокальные данные. Я тоже не претендую на вокал. Для себя выработал железное правило — мужчина, к тому же седой, не должен выходить на эстраду,

чтобы петь о цветочках... Каждый актер прежде всего должен знать, о чем и для чего он поет. Марк Бернес помнил об этом. Вот почему зритель считал его своим, вот почему он остался в наших сердцах не только большим артистом, но и прекрасным человеком, с которым и сегодня, когда слушаешь его песни, становится легко и спокойно.

— Как вы относитесь к своим зрителям, слушателям?

— Театральные актеры обычно говорят, что не могут жить без театра. Вероятно, так оно и есть. Я же могу долго не сниматься, и меня не очень это волнует. Но находиться без публики, без ее живого дыхания, ее глаз все-таки очень трудно. У меня никогда не возникало мысли прожить больше, чем отпущено судьбой. А вот с моими зрителями и слушателями я хотел бы быть как можно дольше.

— Ваша тема в искусстве?

— Она определилась давно, сначала в кино, а потом и на эстраде. Это тема любви, человеческого счастья. Каждый из нас имеет право на счастье. В поведении моих героев есть немного легкомыслия, но все они бескорыстны, отзывчивы, симпатичны и добры. Вот почему всегда к финалу стараюсь максимально подвести этих маленьких, неустроенных людей к какому-то радостному моменту, чтобы их счастье не уходило. Когда у меня это получается, радуюсь вместе с ними. Та же тема — основа песен.

— Что вы цените в современной молодежи? Что вам не нравится?

— Буду откровенен: мне не нравится, когда молодые «играют» не себя. Было время, когда многие девушки старались быть похожими на Брижитт Бардо, а сегодня у нас на эстраде, да и не только там, часто пытаются петь и вести себя под Аллу Пугачеву, забывая при этом, что Алла одна, она единственная в своем роде, нашедшая и утвердившая свое творческое лицо актриса. Нужно всегда оставаться самим собой, открывать и утверждать в жизни и в искусстве свое.

Хочу сказать, что такой развитой, начитанной молодежи, как в нашей стране, нигде больше не встречал. Довольно часто разговаривал с западными музыкантами. Они высокие профессионалы, знают дело, — это и понятно: если кто-то лучше сыграет, на твое место будет взят другой. Но при этом у многих отсутствует интерес к познанию. Допустим, они могут не знать, кто такой Миклухо-Маклай, но не слышать о Юрии Гагарине, не читать Пушкина, Толстого, Чехова?!. Нашей же молодежи знакомы и Джек Лондон, и Фенимор Купер, и Хемингуэй. Это наше достояние.

— Какими в идеале хотели бы вы видеть сегодняшних молодых людей?

— Прежде всего заинтересованными в выборе своей будущей профессии. В семнадцать-восемнадцать лет мы мечтаем, стремимся к творчеству. Момент упускать нельзя. Мне обидно за тех, кто, придя из школы, института, все время торчит на улице или всему прочему предпочитает ганцы...

Я уважаю тех, кто дерзновенен. Люблю увлекающихся. Верю: они талантливы. А талантливые — на

99 процентов хорошие и добрые люди. Конечно, в жизни никто не застрахован от ошибок, но лучше их допускать, чем жить инертно.

— Что вы цените в людях своего поколения?

— Мое поколение пережило войну. В детском возрасте мы бегали с утра и до позднего вечера в поисках куска хлеба... Мы знаем цену дружбе, потому что остались живы благодаря ей, знаем дорогую цену безотцовщины. Люди моего возраста, по-моему, более серьезно относятся к таким понятиям, как верность, честь.

— Какие качества вы больше всего цените в мужчинах?

— Порядочность. Максимальную. Душевную чистоплотность... Достоинство... Рыцарство...

— А в женщинах?

— Красоту, обаяние...

Материнство, семья, дом, любовь — это тоже необходимо женщине. Для нее, как и для мужчины, стремление к высокой цели, верность своему слову тоже важны.

— Популярность накладывает ответственность перед собой, друзьями, зрителями?

— Часто в мой дом приходят совершенно незнакомые люди с какими-то просьбами или, наоборот, советами, предложениями. Во время разговора вдруг начинаешь ощущать, что многие из них уверены; ты должен делать, поступать так, как говорят они. Приходится все время себя контролировать, чтобы никого не обидеть.

Но, может быть, в этом и есть счастье артиста, когда тебя не отделяют от себя и считают членом своей семьи...

— Вахтанг Константинович, что из задуманного вами сбылось, а что нет?

— Очень хотел сыграть Дон-Кихота. Кажется, он мне близок. Но... Правда, отдельные черты подобного характера сыграны в фильмах «Мимино» и «Не горюй».

Что сбылось?.. Как режиссер, снял художественный фильм «Будь здоров, дорогой!». Возможно, будет и другой фильм. Он о моем родном Кавказе...

— Все мы родом из детства... Если бы вам захотелось написать о нем, с чего бы вы начали книгу?

— С крыши... Интересная была крыша в моем доме... По вечерам все ребята нашего двора собирались на ней и почему-то уговаривали меня рассказать новый фильм. Друзья знали, что я придумывал его, но не перебивали, слушали. Наверное, потому, что я хорошо фантазировал. С этой крыши я и спустился к тому подъезду, о котором мы говорили вначале. Мечта, фантазия помогли стать актером.

— А главная мысль вашей книги?..

— Жизнь оценивается содеянным, тем, что мы оставим нашим детям. Пусть это будут фильмы, книги, песни...

Беседу вел Юрий Славич

Фото А. Басса



Молодой хозяйке

Домашнее задание

Рассказывая вам о тех или иных способах приготовления пищи, я всякий раз предлагала рецепты и, таким образом, как бы давала нашим читательницам домашнее задание. Надеюсь, вы справлялись с ним.

А вот на сей раз сама попала в положение ученицы. Недавно получила письмо из Дагестана, в котором дается задание мне.

Девушка пишет, что она сластена и любит домашние торты. Но с ней произошла беда: торт, который она решила приготовить, никак не получается. То тесто не поднимется, то крем какой-то невкусный выходит. Причем, как ей кажется, все делает правильно.

Обидно, не так ли?

И вот она просит прокомментировать столь полюбившийся ей рецепт и найти ошибки в ее действиях. Далее идут наперечет все составляющие торта.

Сначала возникла мысль написать, чтобы не мучилась, а нашла более простой в исполнении торт. Ведь их так много. Но потом решила все же помочь выйти из столь затруднительного положения, тем более что она проявила такое упорство — уже три раза пыталась его приготовить. Мне захотелось поскорее вернуться домой и приступить к выполнению задания. Но когда стала более внимательно перечитывать рецепт, пыл мой постепенно угасал. Почему? Очень просто. Я тоже люблю сладкое, но все-таки не до такой степени, чтобы на один торт уبخать почти 700 граммов сахарного песка. Это, по-моему, уж чересчур что-то приторное.

Жаль стало продуктов — сметану, яйца, молоко, масло, какао, грецкие орехи. Ведь все равно такой переслащенный торт не стану есть. Жалко и себя тоже: что будет с моей фигурой, если так злоупотреблять сахарным песком?

Поэтому пришла к выводу: совет нужен, но несколько другого рода. Кстати, письмо без адреса — читательница просила дать ответ на страницах журнала. Надеюсь, наша открытая переписка будет полезна всем.

Прежде чем браться за приготовление чего-либо, взвесьте все «за» и «против», не хватайтесь за любой рецепт, подумайте, приемлема ли для вас эта пища. Даже если вам не грозит полнота сейчас, слишком большое увлечение сладким и сдобным может превратиться в привычку, от которой позднее можете пострадать. Выбирайте рецепты сладких блюд не слишком перенасыщенные сдобой и сахаром.

А уж когда сделаете что-нибудь вкусное, не забудьте пригласить друзей, чтобы львиная доля торта досталась им.

Раз уж нашей читательнице из Дагестана так приглянулся ореховый торт, то сегодня порекомендую один из способов его приготовления.

Тесто. Взбейте два яйца с $\frac{3}{4}$ стакана сахарного песка, добавьте неполную чайную ложку соды и столовую ложку меда (жидкого). Если мед загустел, опустите баночку с ним в горячую воду — он растает. Всю полученную массу, тщательно размешанную и взбитую, выложите в кастрюлю. Предварительно растопив в ней сто граммов сливочного масла (или маргарина). Масло не должно быть очень горячим.

Поставьте кастрюлю на маленький огонь и, непрерывно помешивая, добавьте постепенно два стакана муки — до образования однородной массы, после чего снимите кастрюлю с огня.

Цвет теста должен быть золотисто-желтый. Остывшее тесто слегка обваляйте в муке,

разделите на три равные части, раскатайте тонкие коржи. Причем коржи можно печь как в большой плоской сковороде, так и на противне. В последнем случае лучше раскатать сначала небольшой кружок на столе, а продолжить раскатывание до нужного размера (примерный размер в диаметре 15—16 см) уже на самом противне, посыпанном мукой. Затем вырежьте ножом точный круг, а остатки сохраните.

Коржи должны быть тоненькими, примерно 2—3 мм толщиной.

Если вы будете выпекать коржи на небольшой сковороде, то их, естественно, получится больше по количеству.

Выпекать коржи надо на маленьком огне и всего 4—5 минут. Когда корж станет коричневого цвета, снимайте. Готовые коржи становятся твердыми, не пугайтесь: так и должно быть. Но после того как вы смажете их кремом, торт получится мягким и нежным.

Все обрезки теста, уже не думая о какой-либо ферме, раскатывайте и тоже выпекайте, после чего истолчете их в крошку. Она пойдет на посыпку торта.

Крем. Сразу оговорюсь, что крем может быть любым. Даже будет лучше, если вы воспользуетесь уже известным вам рецептом. А вот мой способ приготовления крема.

В кипящее на маленьком огне молоко (один стакан) добавьте растертую массу из одного яйца, полстакана сахарного песка и одной столовой ложки муки. При этом непрерывно помешивайте массу, чтобы не подгорела.

Затем дайте ей остыть до чуть теплого состояния и взбейте с примерно 30—50 граммами сливочного масла. Можно также прибавить две столовые ложки сваренного сгущенного молока, если оно у вас есть. Поставьте крем на некоторое время в холодильник.

Грецкие орехи очистите от скорлупы и разомните толкушкой (полстакана).

Теперь все составляющие торта готовы. Осталось только их соединить.

Каждый корж намажьте кремом, а затем посыпьте толчеными орехами и т. д. Верхний же слой сначала намажьте кремом, потом посыпьте ранее сделанной крошкой, а после — грецкими орехами.

Неровные края торта обрежьте, остатки не выбрасывайте, а мелко крошите. Они пойдут на посыпку боковин торта, предварительно смазанных небольшим количеством крема.

Торт готов. Поставьте его в прохладное место. Печь торт лучше всего заранее, то есть накануне какого-либо события, так как, постояв, коржи лучше пропитаются кремом.

Если вдруг возникнут трудности в приготовлении, пишите. Но, надеюсь, все обойдется благополучно.

Ирина Смирнова

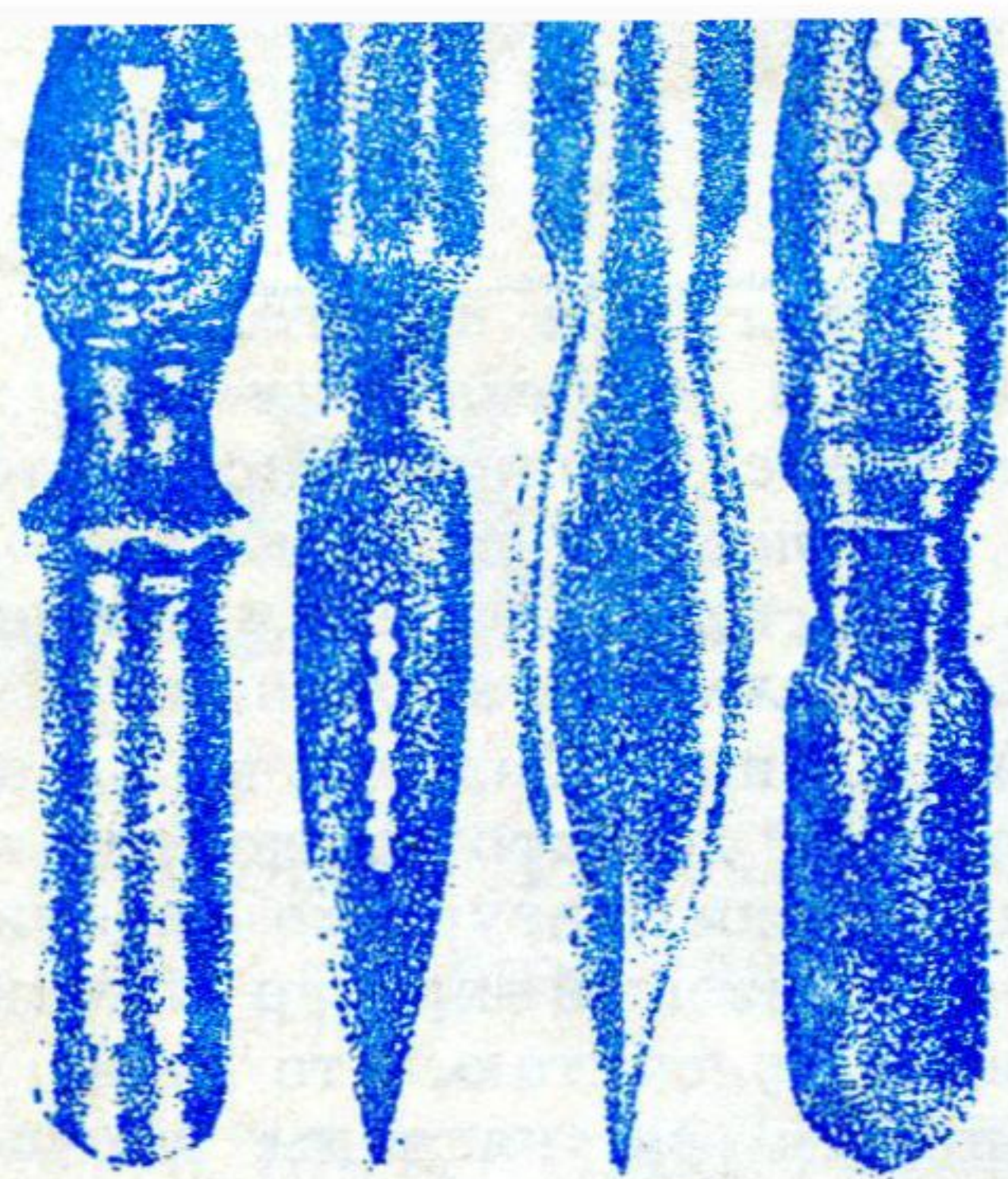
Советы сверстниц

Из нашей почты

Хотите освежить зачерствевший хлеб? Положите его в кастрюлю, прикройте полотенцем и подержите 10 минут над миской с кипящей водой.

Чтобы нарезать свежий хлеб тонкими ломтиками, нагрейте нож, опустив его на минутку в кипятки.

Магамедова, г. Махачкала



Справочное бюро

«Уважаемая редакция! Прошу ответить, в каком техникуме можно получить образование (заочно) по специальности «ремонт и обслуживание бытовой радиоэлектронной техники»? Есть ли такие техникумы на Украине?»

В. Савин, г. Днепропетровск».

На территории Украинской ССР таких техникумов нет. А в РСФСР имеются два техникума, где на заочном отделении можно приобрести специальность «ремонт и обслуживание бытовой радиоэлектронной техники»: Тульский электромеханический техникум имени А. Г. Рогова (300600, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 89) и Йошкар-Олинский (Марийская АССР) технологический техникум (424700, г. Йошкар-Ола, Коммунистическая ул., 22).

«Ответьте нам, пожалуйста, может ли деканат факультета принять решение о выселении студентов из общежития за то, что они не изъявили желания быть донорами? Группа студентов Новочеркасского политехнического института».

Решение декана лишить мест в общежитии группу студентов за отказ быть донорами противоречит действующему законодательству.

На основании ст. 340 Гражданского кодекса РСФСР студенты, проживающие в общежитии, могут быть выселены из него только при отчислении из вуза.

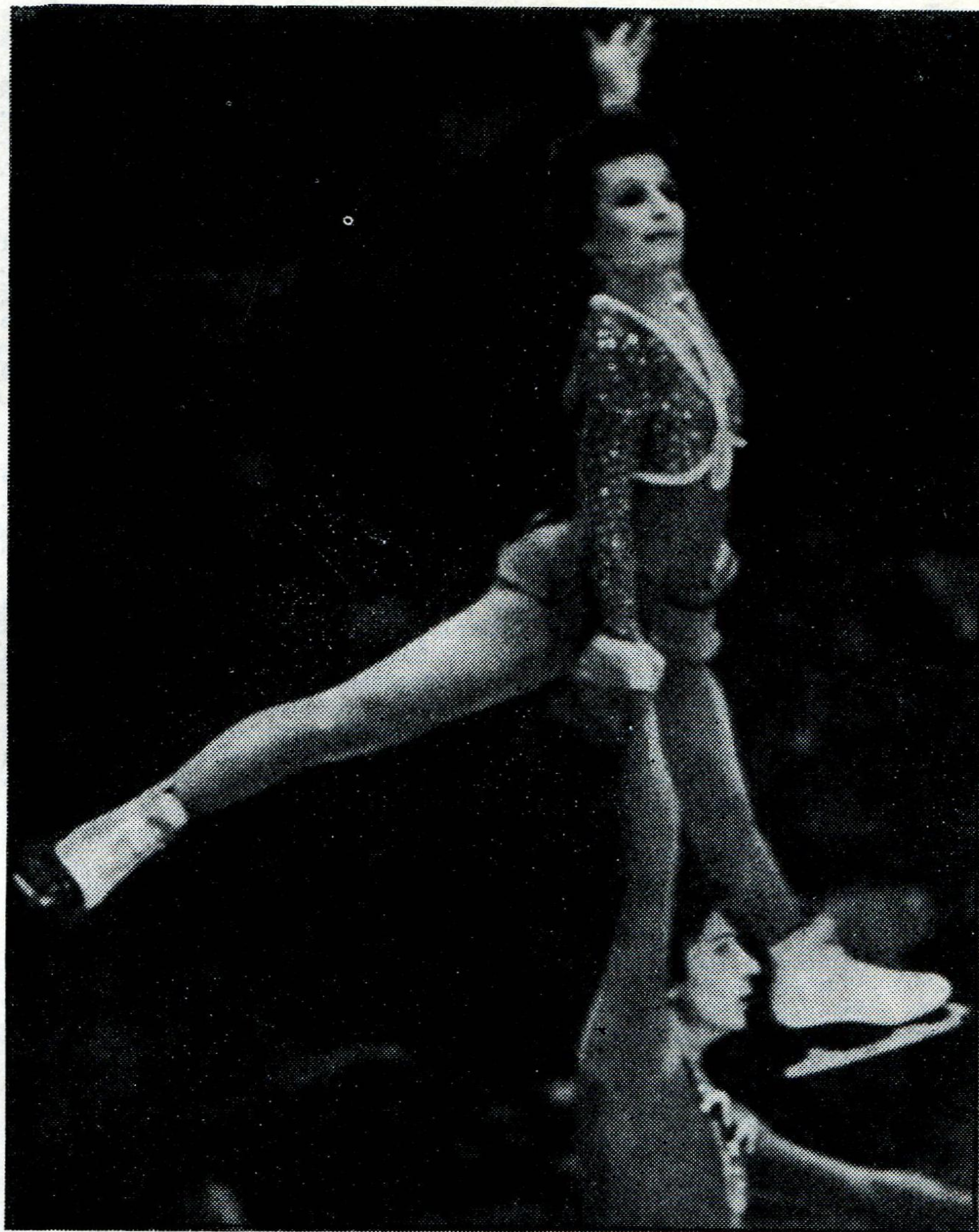
«Я учусь в Харьковском гидрометеорологическом техникуме, сейчас нахожусь в академическом отпуске в связи с беременностью. Хотелось бы узнать, будет ли выплачена мне стипендия за дородовой и послеродовой периоды, ежемесячное пособие до исполнения ребенку одного года?»

Т. Басова, г. Дружба Сумской области».

Согласно инструкции о порядке назначения и выплаты стипендии учащимся средних специальных учебных заведений, утвержденной приказом Минвуза СССР от 18 апреля 1972 года № 305, правом на получение стипендии в период дородового и послеродового отпуска пользуются только учащиеся-стипендиаты.

В период после окончания послеродового отпуска до исполнения ребенку одного года вам будет выплачиваться техникуму ежемесячное пособие в размере 35 руб. за счет средств соцстраха независимо от того, являетесь ли вы стипендиаткой или нет.

Основание: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1981 г. № 235.



Е. Валова и О. Васильев. Фото Е. Волкова

Спорт, спорт, спорт

«В советской школе фигурного катания прсходит смена поколений. На место прославленных звезд пришли молодые, многим из которых предстоит выступить на зимних Олимпийских

играх в Сараеве. Хотелось бы побольше узнать о новичках, о том, с чем они пришли к ответственным соревнованиям.

С уважением, студентка Оля К.».

«Вот пришел мой час...»

На гребне новой волны ленинградский спортивный дуэт — 20-летняя Елена Валова и 23-летний Олег Васильев. Дебютируя на предолимпийском мировом чемпионате-83 в Хельсинки, ленинградские студенты завоевали золотые медали. Такой блистательный взлет новичков мир фигурного катания видел лишь однажды — в 1969 году, когда на высшую ступеньку мирового пьедестала поднялись новобранцы сборной СССР Ирина Роднина и Алексей Уланов. Главная заслуга новых чемпионов мира из Ленинграда состоит в том, что они постарались создать оригинальный стиль, в основе которого — высочайшая техническая сложность программ, обилие поистине акробатических элементов.

Представить читателям «Студенческого меридиана» Елену Валову и Олега Васильева я попросил заслуженного тренера СССР, кандидата педагогических наук Тамару Москвину:

— Вместе Валову и Васильева свели... неудачи. И Лена и Олег начинали как одиночники, выступали в юношеской сборной страны, отлича-

лись хоршей технической подготовкой. Васильев даже был чемпионом и обладателем Кубка СССР среди юниоров. Но вот пришла пора выходить на

«взрослый» лед — и начались сплошные трудности. В то время в мужском одиночном катании появилась плеяда блестящих мастеров — чемпионы мира Сергей Волков и Владимир Ковалев, с которыми конкурировали Юрий Овчинников, Игорь Бобрин... Понятно, что на таком фоне проявить себя Васильеву было очень нелегко... Что же касается Валовой, то все единодушно отмечали ее незаурядную технику. Но... утвердилось мнение, будто Лена — фигуристка совершенно неартистичная, «серая», и посылать ее на ответственные международные соревнования не стоит. Словом, будущее молодых спортсменов выглядело весьма проблематичным.

Предложила Валовой и Васильеву попробовать покататься вместе. Вроде бы получается. А какие перспективы? Право выйти на международную арену предстояло им завоевать в исключительно острой конкуренции с именитыми столичными дуэтами — Цестовой и Леоновичем, Першиной и Акбаровым... Опыт подсказывал: единственный путь к победе для нас — это создавать совершенно оригинальные программы, исполнять каждый элемент в своей интерпретации — и делать это увереннее, чем столичные спортсмены. Задача, как видите, непростая, но, к чести Лены и Олега, они с ней справились. Замечу, что оба — спортсмены до мозга костей. Взять хотя бы такой случай. В 1981 году Валова и Васильев отправились на Всемирную зимнюю универсиаду в Испанию. На месте выяснилось, что состязания спортивных пар не состоятся — не приехали остальные участники. Тогда Олег решил стартовать в турнире одиночников — и принес нашей студенческой команде медаль.

Лена и Олег постоянно развивают, дополняют, обогащают мои задумки, часто предлагают собственные идеи — словом, они не просто исполнители, а полноправные соавторы каждой программы.

В беседе Елена и Олег сказали, что, работая над выразительностью программ, они многому учатся у танцевальных дуэтов. Вспомним, какой яркой, богатой палитрой отличается каждый танец английских спортсменов Джейн Торвилл и Кристофера Дина, наших Натальи Бестемьяновой и Андрея Букина, между которыми в последние годы развернулась основная борьба за лидерство. Но и на этом фоне сумели заставить заговорить о себе молодые советские спортсмены — Марина Климова и Сергей Пономаренко, Елена Батанова и Алексей Соловьев...

Слово — балерине Большого театра, заслуженному тренеру РСФСР, хореографу Елене Матвеевой:

— Шесть лет я работала с двукратными мировыми чемпионами Ириной Моисеевой и Андреем Минежниковым, помогая им найти самобытный танцевальный стиль. В предолимпийском сезоне мои первые ученики, как известно, не выступали — Ирина стала мамой, и вернутся ли теперь они с Андреем на лед, сказать трудно. Честно говоря, я думала, что и мне придется оставить работу в спортивных

танцах, — сомневалась, что удастся найти с кем-нибудь такой творческий контакт. Но юные воспитанники московского тренера Натальи Дубовой Климова и Пономаренко развеяли мои сомнения. Каждый из них воспринимает фигурное катание по-своему, творчески, а, значит, вместе они способны создать на редкость самобытный и выразительный дуэт. Этих спортсменов отличает прекрасное владение коньком — достаточно сказать, что Сергей, перед тем как уйти в спортивные танцы, дважды становился мировым чемпионом среди юниоров в парном катании. Он — москвич, студент института физкультуры, а Марина переехала в столицу из Свердловска. Сергей — человек на редкость вдумчивый, сосредоточенный, деловой. Марина — вдохновенна, артистична, обаятельна. Удачное сочетание, не правда ли?

Прекрасная техническая подготовка Марины и Сергея позволяет им уделять больше внимания работе над художественной стороной программ. И здесь молодые спортсмены также прилежны. К олимпийскому сезону мы поставили новый произвольный танец на музыку Кальмана. Надемся, что он понравится и зрителям и арбитрам.

Удачным был международный дебют и другого юного московского дуэта — воспитанников Людмилы Пахомовой — Елены Батановой и Алексея Соловьева. Эти спортсмены также отличаются высоким техническим мастерством и артистизмом, но, как мне кажется, Елена уж слишком старается походить на свою прославленную учительницу. Конечно же, в столь юном возрасте часто стараются быть похожими на кумиров. Но оберегаться от чрезмерного влияния необходимо, иначе не оставишь свой след на льду...

В минувшем сезоне 18-летняя Анна Кондрашова, дебютируя на мировом чемпионате, заняла пятое место, а журналисты и специалисты единодушно отметили редкую выразительность ее катания. О своей ученице рассказывает заслуженный тренер РСФСР Эдуард Плинер:

— Аня начинала тренироваться в ЦСКА, но затем ее признали неперспективной, и 15-летняя фигуристка пришла к нам, на стадион Юных пионеров. Первое, что в ней меня привлекло, — это жажда как можно больше узнать, как можно большему научиться. Потом выяснилось, что Кондрашова на редкость организована: она попевала буквально всюду — успешно училась и в общеобразовательной и в музыкальной школах, потом поступила в инфизкульт, и при всем при том не пропустила ни одной тренировки. Аня — настоящая спортсменка. На чемпионате страны 1981 года она выступала после травмы. Я просил ее не рисковать, не перенапрягаться, но она все-таки отважилась на самый сложный тройной прыжок — и вновь получила тяжелую травму... Месяц пролежала в постели, а поднявшись, приступила к интенсивным тренировкам. Что это: неосторожность и самонадеянность молодости? Скорее, по-моему, другое — стремление выполнять свое дело с предельной самоотдачей, невзирая ни на какие обстоятельства.

В мужском одиночном катании минувший сезон был отмечен тем, что

протиснулся с большим спортом один из самых ярких и артистичных фигуристов мира — заслуженный мастер спорта Игорь Бобрин. Я попросил Игоря Бобрин представить нашим читателям своих преемников в сборной СССР:

— И Александр Фадеев, и Владимир Котин уже достаточно хорошо известны любителям фигурного катания. Фадеев — бронзовый призер чемпионата мира, но я считаю, что Саше по плечу бороться за награды высшей пробы. У него, пожалуй, самая сложная в мире программа, его прыжки — на удивление легки и элегантны, а техника — великолепна. Однако для того, чтобы одерживать яркие победы, Фадееву нужно еще основательно поработать над выразительностью своих программ. Пока ему недостает одухотворенности, артистизма, которыми, кстати, отличаются ведущие зарубежные фигуристы, в частности чемпион мира американец Хэмилтон, канадский мастер Орсер...

С Владимиром Котиным мы еще не так давно вместе тренировались у ленинградского тренера Москвина. Потом Котин переехал в Москву и стал заниматься у Елены Анатольевны Чайковской. Володя — человек творческий, прекрасно разбирается в музыке, почти профессионально изучил искусство хореографии. Котин стремится создать на льду яркие и сложные образы. Но иногда артистическое начало в его работе, по-моему, вступает в противоречие с началом техническим, а отсюда — срывы и досадные ошибки на состязаниях. Предолимпийский сезон из-за травм сложился для Володи неудачно. Хочется верить, что к Олимпиаде-84 он подойдет в лучшей форме, учтет прежние недоработки и получит оценки, достойные его незаурядного дарования.

После чемпионата мира-82 в Копенгагене, где наши фигуристы впервые за двенадцать лет остались без золотых медалей, многие болельщики и журналисты были разочарованы. Но уже следующий сезон показал, что особых оснований для пессимизма нет. Настал час выхода на международную арену талантливых молодых спортсменов, которые преисполнены желанием вернуть мировое первенство советской школе фигурного катания. В предолимпийском сезоне это уже удалось Елене Валовой и Олегу Васильеву. Будем надеяться, что на Олимпиаде-84 успех придет и к их товарищам по сборной

Сергей Шачин

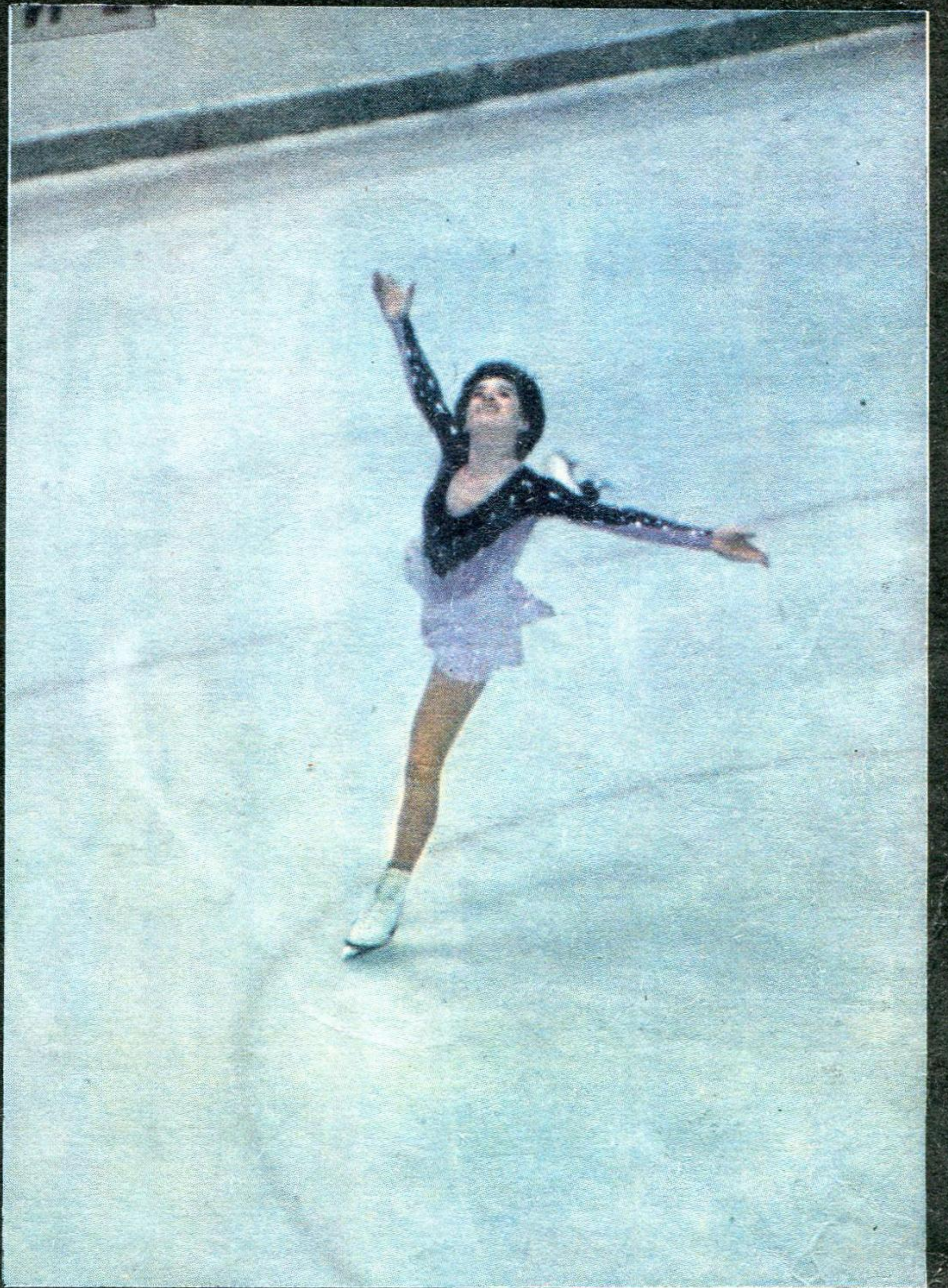
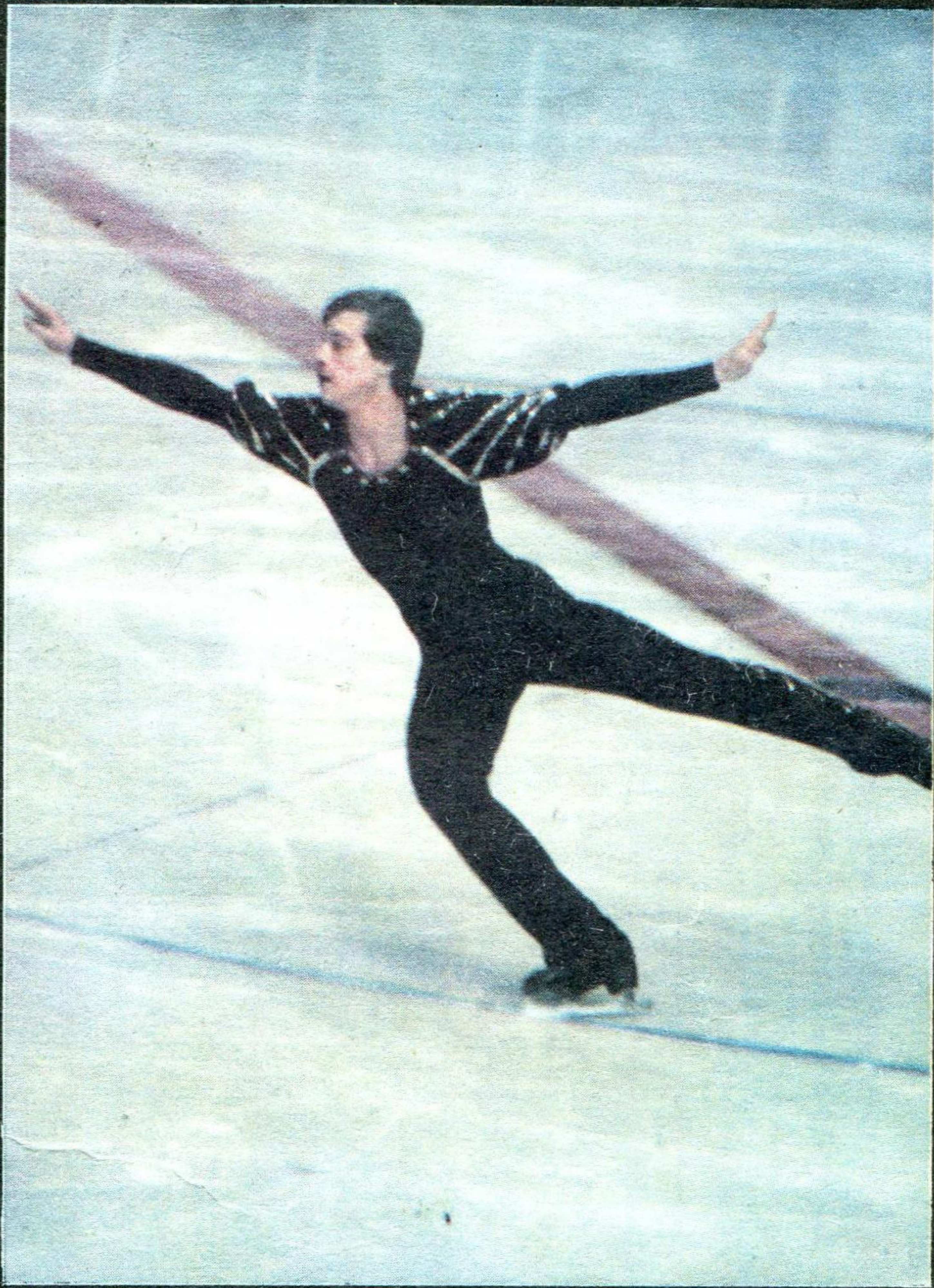
От редакции:

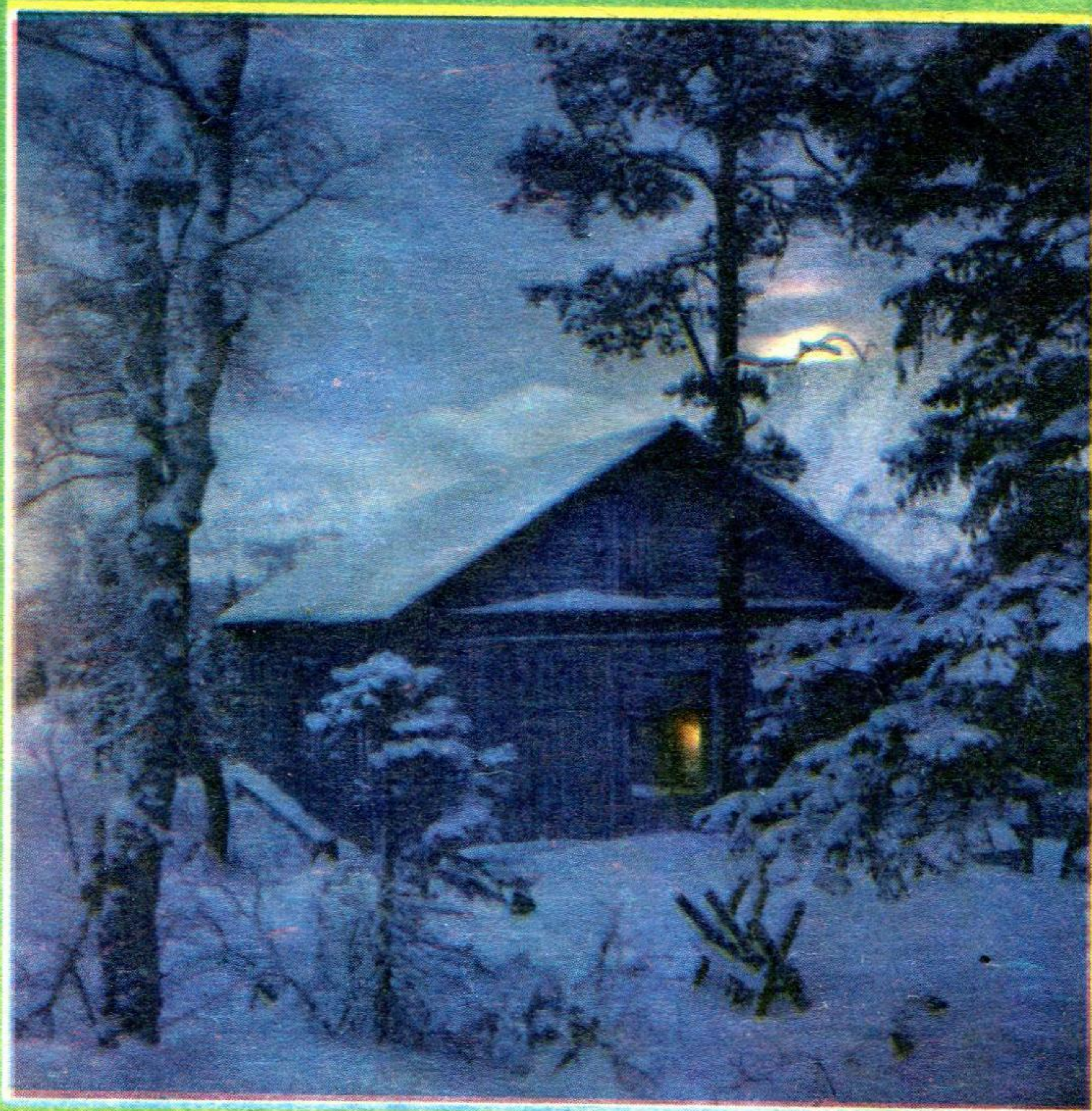
В № 7 за 1983 год «Студенческого меридиана» была опубликована анкета, в которой мы попросили ответить любителей спорта на ряд вопросов.

Судя по читательской почте, наибольшей популярностью пользуются хоккей, футбол, фигурное катание. Это те виды, которые собрали наибольшее количество откликов. Разумеется, мы не будем замыкаться только на этих «трех китах».

Пожелания остальных любителей спорта мы будем выполнять в меру наших возможностей. Итак, ждем от вас новых писем.

*В. Котин, А. Кондрашова,
Н. Бестемьянова и А. Букин.
Фото Е. Волкова*





Лыжня на фоне заката

Зимние студенческие каникулы... Каждый год съезжаются на Кольский полуостров любители лыжного туризма. Тяга к путешествиям заложена в естестве человека. Прошлой зимой и мы не устояли перед искушением увидеть Север.

Наша группа состояла из нескольких студентов и сотрудников МАИ, МГУ и 1-го медицинского института. Это была необычная поездка. По заданию Федерации туризма ЦС студенческого ДСО «Буревестник» нам предстояло стать помощниками местной контрольно-спасательной службы. В случае необходимости организовывать спасательные работы...

